

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЖУРНАЛЬ СЛОВЕСНОСТИ И ПРАВОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ мѣ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue.

Boileau. *L' Art poétique.*

ЧАСТЬ XXX.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1825 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Апрѣля 6 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XIV.

ВИЛАНДЪ.

(Окончаніе.)

Несмотря на худые, впрочемъ неосновательныя полки о нравственномъ характерѣ Виланда, вдовствующая Герцогиня Веймарская *Амалія* избрала его, по предложенію Барона Дальберга, (бывшаго послѣ Примасомъ Рейнскаго Союза) для воспитанія двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ. По сему случаю Виландъ переселился въ 1772 году въ Веймаръ, гдѣ открылось новое обширное поле для его дѣятельности. Знакомство съ *Эгеофомъ*, *Брандесомъ*, *Беколъ*, *Зейделемъ* и другими знаменитыми драматическаго искусства обратили его вниманіе на театръ и онъ написалъ: *die Wahl des Hercules und der Alceste*, (*Избраніе Геркулеса и Альцесты*), Драматическую Поэму, которая въ 1773 году представлена въ первый разъ на Веймарскомъ театрѣ, и вскорѣ принята

была во всей Германіи съ громкою похвалою. Но гораздо важнѣе для Нѣмецкой Липперануры было предпріяніе, которому Виландъ съ сего времени посвящилъ всю свою жизнь, именно: изданіе *Нѣмецкаго Меркурія*. Въ семь журналѣ онъ особенно старался дать лучшее направленіе Кришикѣ; но одностороннія, у Французовъ заимствованныя мнѣнія его о драматическомъ искусствѣ нашли сильныхъ противниковъ въ *Гёте* и *Гердерѣ*. Первый написалъ даже сатиру подъ названіемъ: *Götter, Helden und Wieland*, (*Боги, Герои и Виландъ*), на которую Поэтъ нашъ отвѣчалъ только легкою шушкою. Впрочемъ сей споръ имѣлъ самыя приятныя слѣдствія: онъ познакомилъ съ Гёте Веймарскихъ Принцевъ, которые пригласили его къ своему Двору, а вскорѣ занимъ и друга его Гердера. Тогда-то Веймаръ, бывший до сего времени незначительнымъ городомъ, сдѣлался для Германіи шемъ, чѣмъ нѣкогда была Феррара для Италіи. Герцогиня Амалія снала душею обществу, какое едва ли когда нибудь существовало въ мірѣ. Все великое и прекрасное, производимое искусствомъ,

наукою и жизнью, находило здѣсь самый почтительный приемъ и оцѣнялось вполне по достоинству. Не было различія чиновъ, споль пряснаго для генія, который любилъ и могъ здѣсь свободно предаваться своему отважному полешу; между темъ какъ Амалія, подобно верховной жрицѣ нравственной красоты, управляла всею бесѣдою посредствомъ скипетра благороднаго приличія. Въ такомъ кругу сіи великіе умы, (къ которымъ послѣ присоединился и Шиллеръ), вступивъ между собою въ коронную связь, увѣнчали неувыдаемыми лаврами себя и Государыню, умную покровительствовашъ и уважашъ ихъ.

Дарованія Виланда, какъ писателя для свѣта, развивались болѣе и болѣе. Въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ каждомъ значительномъ событіи на поприщѣ Полифики и Липпературы. — *Geschichte des weisen Danischmend*, (Исторія мудраго Данишмента — продолженіе Золошаго Зеркала,) *Göttergespräche*, (Бесѣда боговъ,) *Gespräche unter vier Augen* (Разговоры вдвоемъ) и другія мѣлкія сочиненія доказы-

вающъ здравую полипику Виланда и его завидный даръ — сухія испины облекашъ въ прияпныя формы. Но глубокомысленныя занятія не охолодили къ нему благосклонности Музы. Позпическій шаланшъ его явился съ новымъ блескомъ во многихъ пвореніяхъ, споль же разнообразныхъ по характеру цѣлаго, сколь совершенныхъ по расположенію и опдѣлкѣ частей. Назовемъ полько важнѣйшія: *Geschichte der Abderiten* (Исторія Абдеритовѣ) ешъ лучшій изъ его Комическихъ Романовъ, ѣдкая сапира на полипическія глупости и неумѣстныя предпріятія особенно въ учрежденіяхъ бывшихъ Имперскихъ городовъ. *Erzählungen und Märchen*, (Повѣсти и Сказки), обрабопанныя опчаспи по чужимъ оригиналамъ, принадлежашъ къ самымъ прелеспнымъ произведеніямъ Виланда, и въ семь родѣ Нѣмецкой Поэзіи занимающъ первое мѣсто. Между ними особенно опличающся: *Pervonte oder die Wünsche*, *Clelia und Sinibald*, двѣ волшебныя Сказки: *das Sommermärchen* и *das Wintermärchen*, и рыцарскія Повѣсти: *Gandalin oder Liebe um Liebe* и *Geron der Adelige*. — Въ 1780 году явился

Оберонъ, первая и лучшая Романтическая Эпопея на Нѣмецкомъ языкѣ, которая одна могла бы обезсмертишь Виландово имя. — Во всѣхъ помянутыхъ стихопвореніяхъ недоспадки, открываемые спротою кришикою, споль щедро вознаграждаются красопами, что почти совершенно теряются изъ виду. Но нравственнo-прогашельнаго рѣдко можно ожидать отъ Поэты, который въ самыхъ важныхъ рѣчахъ съ прудомъ могъ скрывать ироническаго сапирика, и который изъ опасенія не впасть въ мечшательность, сдѣлавшюся предметомъ его насмѣшекъ, какъ бы украдкою заспавляетъ говоритъ сердце въ стихахъ своихъ. — Переводъ Луціановыхъ сочиненій подалъ ему мысль написать два Романа, въ формѣ разговора, подъ названіемъ: *Перегринъ Протей* и *Агатодемонъ*, которые представляють занимательную картину образа мыслей и нравовъ Римской Монархіи во время распроспраненія Христіянства. Послѣднимъ оригинальнымъ произведеніемъ Виланда былъ: *Аристиппъ* и нѣкоторые изъ его современниковъ, которое тонкимъ изображеніемъ характеровъ превосходитъ

всѣ прочіе его Романы. Никпо изъ новыхъ писателей не понялъ и не предсказавилъ споль удачно испиннаго историческаго характера Сократа. Но въ планѣ сего Романа гримѣны великіе недоспашки; чимашель оспаешся въ недоумѣніи, съ какою цѣлю онъ писанъ, ибо нельзя думать, чпобъ Виландъ, послѣ передѣланнаго, споль превосходнаго заключенія своего *Агатона*, хопѣлъ предсказавишь въ Аристиппѣ и Лаисѣ наспоющій образецъ, какъ должно наслаждаться жизнью. Кажешся, что весь Романъ сочинень болѣе для философическихъ разсужденій, изъ копорыхъ цѣлю часпъ занимаешъ проспранная рецензія Республики Платона, коего философія вообще не нравишся нашему писателю.—Здѣсь кспати упомянушь объ изданномъ имъ *Аттигескомъ Музеумѣ*, въ копоромъ онъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ опборными швореніями Греческой Поэзіи, Философіи и Краснорѣчія.

Такимъ образомъ число всѣхъ Виландовыхъ швореній возрасло до сорока пяти помовъ, издание копорыхъ привело его въ соспоаніе купишь помѣспье Ос-

маншпедпшъ близъ Веймара, гдѣ онъ думалъ провести остатокъ дней своихъ. Жизнь его, подобно Клопшпоковой, протекала безъ всякаго шума, въ мирныхъ занятіяхъ, посвященныхъ Поэзіи и наукамъ. Получаемая имъ отъ Веймарскаго Двора пенсія и доходъ отъ Нѣмецкаго Меркурія были достаточны для содержанія его многочисленнаго сѣмейства. Будучи образцемъ домашнихъ добродѣтелей, онъ жилъ въ кругу своихъ споль счастливо, сколько благоразумный отецъ сѣмейства желать можетъ. Наружный блескъ, чины и знаки опличія не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія. Онъ болѣе всего дорожилъ уваженіемъ своей высокой Покровительницы и дружбою жившихъ близъ него великихъ писателей, которые хотя и не во всемъ были одинакаго съ нимъ мнѣнія, но спремались къ одной и той же прекрасной цѣли: къ прославленію Нѣмецкой Словесности безсмертными твореніями ума и вкуса. Впрочемъ достоинства Виланда обратили на него вниманіе сильнѣйшихъ Монарховъ Европы. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Анны первой степе-

пени (1801); *Наполеонъ*, которому хвалили Виланда, какъ Нѣмецкаго Вольпера, во время пребыванія своего въ Веймарѣ (1808) обошелся съ нимъ съ особеннымъ оплечіемъ, и украсилъ его орденомъ Почетнаго Легіона.

Конецъ жизни сего великаго Писателя помраченъ былъ многими обстоятельствомъ, тяжкими для его сердца; но онъ перенесъ ихъ со спокойствіемъ мудреца; возвышеннаго надъ всѣми превращеніями судьбы. Принужденный продать Османшидшъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ своихъ, онъ переселился (1803) опять въ Веймаръ, гдѣ имѣлъ несчастье лишиться Герцогини Амаліи, Гердера, Шиллера и прочихъ друзей своихъ. Около сего же времени возникшая паршія Позшовъ, подъ начальствомъ брашьевъ Шлегелей, наглыми насмѣшками спаралась унизить заслуги Виланда, и дѣйствительно столько успѣла въ своемъ намѣреніи, что имя его, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, лишилось уже шова вѣса, который имѣло въ прошломъ вѣкѣ. — Съ благородною твердостью снесъ онъ сія оскорбленія отъ противниковъ, съ

которыя вступаешь въ споръ не позволяли ему ни его льща, ни достоинства. — Будучи горестнымъ свидѣтелемъ униженія Германіи подъ желѣзнымъ скипетромъ Наполеона, онъ не имѣлъ удовольствія дожить до возвращенія ея свободы, окончивъ 20 Января 1813 года осмидесятилѣтнюю дослославную жизнь свою. Тѣло его погребено въ Османшпедтѣ подлѣ праха второй его супруги (умершей 1801) и Софіи Бреншано, внуки Маріи де ла Рошъ. Надъ гробомъ ихъ поставленъ проспый памятникъ съ надписью, сочиненною самимъ Поэтомъ:

Lieb'und Freundschaft umschlang die verwandten
 Seelen im Leben,
 Und ihr Sterbliches deckt dieser gemeinsame
 Stein *).

Николай Рашковъ.

~~~~~

---

*) При жизни любовь и дружество соединяли родственныя души ихъ, а смертныя ихъ останки покрыты симъ общимъ камнемъ.

ВЗГЛЯДЪ НА НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ НАУКЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Неоспоримо, что Испанія далеко отстала въ просвѣщеніи отъ Англіи, Франціи и Германіи. Однако же, нѣкоторые ученые, слѣпо послѣдуя ложнымъ извѣстіямъ несвѣдущихъ путешественниковъ, имѣвшихъ тамъ пребываніе, описали слишкомъ неблагопріятными красками состояніе въ ней просвѣщенія. Къ сожалѣнію, недавно еще два ученые Испаніянца, Гг. *Тирабоски* и *Беттинелли*, въ критическихъ твореніяхъ своихъ, весьма достойныхъ уваженія, приняли за истинную такое заблужденіе. По сей причинѣ, большая часть людей имѣетъ весьма сбивчивое и ошибочное понятіе о степени народнаго образованія въ Испаніи. Вообще полагають, что она погружена въ невѣжество, и что въ ней чрезвычайно мало ученыхъ, заслуживающихъ сіе названіе.

Напротивъ того всѣ познанія, способствующія общественному благоденствію, тамъ весьма уважаются, и находятъ у правительсва ободреніе. Испан-

скіе писатели довольно многочисленны, и въ особенности опшлячаюцца основательнымъ изложеніемъ понятій, проникабельностію и остроуміемъ. Уже ли неизвѣстно, что въ числѣ ихъ находились великіе мужи, прославившіеся какъ въ словесности, такъ и въ наукахъ? Уже ли забыты знаменитыя имена *Голеца, Мельхиора Кано, Мальдонато, Переца, Вивеса, Маріаны, Фексона, Вилларуэла, Луиса де Гранада, Цервантеса, Луиса д' Эрцилла, Лопеца де Вега, Конгоры, Калдерона де ла Барка, Уллои, Устарица, Каваниллеса, Гиріарте, Цеваллоса, Феликса и Азары Массаредо, Льоренте?*

Испанцы, будучи отъ природы одарены основательнымъ умомъ, понятливостію и смысленностію, не совсемъ лишены всякаго образованія. Между ними довольно свѣдущихъ и благовоспитанныхъ людей. Разныя учрежденія, сущесвующія въ опечеспвѣ ихъ, для преподаванія высшихъ наукъ и коммерціи, раждаюць въ нихъ желаніе просвѣнитъ себя. Многочисленныя народныя училища доставляюць въ Испаніи и низшимъ сословіямъ средства къ надлежащему образованію.

Черезъ распространеніе здравой Философіи и крипическія изслѣдованія примѣнно уменьшаются въ Испанскомъ народѣ сѣвѣріе, и поспепенно испребляющіяся закоренѣлые предразсудки, соспавляющіе главнѣйшее преияиствіе къ повсемѣстному введенію въ сѣмъ государствѣ просвѣщенія. Въ университетехъ и коллегіяхъ, вмѣсто софистическихъ тонкоспей и Аристотелевой Философіи, начинаютъ уже преподавать священныя истины Христіанской вѣры, въ первобышней ихъ простотѣ, копорыя какъ громомъ поражаютъ безбожника, и приводятъ въ замѣшательство проповѣдниковъ безначалія. Въ особенносши занимающія сѣмъ общенлезныя наукама.

Книгопечатаніе доведено въ Испаніи до возможнаго совершенства. Со времени употребленія буквъ, выспыхъ въ Италіи знаменитымъ *Бодони Пармскимъ*, не остается ничего желать лучшаго и красивѣйшаго въ сѣмъ родѣ. Королевская Мадридская типографія доставляетъ въ книгопечатномъ искусствѣ образцы, неуступающіе превосходнѣйшимъ произведеніямъ Европейскихъ типографій.

Во вновь издаваемыхъ нынѣ въ Испаніи книгахъ выпускаются педантическія мѣлочи и вздорныя изслѣдованія, входившія прежде въ кругъ ученія, доколѣ здравая Философія не обнаружила ихъ нелѣпости. Испанская словесность можетъ теперь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, sánh на ряду со словесностію первѣйшихъ народовъ въ Европѣ. Она усовершенствованіемъ своимъ наиболее обязана покровительству Карла III, умѣвшаго ободрять ученыхъ и награждать за распространеніе истинъ, полезныхъ обществу. Онъ/ончаспи уменьшилъ пагубное дѣйствіе Инквизиціи, замедлявшей ходъ просвѣщенія и препятствовавшей геніямъ оказывать высокія свои дарованія. При таковыхъ поощреніяхъ, свѣтъ, разливаемый науками, постепенно пересвѣтлѣлъ помрачавшійся схоластическимъ бредомъ, споль долго господствовавшимъ не только въ Испаніи, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ.

Испанцы въ особенності весьма успешно занимаются Математикою, Физикою, Химією, Медициною, Анапомією и Естественною Исторією. Они издали

много полезныхъ твореній по части Богословія, Правовѣдѣнія, Исторіи и Поэзіи. Инженеры ихъ, по глубокимъ свѣдѣніямъ своимъ, всегда пользовались отличнымъ уваженіемъ въ Европѣ *). Сверхъ того Испанскіе ученые обогатили Географію и Вѣдѣнію о Бопанику множествомъ новыхъ открытій; объяснили многія части Астрономіи, и изобрѣли разныя машины и орудія, дабы лучше опредѣлить и постигнуть тайныя силы и сокрытыя свойства природы.

Просвѣщенный Испанецъ можетъ нынѣ спокойно заниматься открытіемъ полезныхъ истинъ, распространяющихъ человѣческія знанія. Уже не возвращаясь къ временамъ, когда всякая новостъ въ ученіи почивалась возмущеніемъ противъ правительствъ, а здравая Философія нечесна.

П. Яковлевъ.

~~~~~

*) Нельзя здѣсь умолчать о Г. *Бетанкурѣ*, которому Россія весьма много обязана за устройство разныхъ гидравлическихъ заведеній и построение превосходныхъ зданій, свидѣтельствующихъ объ отличныхъ познаніяхъ его въ математическихъ и инженерныхъ наукахъ.

О ЧЕСТОЛЮБИИ.

Желаніе возвыситься раздѣлено на разныя опрасли по различію нравовъ и сужденій. Главнѣйшая любовь ко славѣ; спрасшь благородная, хоня впрочемъ еспь не что иное какъ зависимость отъ мнѣнія; но дѣлается бичемъ челоувѣчества, когда спремится безъ разбора къ своей цѣли, не помышляя о послѣдствіяхъ. Это часто было повпоряемо; завоевапель, копорый безъ всякой другой цѣли, кромѣ своей личной выгоды, или для мнимой славы, производилъ опусношенія, убійства и разбои, дѣлаетъ въ большемъ видѣ то, что Карпушь дѣлалъ въ маломъ, и сіе величіе должно бы намъ внушашъ не удивленіе, а ненависть и презрѣніе, соопвѣспивующіе вреду, происпекающему изъ онаго для блага общеспвеннаго.

Любопышно бы для насъ было опкрышь ходъ и шайныя пружины того великаго числа людей, копорые опъ самыхъ низшихъ спененей счаспія, вознеслись на самыя высшія. Мы знаемъ многихъ знаменитыхъ особъ, достигшихъ изъ самаго проспаго происхождения до высо-

кой власпи. Изслѣдуя ихъ средспва, вѣрояшно увидѣли бы мы, что къ сему споспѣшеспвовали много способности, еще болѣ смѣлоспъ, а счаспѣ наравнѣ прошивъ обоихъ.

Очень бы полезна была для насъ таблица пропорціи, показывающая содержаніе числа честполубцевъ, неуспѣвшихъ въ своихъ предпріятіяхъ, къ числу шѣхъ, кои увѣнчались успѣхами. Чрезмѣрный перевѣсъ первыхъ послужилъ бы къ весьма великой пользѣ, а еще болѣ принесло бы оной замѣчаніе, сколь мало было благополучныхъ и въ самыхъ счаспливцахъ. Прочішавъ въ ихъ сердцахъ, мы бы увидѣли, что желанія умножающа по мѣрѣ успѣховъ, и вѣрояшно содрогнулись бы вспупипъ на поприще, споль усѣянное безпкойспвами, препяшспвіями, опасноспями и часпо угрызениями совѣспи.

Люди обыкновенно воображающъ, что пущъ къ счаспю соспощъ въ безпспанномъ спремленіи возвышашъся, а блаторазуміе говорипъ: “предпочитай спокоспвіе шревогѣ, проспому ухищренію, прочное блеспящему; уклоняйся многолудспвай умѣй даже сойпи ниже спой спепени,

на которую судьба тебя поставила; въ твоёмъ соспоянїи ты былъ послѣднимъ— въ слѣдующемъ будешь первенствовать.,,

Для наблюдателя безприсрасшнаго довольно бы смѣшно и печально было видѣть наши замыслы, наши искапельства, наши гореспи, когда мы спремимся за мечпою блаженства, безъ размышленія, что источникъ онаго въ насъ самихъ и что чистота его особенно въ нашемъ храненїи. Всѣ прочіе предметы честолюбїя подвержены случайности обстояпельствъ и своенравїю другихъ; одинъ только самый достойнѣйшїй въ нашей власпи: напрасно бы соединились люди, что бы его у насъ исшоргнушь; самыя ихъ преслѣдованія представляють только новыя средства къ достиженію цѣли. Искусство нравиться знашнымъ шрудно и обманчиво; есть другое легче, благороднѣе и вѣрнѣе: искусство обходиться безъ ихъ благосклонностей.

Честолюбіе, основанное на желанїи богатства, есть собственно скупость. Честолюбіе простое, или желаніе властвовать, есть добродѣтель, когда оно происходитъ отъ желанія имѣть сильнѣй-

шее вліяніе на блаженство подобныхъ намъ. По несчастію оно обыкновенно не что иное, какъ желаніе гордости и невѣжества, представляющихъ благополучіе неразлучнымъ съ знатностію. Для избавленія себя отъ сего предразсудка; не худо разсмотрѣть ближе тѣхъ, коихъ возвышенію завидуемъ и спросить самихъ себя: что думаемъ о сихъ особахъ отдѣльно отъ ихъ титловъ? Наконецъ тогда бы мы увѣрились, что не стоимъ труда мучиться для такой бездѣлицы. Не мѣшало бы часто спрашивать себя, какъ Фонпенель. “Для чего мнѣ такъ нуженъ попъ санъ, кошораго я домогаюсь?—Для того, что бы вознесшися выше другихъ. А для чего это надобно? — Для того, чтобы они оказывали уваженіе. Къ чему же послужить мнѣ сіе раболѣпство и почтеніе? Они будутъ для меня весьма лестны. Какъ же могутъ они быть лестны, когда воздаются моему сану, а не мнѣ лично?,” — Если бы обсуживали такимъ образомъ все свои спраски, если бы давали себѣ отчетъ въ самыхъ сокровеннѣйшихъ своихъ чувствованіяхъ, если бы восходили къ ихъ источнику и разсмап-

ривали цѣль ихъ, по не много бы нашлось мнимыхъ нуждъ, коихъ бы мало помалу уничтожишь было не возможно.

Чесполобецъ, нетолкующій въ шайвѣ на свою подчиненность! разсудокъ оправдываетъ свои сѣнованія: усиль еще болѣе свое рвеніе; но не ошибись въ выборѣ предмета, не прими шѣни за существенность — погрѣше истиннаго чесполобія вѣтъмъ опровержено; вступи въ состязаніе, испытай свои силы и съ сего дня скажи съ твердосію: *нѣтъ! не потерплю, тѣ бы существовалѣ на земли теловѣкѣ, тестнѣ меня.*

(Изъ Лейсса.)

В. О.

~~~~~

О ЭКЗАМЕНѢ ВЪ ПЕНСИОНѢ Г. ГОДЕНУСА.

Писсло въ Тамбовѣ къ Кн. Н. А. Ц.

С. п. б. 21 Марта 1825.

Какъ давно не бесѣдовали мы съ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Князь Николай Андреевичъ, не только на словахъ, но даже и на бумагѣ! Вы заняшы, я шак-

же. По крайней мѣрѣ васъ никто не бранишь, кромѣ самозванцовъ романшиковъ, и по попихоньку; а меня браняшь вслухъ — неприязтели за глаза, а приятели въ глаза, и право понапрасну! Но несправедливыя укоризны давно уже переношишь я умѣю и нисколько не худѣю. Враги мои словесники, особенно безграмотные мои крестники, кричають, что я плохой журналистъ, площадной фабулистъ — я не кричу, молчу; а захочу, такъ и прочу. Друзья браняшь за то, что рѣдко у нихъ бываю, рѣдко пишу къ нимъ и не всегда сижу дома. Одни говоряшь: “мы были у васъ, но не заспали (*вѣрно не въ субботу*). Александръ Ефимовичъ все по гостямъ!”, — Другіе: “Вошь Александръ Ефимовичъ совсемъ разлѣбилъ насъ, забылъ; что бы придти на вечерокъ, или запросно къ обѣду?,, — Прошу угодить навсѣхъ! Нельзя же всякой день сидѣшь дома, или всякой день быть въ гостяхъ. Какъ часно вспоминаю я Лафоншенева и Сумарокова Мѣльника съ сыномъ его и осломъ!

На всѣхъ не угодишь, особенно на дамъ...

Ну чшожь бы написать мнѣ къ вамъ?..

Не знаю право самъ...

О чемъ же лучше писать къ Директору училищъ, какъ не о экзаменѣ? А я былъ вчера на экзаменѣ въ Пенсіонѣ спариннаго моего приятеля и соученика Г. Годеніуса. Слушайте же, любезнѣйшій Князь, слушайте ... или чипайте; вы, я знаю, перпѣливы — вы, бывало, чипывали длинныя кришки и анпикрипки самоучекъ нашихъ (Фрероновъ и романшико-элегическія спихошворенія баловней нашихъ молодыхъ поэповъ, которые пвердяпъ беспреспанно о *молодой жизни*, о *былолѣ стастіи*, *сладострастіи*, и и пр. и пр.

Г. Годеніусъ былъ нѣскольکو лѣтъ помощникомъ Директора при главномъ здѣшнемъ Нѣмецкомъ Пешропавловскомъ училищѣ. Онъ завелъ Пенсіонъ наиболѣе для того, чщобъ имѣть способъ доставивъ хорошее воспитаніе собственнымъ своимъ дѣлямя. Чешверо старшихъ его сыновей, окончившіе полный курсъ ученія въ семь Пенсіонѣ, находяпся уже въ службѣ: двое въ военной и двое въ Коллегіи иноспранныхъ дѣлъ. Нѣпъ еще осьми лѣтъ, какъ существуетъ эщопъ Пенсіонъ, а уже вышло изъ него болѣе 200 вос-

пишанниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по экзамену въ Главномъ Штабѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, вступили въ Гвардію юнкерами; другіе, будучи записаны въ Пажи при Дворѣ, выдержали въ Пажескомъ Корпусѣ экзамень и произведены прямо въ Офицеры; многіе перешли изъ сего Пенсіона въ шопъ Корпусъ и въ другія казенныя училища въ высшіе классы. И не удивительно: учились самые лучшіе по всѣмъ предметамъ и давно уже едѣлавшіе себѣ репутацию. Два года назадъ пому былъ я на экзамень въ Пенсіонѣ Г. Годеніуса, нѣсколько разъ бываль и пакъ, присутствовалъ иногда при лекціяхъ и всегда возвращался опшуда съ истиннымъ, душевнымъ удовольствіемъ.

Но пора приспустишь къ описанію нынѣшняго экзамена.

Экзамень былъ прешьягодни и вчера. Трешьягодни не удалось мнѣ бышь, а вчера опоздалъ. Приѣзжаю уже во второмъ часу. Зала полна посѣщителей и посѣщительницъ. Гляжу и вижу въ первомъ ряду между почетными посѣщителями... угадайте кого?—Министра Народнаго Просвѣщенія, почтеннѣйшаго Несто-

ра нашей Словесности Александра Семеновича Шишкова. Тутъ вспомнилъ я, что случилось со мной года полтора назадъ на экзаменѣ же въ здѣшнемъ Высшемъ Училищѣ. Тогда сидѣлъ подлѣ меня какой-то умный, пожилой Французъ, не здѣшній, а приѣзжій. Мы разговорились съ нимъ, и онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ сынъ его, обучавшійся въ одной изъ первыхъ Парижскихъ Коллегій, вдругъ сдѣлался изъ лѣниваго прилежнымъ, и наконецъ, на публичномъ испытаніи, получилъ за успѣхи вторую награду. Отъ чего же? — Отъ того, что онъ желалъ обратиться на себя вниманіе извѣстнаго Аббата Николая, который, по вступленіи своемъ въ должность Главнаго Директора училищъ, не пропускалъ ни одного экзамена, поощрялъ и одобрялъ лучшихъ учениковъ. Въ самомъ дѣлѣ чего не можешь сдѣлать одобреніе почтеннѣйшаго мужа, уважаемаго и любимаго всѣми за отличныя познанія и добродѣтели? — Простите мнѣ, любезнѣйшій Князь, это невольное отступленіе.

Прислушиваюсь къ вопросамъ учителя и къ отвѣсамъ учениковъ... Нѣтъ, это

не классъ Россійской Словесности, который такъ хошѣлось заспахъ мнѣ: говоряшъ не о пропахъ и не о фигурахъ, не о стихахъ и не о прозѣ; а о селипрѣ и порохѣ. Въ то время, какъ я приѣхалъ, оканчивалось испытаніе въ военныхъ наукахъ, а за часъ еще до меня кончена была Русская Словесность, или Липшерапура.—О корректура! корректура! пылишила меня этого удовольствія! Чиспали наизустъ и стихи: *Вадима Жуковского, Олега Пушкина, Ивана Сусанина Рылѣева* и опривокъ изъ лучшей незабвеннаго Озерова Трагедіи: *Эдипъ въ Авинахъ* —чиспали Басни просподушнаго Хемницера и любимаго всѣми Крылова—прочли и мою Басенку: *Поединокъ*—а я и не слыхалъ!..Прочшу же ее самъ въ первую Суббошу, когда соберетъ ко мнѣ поболѣе приапелей липшерапоровъ.

Люблю писать стихи и отдавать въ печать!

Не пошаю грѣха: люблю ихъ и чипать.

не только друзьямъ сердечнымъ, но
вспрѣчнымъ и поперечнымъ.

По окончаніи испытанія въ Аршил-

леріи, посѣщипели и посѣщипельницы
вспали и по приглашенію Г. Годеніуса
пошли для отдохновенія въ другую комна-
ту, въ которой стѣны украшены были
рисунками и каллиграфическими рабо-
тами воспишанниковъ, а на столѣ раз-
ложены разные военные планы и черпе-
жи. Изъ рисунковъ обратили на себя
всеобщее вниманіе слѣдующіе: *Іоаннъ Кре-*
ститель, Г. Годеніуса (пяпаго сына) —
Марія Магдалина, Гг. Полянскаго и Го-
деніуса—*Агарь въ Пустынь*, Г. Саврасова.
—*Зейдлищъ въ сраженіи при Росбахѣ*, Г.
Гаіюса и *Смерть Щверина* Гг. Гаіюса и
и Здекаура. Прописи очень хороши, осо-
бенно Гг. Годеніуса и Саврасова. Всего
болѣе понравились мнѣ шупъ изображе-
нія людей и живошныхъ, сдѣланныя весь-
ма искусно почпи однимъ почеркомъ пе-
ра.

Г. Миниспръ и другіе почешные по-
сѣщипели уѣхали, а прочіе, большею ча-
сшію родипели, оспались. Госшепрім-
ный хозяйнъ и хозяйка предложили намъ
сыпный и вкусный завшракъ.

И я, для подкрѣпленья силъ,

Съ другими вмѣстѣ ѣлъ и пилъ.

Но не забудьте, Князь, шеперь *отдохновенья!*,
 На почтѣ будущей пришлю къ вамъ про-
 долженье,
 (Окоцаніе въ слѣд. N^o.)

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

1. Баринъ и Слуга.

Баринъ (одинъ на диванѣ передъ сто-
 ликомъ) Гей! ... Гей! ... (свиститъ) Маль-
 чикъ! ... Человѣкъ! ... Ванька! ... Пепрушка!..
 Не слышущъ! ... Гдѣ колокольчикъ? ... А!
 вопъ здѣсь на столѣ .. но не достаешь
 рукою! ... Малой! Малой! (бьетъ въ ладоши)
 Никпо нейдетъ!...какая досада! (колотитъ
 рукою по столу) Ванька! Пепрушка!

Слуга. Что прикажете?

Баринъ. Подыми съ полу плашокъ ...
 вопъ шущъ у ногъ моихъ ... Ну! чпо спалъ?
 Поди въ переднюю да пододвинь ко мнѣ
 поближе колокольчикъ.

2. Дядя, Племянникъ и Каммер- динеръ.

Племянникъ. Каковъ дядюшка?

Каммердинеръ (со вздохомъ). Очень плохъ, сударь! Передъ вами только былъ Докпоръ ... пощупалъ пульсъ, покачалъ головою и даже не прописалъ лѣкарства.

Плем. Боже мой! что со мною будетъ, если я лишусь его! ... Я не перенесу, умру! (становится на колѣни у дядиной постели) Дядюшка! благодѣтельница моя! опець!

Кам. Тише, ради Бога, пише—не испугайте его. Побудьте здѣсь, сударь — я выду на одну только минуточку.

Плем. (одинъ). Крѣпокъ спарикъ!... Но кажешся уже не вспанешъ и проповѣдей мнѣ чищашъ не спанешъ. (беретъ дядю за руку и любитъся на брилліантовый перстень).—Что за солиперъ! Кому-то доспанешся? Дай попробую счастья! (снимаетъ потихоньку перстень) ... ай!

Дядя (отдергивая руку). По-го-ди!
(входитъ *Каммердинеръ-Племянникъ*
падаетъ въ обморокъ.)

И.

Сонъ *).

Совѣшомъ дружбы убѣжденный,
 Я сердце успокоилъ вновь;
 Борьбой всендешной упоженный,
 Презрѣлъ коварную любовь,
 Ея мечшы, ея надежды...
 Наспала ночь—глубокій сонъ
 Смежилъ немедля шомны вѣжды,
 И я былъ швердо убѣждёнъ,
 На сонъ ссылаясь, шихій, спройный,
 Что будешь пробудъ мой спокойный.

Когдажь румяною зарѣй
 Эфиръ восточный озарился,
 И вслѣдъ за нею Фебъ злашой
 Торжешвенно на сводъ капился—
 Малюшка богъ ко мнѣ предспаль,
 (Здѣсь мѣсна не было ошибкѣ:
 Я по коварной бы улынкѣ
 Его всегда, вездѣ узналъ)
 Приникнувъ шихо къ изголовью:

---

*) Присланъ при слѣдующемъ четверостишии:

Спишки мои на судъ отдамъ
 Я безпристрашному Поэту.—
 «Ахъ! назовише рѣдкось эпю..
 Кому?»,—Писателю для даиб.

О какъ я благодаренъ вамъ! *Изд. Бл.*

«Ты спишь—шакъ прошепшаль онъ мнѣ—
 И сердце, полное любовью,
 Тыль обрекаешь пишинѣ?
 Мой другъ! часы лепяшъ стрѣлоу
 И юной жизни крапокъ вѣкъ;
 Все оживаетъ вновь съ весною—
 Сихъ благъ лишень лишъ человекъ:
 Блеснешъ какъ солнца лучъ сквозь пологъ
 И погрузишся въ вѣчну пѣнь!
 Ахъ! крапокъ, крапокъ сердца день;
 Но безъ любви еще все дологъ!,,

Умолкъ—но сонъ встревожилъ мой
 И въ сердцѣ пробудилъ всѣ спраспи;
 Изчезъ обманчивый покой—
 Опяшь любовь! Опяшь напаспи!...
 Дишя! я слабъ передъ побой!

Козельскѣ.

А. Б. стр. лѣв.

Прохожій и Малетикъ *).

Прохожій.

Скажи мнѣ, мальчикъ! чью вѣнчаешъ шы
 гробницу?
 Не машь ли нѣжную, иль милую сеспиц
 Похоронилъ шы?

*) Мысль для сего разговора взята изъ Эпиграммы
 Каллимаховой.

Мальчикъ.

Нѣтъ!

Недавно мачиха оставила сей свѣтъ.

Прохожій.

Такъ видно, что она весьма тебя любила?

Мальчикъ.

По смерти развѣ нравъ дурный перемѣнила!

Казань.

Н. Ибрагимова.

т т т т т т т т т

Я. К. К — ву.

(въ день его именинъ 21 Марта 1825).

Желаю я тебѣ, какъ искренній поэтъ,

Прожишь еще на свѣтѣ...сорокъ лѣтъ..

Съ супругою своею...довольно, или нѣтъ?

Желаю, чтобъ тебѣ поменьше было дѣла;

Успѣхажь болѣе во всѣхъ твоихъ дѣлахъ —

Чтобъ у тебя головка не болѣла —

Что бы ты былъ въ большихъ чинахъ,

Въ звѣздахъ блестящихъ, въ орденахъ,

Коль хочешь этого...да врядъ ты самъ же-

лаешь!

Ты истинный мудрецъ,

Умѣренности образецъ.

И счастье пышности пустой предпочитаешь. —

Желаю я еще, чтобъ дочери твои,

Премилыя малютки,

И Оленька и Инспишупки,

Чтобъ внучки умницы мои

Счастливы всѣ замужствомъ были,

И что бы ихъ мужья *полюбили*...

Что бы мужъ Оленьки, а будущій твой
зять,

Ни дашь, ни возьмь,

Таковъ былъ, какъ ты самъ, какъ ты сѣмьѣ
полезенъ,

Какъ ты добръ и смиренъ,

Какъ ты уменъ,

И такъ какъ я ... любезенъ.

И.

~~~~~

Благотворенія .

Письмо къ Издателю.

Покорнѣйше прошу васъ принять на себя шрудъ, доставить приложенныя при семъ *двадцать пять* рублей (25 р.) бѣдной семидесятилѣтней старушкѣ вдовѣ Пучкевской, живущей съ несчастною дочерью своею, лишенною разсудка, въ малой Коломнѣ на Пряжкѣ, прошивъ сальнаго буяна, въ до-

мѣ корабельнаго десятника Федора Никишина подъ № 220, и, если можно, объявишь о бѣдственномъ ихъ положеніи посредствомъ вашего Журнала. Имѣю честь бышь, и проч.

8 Апрѣля 1825.

N. N.

Доставлены. — Преспарѣлая и несчастнѣйшая вдова Пучкевская ошъ радости прослезилась и перекрестилась. Она молишь и будетъ молишь Бога о здравіи почтеннѣйшаго своего благошворителя. *Изд. Благ.*

~~~~~

Анекдоты.

Одна прекрасная, но преглупая дама жаловалась Госпожѣ Севинье, что ея обожатели не дають ей покоя. — “Вамъ очень легко ошъ нихъ избавишься (сказала ей Госпожа Севинье): шолько заговорише.

Герцогъ Оссонскій имѣлъ у себя премную и прекрасную супругу. Она ревновала его къ акшрисѣ, копорой подарилъ онъ однажды на плашье превосходной шелковой машеріи. Узнавъ, гдѣ взялъ Герцогъ эту машерію, она купила шочно шакую, сдѣлала изъ нее себѣ плашье и явилась въ обновкѣ къ своему мужу. — “Не правда ли, спросила его Герцогиня, что машерія чудесная? — Да, ошвѣчалъ Герцогъ, нахмурясь,

очень хороша; но можно бы лучше употребить ее.—“И обо мнѣ съ говоряшь поже самое — сказала Герцогиня.”

Одинъ плохой башмачникъ безпреспанно напѣвалъ слѣдующее:

Король сказалъ Королевѣ,

Королева сказала Королю.

Жена его, выведенная изъ терпѣнія, спросила его съ сердцемъ: “Ну что же такое сказалъ эшошь Король Королевѣ, а Королева Королю?,, — Башмачникъ, схвативъ ремень, ну хлеспашъ ее по плечамъ, приговаривая: не смѣй спрашивашъ о Королевскихъ шайнахъ.

“Одолжише мнѣ десяпъ эфимковъ, сказалъ одинъ обманщикъ незнакомому.,,—Я не имѣю чеспи знашь васъ.—“Пощому-по я и прощу васъ, что всѣ пѣ, копорые меня знаютъ, уже не вѣряпъ мнѣ. ,,

Одна дама, услышавъ, что сало вздоржало по причинѣ войны, вскричала: “ахъ Боже мой! не уже ли армія сражаешся при свѣчках?,,

Какой-шо проказникъ сдѣлалъ слѣдующее лаконическое завѣщаніе: *я нитего не илѣю, много долженъ и остальное отдаю бѣдныиъ.*

Съ Франц. X.

На концертъ Г. Ромберга *).

Изъ звуковъ чувства рѣчь рождаетъ ты об-
разецъ,
О Ромбергъ! торжественнуй: завидень твоей
вѣнецъ!
Ты слышалъ плески рукъ, похитилъ вос-
хищенье,
Опличнѣйшій артистъ и счастливый о-
пецъ!
Достойное себя ты принялъ награжденье.
Твой сынъ, питающій любви къ искус-
ствамъ жаръ,
Въ наслѣдство передастъ попомощву див-
ный даръ.

Графъ Д. Хвостовъ.

---

*) Данный 2 ч. нынѣшняго мѣсяца. Въ семь же самомъ концертѣ игралъ превосходно на віолончель одиннадцатилѣтній сынъ Г. Ромберга.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСЛАНИЯ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О вы, рожденныя жизнь нашу усладить!
Зачемъ я кистію волшебной не владью,
Чшо бы портретъ вашъ написать?
Но если пламенно я васъ люблю умью,
То запретилель мнѣ предъ свѣтомъ изъя-
випь
Признашельность души и искреннія чувства?
Чуждаясь вымысловъ, хочу я замѣнить
Одною истиной всѣ прелести искусства
И выше мѣры награжденъ,
Коль буду вашею улыбкою почтенъ.

Не самилъ Граціи вашъ полъ образовали?
Любезность, нѣжность чувствъ, умъ пон-
кій даровали?
Вы украшаете подлунный міръ собой,
Для нашихъ радостей, для нашего блажен-
ства.
При красотѣ, съ чувствительной душой,
Природа многія дала вамъ совершенства:
Дала способности насъ къ благу пламенишь

И окривляшь умы. Вы учите любить
 Все благородное и кропосью своею
 Смягчая въ насъ сердца, владѣете душою.

Такъ, нѣжный полъ для насъ безцѣннѣ всего:
 Мужчина съ чувствами, для взора одного,
 Для полученія ошъ милой одобренья,
 Готовъ забыть весь мѣръ, готовъ забыть
 себя.
 Скажите, кто изъ насъ, прелесныхъ по-
 любя,
 За нихъ не возсылалъ къ Творцу благодаренья?
 Онъ ошъ юности до самыхъ позднихъ лѣшъ,
 Какъ духъ-хранишель нашъ, вездѣ присущ-
 ны съ нами,
 Чрезъ нихъ и кругъ родной и общесшво
 цвѣтеть,
 И счастья мирнаго курятся ѳиміамы.

Богатства Креза собери,
 Будь обладателемъ несмѣшнаго имѣнья,
 Будь гордый полубогъ, воздвигни алшари
 Для прихошей своихъ; но щещно наслаж-
 денья

Безъ милыхъ будешь ты искашь:
 Чего-то новаго ты будешь все желашъ
 И не исполняшся швои желанья;
 Твои надежды, ожиданья

Развѣются, какъ легкій дымъ;

Счастливы вполнѣ лишь тогда, кто любитъ
и любимъ!

Замѣнишь ли любовь богатствомъ, пышной
славой?

Нѣтъ — безъ любви и жизнь покажется о-
правой,

И мѣръ пустынею: любовь есть сердца свѣтъ,
Гармонія души; безъ ней блаженства нѣтъ;
А съ ней всѣ радости приятнѣе, полнѣе,
Всѣ наслажденія душевныя живѣе.

И даже самыя мечты

Сто краше прелестнѣе, когда о ней меч-
паемъ.

Любовь! съ тобою мы до гроба не узнаемъ
Унынія въ душѣ и въ сердцѣ пустошы:
Ты беззаботнаго младенца охраняешь,
Для юности цвѣты фантазіи расщипъ,
Духъ мужа счастьемъ семейнымъ восхи-
щаешь

И осень нашихъ лѣтъ собой живоотворишь.
Приблизится зима—и сшарецъ изнуренный,
Который медленно путь жизни совершилъ,
При мысли, что тобой онъ долго счаст-
ливъ былъ,

Идетъ безъ ропота въ мѣръ новый, отда-
ленный.

Не пылъ послѣдняя изъ чаши роковой

Вливаешь въ грудь ему ошрадный нектаръ
свой?

Не пылъ сшрадалца одръ съ дръзьями о-
 кружаешь
 И къ вѣчной Благости его сопровождаешь,
 Когда онъ въ даръ шебѣ огонь чистый при-
 носиль
 И добродѣтели свяшой не измѣнилъ?...

Ахъ! еслибъ силою чувствъ пылкихъ надѣ-
 ленный,
 И я мой кончилъ путь, ничемъ неомрачен-
 ный!
 Пущь пихо дни мои, въ безеѣспности ше-
 кушь,
 Пущь для меня вѣнки изъ свѣжихъ розъ
 плещуть
 Любовь и дружества святое—
 И я за счастиемъ другимъ не погонюсь,
 Довольный жребіемъ, съ Форшунной прими-
 рюсь
 И на земли найду блаженство неземное.

Казань.

Ө ... рѣ Рын ... скій,

~~~~~

Девкаліонъ и Пирра.

Изъ Овидіевыхъ Превращеній.

Баснь VIII.

Юпитеръ, желая наказаніемъ Ликаона устрашить беззаконныхъ смертныхъ, но раздраженный всеобщимъ ожесточеніемъ, рѣшился истребить въ конецъ родъ теловѣтскій и для того произвелъ всемірное новодненіе. Послѣ потопа осталась единая чета, Девкаліонъ и Пирра, дѣти Прометеевы, спасенные на Парнассѣ за ихъ благочестіе. Сіи супруги, по изволенію боговъ, возобновили родъ теловѣтскій метаніемъ позадь себя камней; изъ Девкаліоновыхъ рукъ камни превратились въ мужескій полъ, а изъ Пирриныхъ въ женскій.

«Погибъ единый домъ, но шокмо ли единый

«Погибнушь долженъ былъ? Власшь злобныя
Ерины

«Просперлась всюду шамъ; родъ челоуѣковъ
всѣхъ

«Какъ кляшву, мнишся, даль, дерзашъ на
всякій грѣхъ.

«О пусть же понесешъ досшойно воздаянье,

«Какое на себя воздвигъ за злодѣянье!»,—

Умолкъ и долженъ былъ небесныхъ силъ со-
боръ

Одобришь праведный Зевесовъ приговоръ.

Но всѣ болѣзненно о міръ помышляютъ.

“Людей лишенный свѣтъ—что будетъ?,, во-
прошающъ.

“Кто станешь приносить дань жерствъ у-
годныхъ впродъ?”

“Иль безсловесныхъ лишь въ подлунной бу-
демъ зрѣть?,,

Опецъ боговъ препишь имъ имъ опа-
сенье,

И на себя о всемъ приемлешь попеченье;

Объщавая имъ въ грядущи времена

Создашь иныхъ людей опличны племена.

Уже готовъ былъ онъ громовъ ужасны стрѣ-
лы

Разсыпашъ тысячами въ подлунные предѣ-
лы;

Но вдругъ вообразилъ бышь весь въ пожа-
ръ міръ,

Коль пламень опъ земли подымется въ
эфиръ:

Назначень зришь въ Судьбахъ послѣдній день
природы

Когда обьимешь огонь все небо, землю, во-
ды,

И мірозданія громаду попребишь.

Отвергъ перуны Зевсъ; иначе погубишь

Родъ смертныхъ восхопль — всемірнымъ
наводненьемъ,

Наполнивъ небеса на землю одожденьемъ.

И се въ пещеры впоргъ Эольскихъ мрач-
 ныхъ нѣдръ
 Съ Бореемъ прочій весь шучегопящій въшрь.
 Лишь Авспра свободиль—просшеръ Авспрь
 мокры крыла:
 Угрюмый ликъ, какъ смоль — густая шьма
 покрыла,
 Дождями шьжела космашая брада,
 Капельми падаешъ съ сѣдыхъ власовъ вода,
 Туманы влажные округъ чела гнѣздяшся,
 Пернашые бока и грудь росой шочашся;
 Сдавиль въ обяшяхъ гиганшскихъ облака,
 И съ шумомъ полилась дождевая рѣка.
 Цвѣшисшу радугу Ирида просшираешъ
 И ею облакамъ довольшшо водъ собираешъ.
 Нагбенны каплями, колосья ниць падушъ;
 Ощчаянныхъ селянъ годичный гибнешъ шрудъ.
 Но небо Зевсовъ гнѣвъ дождемъ не умѣря-
 ешь;
 Нешунъ своей водой казнъ смершныхъ у-
 скоряешъ,
 Сзываешъ рѣкъ боговъ и спѣшно имъ ве-
 липъ
 По обласши земной спруи свои пролишь,
 Гласишь: “нѣшъ времени вину опкрышь ве-
 лѣнья;
 “Отверзше вашихъ водъ глубокія селенья,
 “Ослабше узы имъ, свободный дайше бѣгъ!”,
 Велѣль — они дошшедъ къ испокамъ мир-
 ныхъ рѣкъ,

Гдѣ серны бѣгали и гдѣ паслись олени,
 Тамъ плавають киты, или лежатъ тюлени,
 Дивишься сонмъ Нерейдъ, зря первый разъ
 въ водахъ
 Священные лѣса и дома и града;
 Дубравы заняли игривые дельфины,
 По вѣшьямъ прадакшъ и движущъ древъ
 вершины;
 Плывешъ средь спадъ и волкъ и желпо-
 гривый скимпъ,
 И шигра валъ влечешъ спремленіемъ своимъ;
 Не пользуешь козлу въ пучинѣ крѣпки роги,
 Оленю робкому не служатъ быстры ноги;
 Не видя пшица, гдѣбъ присѣсшъ ей на землѣ,
 Чувъ движешъ мокрѣя, усналыя крылѣ,
 Падешъ полмершвая въ разверзстыя пучины
 Спихи, скрывшей горъ подоблачны вер-
 шины.
 Большую часть попопъ живущихъ погубилъ;
 Кто спасся отъ воды, шѣхъ голодъ испре-
 билъ.
 Среди Фокидскихъ нивъ, издревле плодови-
 шыхъ,
 Равно какъ прочіе кругомъ водой покры-
 шыхъ,
 Аонски дѣлящихъ съ Акшейскими страны,
 Парнассъ подъемлешся до звѣздной вышины
 Двумя ушесами, и шучи раздираспъ.
 Туда Девкаліонъ счастливо достигаешъ.

Со Пиррою самъ-другъ, по смерши всѣхъ
людей.

Изшелъ изъ ладіи съ супругою своею;
Корцидскимъ Нимфамъ шлюшь моленій гласъ
хвалебныхъ

И горнымъ божешвамъ, и вещей волю су-
дебныхъ

Темисы, чествуюшь пророчешвенъ кумирь.
Чешнѣйшаго имѣлъ въ семь мужѣ древній
мірь;

Богобоязливу жену въ его супругѣ.

Зевесь, узрѣвъ пошопъ зѣмель на цѣломъ
кругѣ,

Опъ сполькихъ тысячъ зря оставшихся
однихъ,

Богочтишельныхъ, невинныхъ обоихъ,
Мракъ, дождь велѣлъ разгнать свободшусь
Аквилону,

Землѣ даль небо зрѣшь, и землю небосклону,

Трезубой острогой Непшунъ крошишь моря;

Является изъ безднѣ на гласъ сего Царя
Тришонъ въ чешуйчашомъ, природномъ о-
блаченьѣ:

Разливамъ повелѣшь въ вершепы возвра-
щенье.

Въ уста брадашы взялъ улишковый вал-
пурня;

Раздался средь морей повсюду рѣзкій шонъ.

Внявъ спрогій гласъ его, морей и рѣкъ по-
шоки,

Спѣшатъ оставишь вдругъ раздолия широки;
И рѣки и моря въ свои брега идушь.

Съ паденьемъ ихъ холмы какъ будто бы
распушь.

Ужь лисвиевъ лѣса ошкрылись обнаженны;
Осѣдшимъ иломъ водъ ихъ вѣшки покро-
венны.

Явился снова міръ. Девкаліонъ, одну
Пуспыню зря вездѣ и мерпву пишину,
Въщаетъ, прослезясь, къ своей супругѣ
Пиррѣ:

“О ты, въ комъ зрю одну изъ всѣхъ жи-
вущихъ въ мірѣ

“Супруга и сестра! съ кемъ сопрягла насъ
кровь,

“А послѣ брачная, священная любовь!

“Днесь общія бѣды! Мы жишеди едины

“Остались на землѣ отъ общей всѣмъ кон-
чины!

“Но жишь и намъ еще надежды меркнешь
лучь:

“Доднесь препенещь духъ ходящихъ въ не-
бѣ шучь.

“Что было бы шеперь, несчастная! съ шобою,

“Коль безъ менябъ была ты спасена Судьбою?

“Моглабъ бы перенестъ одна ты смерши
спрахъ?

“Кшобъ ушѣшишель швой былъ въ скорбяхъ
и бѣдахъ?

“Но еслибъ ты была поглощена волною;

“Знай умерь бы съ шобой я смертію одною,

“Тебѣбъ досѣдовать въ могилу ярыхъ водъ.

“О если бы возмогъ возставишь смертныхъ
родъ

“Я опчей хитроспью, вливъ души въ испуканы.

“Осшался въ насъ двоихъ живущій родъ из-
бранный;

“Единымъ намъ въ себѣ далъ Богъ сей родъ
хранишь!”,

Сказалъ — возплакали и обое молишь

Темису въ капищѣ свѣщающъ межъ собою,

Да памъ вспомогуся предсказанной судь-
бою;

Немедлѣнно къ водамъ Цифизовымъ градушъ,

По спокѣ давшимъ лишь проходный въ мѣ-
ляхъ пушь;

Вкущенною водою кропяшъ главы и ризы,

И направляющъ пушь въ священный храмъ
Темисы.

Порось мхомъ верхъ его, алпарь въ немъ
безъ огней;

Достигли капища восходныхъ степеней,

Поверглись оба ниць и прахъ поцѣловали.

“Коль праведныхъ боговъ сердечною (взы-
вали)

“Молишвой смертные гнѣвъ могушь укро-
пить:

“Темиса, научи! какъ можемъ возвратишь

“Погибшій родъ людей? О боги! помогите!”,

Подвинулся кумирь: “изъ храма(рекъ)идише,
 “Съ побряпою главою, съявъ поясъ ризъ
 своихъ,
 “И золько верзише позадь себя самихъ
 “Вы кости хладныя опъ машери великой.,,
 Изумлены рѣчей неясностью шодикой!
 И Пирра первая на нихъ опозвалась,
 Чшо волю божества исполнишь опреклась.
 “Возможноль (говоришь дрожащими ушами)
 “Ругашься машери священными костями!.,,
 Межь шемъ шполь шемныхъ словъ сокры-
 шый ищупъ смыслъ,
 Другъ другу подая свою къ догадкѣ мысль.
 И се Девкалионъ сомнѣнье разрѣшаешъ.
 “О Пирра! коль меня мечта не обольщаешъ,
 “То мню, чшо данный намъ опвѣшь Темисы
 свящъ,
 „И боги ничего намъ злаго не велящъ.
 “Земля—велика машъ, а камни—кости шѣла,
 “Копорыя мешашъ богиня намъ велѣла.,,
 Супруга радосшна гаданію его,
 Но не оставила сомнѣнья своего:
 Невѣріе и страхъ надежду ихъ смущаешъ;
 Однако испынашъ ничшо не воспяцаешъ.
 Идушъ изъ капища, главу свою покрывъ,
 И верхней леншія одежды разрѣшивъ,
 Бросающъ камни всяшъ — и, да повѣримъ
 диву,
 Какъ древности сѣдой свидѣшельству прав-
 диву—

Теряшь жестокость спаль упавшій камень
 всякъ;
 Преобразуючися, являюшь жизни знакъ;
 Распушь, приявъ законъ живошныя нашу-
 ры,
 И какъ зачашья ваяшелемъ фигуры,
 Помалу въ видъ людей пришли изъ грубыхъ
 массъ;
 Ихъ мягкость шучная во плоть тогда взя-
 лась,
 А часши швердыя на оспавъ послужили,
 Тѣжь самыя въ шѣлахъ просперлись всюду
 жилы.
 Опъ мужнихъ камни рукъ, поверженныя въ
 долъ
 Прияли мужескій, опъ женскихъ — женскій
 полъ.
 Опсель поиспинѣ мы родъ жестокосердый
 Въ забопахъ и шрудахъ, подобно камню,
 шверды,

1809.

Сѣ Лат. Н. Ибрагимовѣ.

ВЫГОДНОЕ ДЛЯ КАПИТАЛИСТОВЪ ПРИ- ГЛАШЕНІЕ.

Поспѣшаемъ сообщить нашимъ читателямъ *трезвыгаино* выгодное для капиталистовъ приглашеніе, напечатанное въ *Галббургскоиъ Корреспондентѣ* 26 Марта сего года No 49 на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и заключающееся въ слѣдующемъ:

“Человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ знатнѣйшихъ Нѣмецкихъ благородныхъ фамилій, имѣеть намѣреніе приобрести значительное количество недвижимыхъ имѣній.

У него нѣтъ капиталовъ, но онъ пользуется пожизненнымъ, ничемъ совершенно необремененнымъ, ежегоднымъ доходомъ болѣе 30.000 франковъ, въ пакой землѣ, законы копорой опнюдь не затрудняють пользованія доходами и процентами. Сверхъ того означенный доходъ имѣеть доспащочное, никакому измѣненію въ стоимоспи своей неподверженное обезпеченіе.

Изъ сего видно, что упомянутому дворянину было бы весьма легко приве-

спи въ исполненіе планъ свой, посредствомъ ежегодныхъ сбереженій. Но эгошъ путь кажеться ему слишкомъ длиненъ; ему хочеться теперь же вспунить во владѣніе избранными имъ имѣніями.

Для сего желаетъ онъ продать свой ежегодный доходъ за цѣну, безъ сомнѣнія весьма умѣренную, и каждыя 5.000 франковъ дохода за 85.000, или по крайней мѣрѣ за 80.000 франковъ капитала, и следовательно 30.000 фр. дохода за 510.000, или по меньшей мѣрѣ за 480.000 франковъ капитала, дабы такимъ образомъ теперь же изъ человѣка, живущаго доходами съ капитала, сдѣлаться богатымъ помѣщикомъ.

Цѣль, побуждающая его къ такой жертвѣ, состоитъ преимущественно въ томъ, что бы особамъ, для него драгоценнымъ нынѣ же и независимо отъ всѣхъ случайностей жизни, упрочить состояніе, котораго не могъ бы онъ имъ достигнуть иначе, какъ мало помалу непрерывными сбереженіями, и что бы такимъ образомъ вдругъ однимъ потеркомъ пера и отклонить тѣ потери, которыя долженъ онъ будетъ наложить на себя ежегодны-

*ми сбереженіями, и воспользоваться всѣми тѣми выгодами, какія могли бы въ послѣдствіи доставить ему самыя сіи потери *)*.

Не говоря уже о томъ, что примѣры подобнаго рода сдѣлокъ не шакъ рѣдки, настоящее предложеніе совершенно *во вкусъ нынѣшняго времени*, пошому что представляешъ возможность выигрыша и проигрыша. Но самая большая вѣроятность конечно на споронѣ выигрыша, пошому что только единственный, *весьма невѣроятный случай* преждевременная кончина продавца, можетъ подвергнуть покупателя убытку, между темъ, какъ его возрастъ (тридцать съ небольшимъ лѣтъ), превосходное здоровье и вышепомянутая пребуемая имъ цѣна представляющъ шакъ много и споль чрезвычайную вѣроятность выигрыша.

Договоры и все дѣло будутъ ведены съ правою и прямодушіемъ, какъ шого пребуешъ званіе и личный характеръ продавца.

*) Слова сіи и въ подлинникѣ напечатаны курсивомъ.

Желающіе вспуиши въ переговоры по сему предмету благоволяиъ адресоваиъся въ Контору Гамбургскаго Безпристрастнаго Корресподента запечашанъыми письмами съ надписью: *Дворянину, избъившему желаніе превратить 30.000 франковъ пожизненнаго дохода въ недвижимое имѣніе.*

Желательно знаиъ, будешъ ли предложеніе сіе имѣиъ успѣхъ и останешся ли покупики въ выигрышъ, или накладъ?

Юл.—инб.

mmmmmm

Ж Е Н А .

Какихъ намъ благъ просишъ оиъ Бога?

.

Жены? попышка въ лотерею!

К. Вяземскій.

Трешъягодня зашли ко мнѣ приятели. Цѣлый день, до прихода ихъ, провель я въ непосшижимой шоскѣ. Книга не ушѣшала меня—музыка не занимала; какое-шо окамененіе чувспвъ спѣсняло мою душу;

желанія умолкли и мечты погасли. Если бы смерть вздумала взять меня въ это время въ хладныя свои объятія, по равнодушно бы я предался ея нѣжності. — Вошь въ какомъ положеніи заспали меня приятели!.. Горькая улыбка еще не исчезла съ лица моего; нельзя было не примѣтить ее. — “Не случилось ли чего нибудь съ побою?,” спросили они меня. “Ты что-то не въ духѣ!,” — Друзья мои, опивѣчалъ я, пока преслѣдуетъ меня повсюду; не знаю чѣмъ избавишься опъ нее; все замерло въ моемъ воображеніи, я пересталъ дѣйствовать: нѣтъ въ виду никакой цѣли, къ копорой могъ бы спремиться и самая жизнь мнѣ наскучила. — “Тебѣ непременно надобно женишься!,” — вскричало нѣсколько голосовъ. — *Женишься, женишься!* повпорили другіе. Вошь самое лучшее лѣкарство, которое тебѣ предложимъ, — женишься, прервалъ я ихъ — средство повидимому спасительное; но подѣйствуетъ ли оно на меня? Не наведешь ли еще бѣлой шоски. — “Какъ можно шакъ думаешь? возразилъ Пюновъ. Какое удовольствіе замѣнишь милую, нѣжную, чувствительную жену, копорая бу-

дешь спрасино любишь себя? Съ чемъ можно сравнить тѣ нѣхіе часы уединенія, когда вы будете передавать другъ другу свои мысли, намѣренія, чувства? Ты задумался—она чипаешь въ швоихъ взорахъ причину швоей задумчивости; печаль овладѣла шобою — сердце ея сжалось отъ горести; ты весель — улыбка чистаго, истиннаго удовольствія рисуешь на прекрасныхъ устахъ ея. Обязанности увлекають тебя изъ дома и шихая скорбь отправляетъ продолжительныя минуты разлуки съ шобою. Ты возвращаешься—какая радость! — она бѣжитъ къ тебѣ на встрѣчу, не знаетъ какъ выразить всѣ ощущенія сердца, тебѣ одному преданнаго, и пламенныя ласки слабо еще доказываютъ, что она чувствуетъ. Въ городѣ, въ деревнѣ, въ шумномъ обществѣ, въ кругу родныхъ, посреди чуждыхъ вашему сердцу, вездѣ взоръ милой подруги устремленъ на тебя съ заботливостію. Взгляни на счастливыхъ супруговъ: цѣлый міръ для нихъ другъ въ другѣ. Они одни посреди блистательнаго круга. Тайный взоръ ихъ выражаетъ полную чувствъ. Присутствіе докучныхъ

спидѣшелей пягошипъ ихъ и они спѣшашъ разспашъся съ ними, чшобъ въ уединеніи предашься восторгамъ своей нѣжноти. Ахъ если еспъ въ мѣрѣ блаженство — то вѣрно въ одномъ только супружествѣ.,,

—Прелестныя краски швоей картинны супружеской жизни годяпся только для романа, сказалъ Звоновъ. Къ чему эшъ нѣжноти, эшъ спрадани, эшъ радости? Мужчина долженъ быпъ выше ихъ. Можешъ ли онъ передашь чувства души своей женѣ, когда она не въ состояніи понимать ихъ: ей нужно что нибудъ проще, соразмѣрное образу ея мыслей. Какое припомъ жестокое ушѣшеніе повѣряшь ей свои горести, когда чувствую, что онъ для меня такъ нягосны! И не уже ли швердый мужчина не можешъ перенести ихъ безъ раздѣла? Не уже ли ему нужна такая слабая учаспница? Съ другой стороны радости мои также будущъ ей непоняшны: ее ушѣшаютъ наряды, блистательное общество, ласкашельства; но мои восторги не зависяпъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Можешъ ли жена постигнушь и раздѣлишь со мною шайны

моей души, когда я и самъ не могу отдавать себѣ въ нихъ отчетъ? Если женишься, по для того, чтобы имѣть дѣлней. Воспитаніе ихъ нѣкогда займешь тебя и доставишь удовольствіе видѣшь въ нихъ людей просвѣщенныхъ, копорые составляютъ твою славу и утѣшеніе. Сильная же привязанность къ тебѣ жены доставишь тебя плашій изъ благодарности равнымъ къ ней вниманіемъ; ты долженъ будешь входить во всѣ мѣлочи, копорыя ее занимають, и такимъ образомъ примѣняясь безпрестанно къ ея понятіямъ и стараясь угождать ей, ты потеряешь наконецъ ту возвышенность души, копорая такъ сильно выражаетъ достоинство челоѣка — тогда самыя пламенные обѣщанія, ласки и нѣжносты жены не познаградяшь этой потерей.—

“Звоновъ слишкомъ натягиваешь спруну своего самолюбія, сказала Музинъ. Откуда это предубѣжденіе противъ женщинъ, это мнѣніе, что онѣ не въ сословіи также возвышались душою, какъ и мужчины?—Не уже ли онѣ забыли о многихъ женщинахъ, копорыя прославили имя свое прекрасными швореніями и дѣ-

лами, достойными Исторіи? Большая часть жизни нашей болѣе обыкновенна нежели онъ воображаетъ. Объ ней-то надобно подумать, а не о пѣхъ минутахъ вдохновенія, или возвышенности чувствъ которыя рѣдко приходятъ. Но для чего бышь и въ этомъ случаѣ независимымъ? Развѣ не могу раздѣлить ихъ съ женою? это еще въ тысячу разъ приятнѣе. Если душа безпрерывно желаетъ бышь дѣйствительною, то ей нужно соревнованіе, которое могло бы ее питать; нужна другая душа, столь же спраспанная къ прекрасному и изящному. Въ комъ же болѣе могу ее найти, какъ не въ женѣ умной и просвѣщенной въ этомъ истинномъ другѣ, которому могу сообщитъ свои наблюденія. Съ кемъ спану раздѣлять наслажденія, любуясь великолѣпными картинами природы, или читая шворенія знаменитыхъ писателей и либретто—разсмапривать людей — ихъ слабости—извлекашь изъ того пользу и учишься опытами? Будучи по природѣ своей способнѣе принимаешь впечатлѣнія изящнаго — жена передастъ ихъ мнѣ и темъ увеличитъ цѣну моего бышя. Вз-

мѣну того я буду руководствоваться ея сужденіями. Такимъ образомъ взаимно помогая другъ другу спремисься къ совершенству и слѣдовательно къ благополучію, мы скорѣе достигнемъ его общими усиліями. Вотъ цѣль, которую можно предположишь себѣ женишьбою!.,

—Все это хорошо только въ воображеніи, замѣшилъ Спрокинъ. Ты видно мало наглядѣлся на бѣдныхъ мужей, у которыхъ жены слишкомъ умны. О, дай имъ только волю! Если бы я былъ законодатель, то непременно ввелъ бы старинный обычай не учить женщинъ ничему и даже запирашь ихъ дома, чшобъ онѣ ни въ какомъ случаѣ не имѣли вліянія на наши поступки. Не возможно представишь себѣ всѣхъ гибельныхъ послѣдствій учености жены! Сначала она позволишь себѣ легко опровергать свои мнѣнія, разсуждалъ о предметахъ, кошорые ей въ голову приходишь не должны; потомъ начнешъ называшь предразсудками приняшья обыкновенія; шамъ найдешъ, чшо свои сужденія неправильны, сбивчивы, замѣчанія неосновательны, легкія укоризны оскорбительны; а наконецъ

воспоржеспвуя надъ швоею снизходитель-
 носпю, копорую назовешъ слабоспю, бу-
 дешъ дѣлашъ все, что захочешъ. Нѣпъ,
 эшо не по мнѣ! Занимайся сколько хо-
 чешъ науками, если эшо тебѣ нравишся;
 но одинъ, и въ заняшяхъ своихъ не дѣлай
 жену участницею: довольно, если она, о-
 ставивъ свое шипье, примешся опъ ску-
 ки за какой нибудь романъ. Намъ нужно
 развлеченіе—не все же сидѣть за дѣлами.
 Для эшого жена почти необходима. Вме-
 сто того, чшобъ бѣжать искацъ разсѣ-
 явля съ знакомыми, или звашъ къ себѣ и
 имѣшь скучную обязанность говоришь
 съ ними долѣе, нежели сколько бы хотѣ-
 лось, я могу вдоволь наговориться съ мо-
 ею женою о модныхъ шляпкахъ, о прои-
 шесшвяхъ околodka, пересудишь нѣкошо-
 рыхъ знакомыхъ, и проч. Лишь бы поль-
 ко предметъ разговора не былъ упоминше-
 лень; иначе не будешъ служишь опды-
 хомъ. Да и какая надобность спѣсняшь
 себя дома, гдѣ всего дороже спокойствіе
 души и шѣла? Припомъ повиновеніе же-
 ны необходимо: оно упрочиваетъ сѣмей-
 ственное благополучіе. Но можно ли бу-
 дешъ ожидашь опъ нее эшой добродѣше-

ли, когда вздумаешь имѣть одинакія права со мною на званіе повелителя?—Придется или быть игрушкою, или терпѣть непрерывные споры и неприязности.»

— Чѣмо можешь быть этого несправедливѣе? прервалъ Блесткинъ, который давно уже оказывалъ знаки неперѣнныя и старался перебить Спрокина.— Какая горюсть думать, чѣмо жена должна раболѣпствовать передъ мужемъ и говорить съ нимъ, когда это ему угодно будетъ; требовать, чѣмобъ она ни о чемъ не имѣла понятія, для угожденія своему самолюбію и для деспотическаго удовольствія быть во всякомъ случаѣ правымъ, и не встрѣчать прошиворѣчія. Приязно любишь и уважаешь жену; но какое чувство можешь поселить безчувственная? Если бы я даже любилъ уединеніе, то оно скорѣ бы мнѣ надѣло съ такою женщиною, которая не умѣетъ меня занять. Но можно ли ограничиться удовольствіями домашней жизни? Она приязна только тогда, когда мы на нѣкоторое время расстаемся съ нею и соединяемъ ее съ прелестями свѣтской жизни. Одно и то же упомянуто, и разнообразіе необходи-

мо. И должно ли опказываться опъ свѣ-
 ша, копя мы находимъ дома предметъ,
 привязывающій насъ къ себѣ? Нѣпъ, эпо
 будетъ жершва, слишкомъ большая для
 человѣческаго сердца. Напрощивъ вмѣсто
 того, чшобъ осуждашь жену на непре-
 рывное домосѣдство, я претоваль бы,
 чшобъ она посѣщала общества и спара-
 лась заводиль болѣе и болѣе знакомствъ.
 Только вниманіемъ къ приличіямъ—симъ
 условіямъ общесшвенности, разливаю-
 щимъ ушонченность въ нравахъ, можетъ
 она прибрѣсть способность не пере-
 спавашъ нравилься мужу. А эпо всего
 нужнѣе для сѣмейственнаго благополучія.
 Не возможно бышь счасшливимъ, не ка-
 завшись паковымъ—иначе надбно опро-
 вергнушь сущесшвованіе главной спра-
 сти нашей—самолюбія, или предполагашь
 ограниченность поняшій о наслаждені-
 яхъ. Рѣдкости, спаринныя рукописи, ме-
 дали, каршины, спашуи, и проч. не мо-
 гущъ составиль сущесшвеннаго нашего
 благополучія; но мы его находимъ, пока-
 зывая эши вещи другимъ и удовлетворяя
 самолюбію. Такъ шочно и жена: съ ка-
 кимъ удовольсшвіемъ показываемъ ее въ

обществѣ, гдѣ она любезностію своею привлекала бы къ себѣ общее вниманіе— гдѣ восхищаясь шоржесшвомъ ея, могъ бы я сказать: *она мнѣ принадлежитъ!* Для этого конечно нужно, чпобъ она была хороша собою, ловка, весела, непри-
нужденна, умѣла занять каждого, и даже (охотно позволяю) вскружишь голову не одному воздыхателю. Этимъ красшея общесшвенность.—И чпо бы было, если бы жены занимались исключительно од-
ними мужьями своими и сдѣлались чуждыми общесшву? Мы возвратили бы преж-
нія грубыя времена, когда жестокосшь мужщннь заключала прекрасный поль въ перемахъ, и позволяла ему видѣшь свѣшь только въ рѣшенчатое окно. Миновали вѣка варварсшва и прекрасный поль, оп-
мещиль намъ кропосшю, сннзхожденіемъ, любезностію, смягчиль наши дикіе нравы и научиль насъ въ полной мѣрѣ насла-
даться жизнью, — Должно эшимъ пользо-
ваться.—

“Я шакже очень радъ, чпо нынѣш-
нія женщины сдѣлались и умнѣе и любез-
нѣе, сказала Хлебашевъ; но жаль, чпо онѣ
болѣе и болѣе лищаюшя прежнихъ сво-

ихъ добродѣтелей! Общественность есть вещь условная, выдуманна людьми и нѣкопорымъ образомъ удалилась отъ природы. Женщинѣ предназначено не блистать, не восхищать своими талантами, не слушать ласкапелства; но исполнять опредѣленные ей обязанности, копорыхъ у нее болѣе, нежели предполагаютъ. Надобно имѣть въ виду существенное, а не мечпашельное. Дѣвушка позволительно нѣсколько занимается свѣтомъ; но женѣ пора перестать желать нравиться. Она уже одному понравилась, и всегда должна помнить, что *мужъ беретъ себѣ жену— не для другаго*. У каждаго есть свой кругъ дѣйствій, и отношенія жены къ мужу точно таковы, какъ его къ обществу. Ни въ какомъ случаѣ она не должна перескучать за черту своего круга—иначе разрушится порядокъ въ обществѣ. Какъ хозяйка въ домѣ, она снимаетъ съ мужа часть тѣхъ обязанностей, на копорыя ему не достаетъ времени посвящать себя, входитъ во всѣ подробности по дому и заботится, чпобъ мужъ былъ покоенъ и доволенъ.—Часто при хорошихъ способахъ не возможно ему поль-

зовашься выгодами жизни, попому что некому за эшимъ присмопрѣшь. Наемникъ забопипся болѣе о себѣ, а не обо мнѣ. Съ женою я избѣгаю эпихъ неприятностей.—Выгоды наши общи. — Что пользы во всѣхъ понкостяхъ кокешства, когда дома нѣтъ порядочнаго блюда, когда я не могу угоспипть у себя нѣсколько разъ въ мѣсяцъ искреннихъ моихъ прятелей, когда все неопряпно и въ безпорядкѣ? Удовлетвореніе суешности опнюдь не доставляешь намъ истиннаго удовольствія. Эпо мильный пузырь, которій одну минушу можетъ позабавипть. Надобно думать о прочнѣйшемъ. Опвѣшь на вопросъ, что лучше: *прожить ли илѣнне, выказывая свое тщеславіе, или умѣть пользоваться выгодами жизни и даже предметами роскоши при умѣренныхъ способахъ?*—не можетъ бытъ сомнительнымъ. Перваго я всегда ожидаю съ женою, которая занимается болѣе обществомъ, нежели мною и своимъ хозяйствомъ—но съ женою, которая будетъ стараться достигнуть вшораго, я всегда буду счастливъ. И какое наслажденіе видѣшь въ домѣ все хорошо усшроеннымъ, въ чисшо-

тѣ, бережливости и исправности! — садивъся за вкусный столъ, пригопвлен-
ный заботливостію милой жены, спа-
рающейся примѣняться къ моимъ при-
вычкамъ и вкусу — извлекаешь изъ каж-
дой бездѣлицы какую нибудь пользу и
жертвовашь нѣкопорыми своими прихо-
пями для моего спокойствія! Повѣрь мнѣ—
что съ такою только женою ты най-
дешь истинныя радости.,,

— Надобно бышь слишкомъ ограни-
ченнымъ въ желаніяхъ, чтобы полагаешь
блаженство въ хорошемъ столѣ и въ у-
спроенномъ хозяйствѣ, сказала Мишу-
ринъ, поправляя свой галсдукъ. Можно
ли полагаешь въ числѣ наслажденій про-
стное удовлетвореніе чувственности?
Есть гораздо благороднѣйшія, копорыя
имѣють основаніемъ чувство собствен-
наго достоинства и превосходство предъ
прочими. Надобно достигать возможно-
сти оказывать услуги обществу; слѣдова-
тельно старайся распространять кругъ
своихъ дѣйствій, чтобы имѣть вліяніе на
благоденствіе многихъ. — Къ этой цѣли
должны стремиться всѣ поступки наши
и въ особеннсти женишба, какъ важ-

нѣйшій поступокъ въ жизни. Главная и необходимая вещь — связи съ извѣстными людьми, копорые покровительствомъ своимъ могли бы меня поддержать. Это вѣрнѣйшая појука возвышенія. Часно прекрасныя достоинства погибаютъ въ неизрѣсности, и при всѣхъ усиліяхъ нѣтъ способовъ сдѣлаться замѣтвымъ; но вступивъ въ родство съ такими людьми, копорые для собственнаго честолюбія должны стараться, чѣмъ я званіемъ моимъ могъ соопредѣлять ихъ знаменитости — я не опасюсь невниманія ко мнѣ. Остаются только поддерживать ихъ обо мнѣ стараніе. Для этого необходимо, чѣмъ жена, при всѣхъ правахъ своихъ, не была равнодушною къ успѣхамъ моей службы и умѣла пользоваться всѣми случаями, копорые могутъ быть намъ благоприятны. Женѣ гораздо труднѣе онказать, нежели мужу...»

—Какое рабство! вскричали всѣ вдругъ и не дали докончить Мишурину.—Быть обязаннымъ женѣ своимъ возвышеніемъ! замѣшилъ съ презрѣніемъ Спрокинъ—Заспавлять жену хлопотать за мужа, когда должна сидѣть спокойно дома и зани-

машься своимъ дѣломъ, прибавилъ Хлебашевъ.—Попрашь любовь, это нѣжнѣйшее чувство, которое составляетъ наслаждение жизни нашей, расчешами честолубія, сказала, вздохнувъ Пюоновъ.—Предпочитай улыбку вельможи истиннымъ наслаждениямъ уединенія и бесѣдъ съ великими твореніями знаменитыхъ писателей, замѣтилъ Музинъ.—Желаешь заслужить уваженіе посредствомъ поклоновъ жены, когда не будешь имѣть собственнаго къ себѣ уваженія, прибавилъ Звоновъ.—Обременяешь жену заботами, когда ей суждено только нравиться, сказала Блеспкинъ.—Мишуриный долженъ былъ спорить со всѣми и съ трудомъ выдерживать битву съ шестью противниками.—Наконецъ на минуточку возспановилъ я пшину. “Чтожь, еслибъ я рѣшился послѣдовать одному изъ предложенныхъ мнѣ совѣтовъ, который бы изъ нихъ приблизилъ меня къ благополучію?,, сказала я имъ—Безъ сомнѣнія мой, воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. Шумъ начался снова — каждый повспорилъ, объяснялъ, дополнял все прежде имъ сказанное. Я ничего не понималъ...—Споръ сдѣлался общимъ.—Гово-

рили много, и я былъ весьма доволенъ, что они нашли предметъ, который равно занималъ ихъ — ибо кому нѣтъ охоты женишься? — Они ушли; но я остался съ прежней моею поскою, которую поспарался нѣсколько разсѣять описаніемъ мною слышаннаго.

С—ть.

~~~~~

Анекдоты.

Герцогъ Савойскій спросилъ однажды Генриха IV, сколько Франція приноситъ ему дохода? — “Сколько захочу, отвѣчалъ пошь, пошому что подданные мои любяшь меня.,,

Одинъ молодой человекъ усердно посѣщалъ ландшафтнаго живописца, у котораго была прелѣсная жена, и всегда заставалъ его дома. Вышедъ наконецъ изъ шерпѣня сказалъ онъ ему: “непроспительно право вамъ, что такъ рѣдко бываете за городомъ и не снимаете хорошихъ видовъ.,,

Когда дѣвица Арнульдъ, славная оперная актриса посѣтила Вольпера, то онъ между прочимъ сказалъ ей: знаете ли сударыня, что мнѣ 84 года, и я сдѣлалъ 84 глупости.—“Какая бездѣлица! возразила актр.

риса: вопшь мнѣ еще нѣтъ 40 лѣтъ, а я могу насчиташь болѣе тысячи своихъ дурачествъ.,,

Ваашюръ, оскорбивъ чувствительнымъ образомъ одного придворнаго, вызванъ былъ имъ на дуель на шпагахъ. — “Партія неравная, сказалъ ему Ваашюръ: вы роспа высокаго, а я небольшого; вы храбры, я прусь. Вамъ непременно хочешся меня убишь? Но я уже признаю себя мершвымъ—чегожь вамъ болѣе?,,—Эта шушка разсмѣшила его врага и—обезоружила.

Кучерь Г. Лава, накопивъ довольно денегъ, попросилъ у него увольненія отъ своей должности. Г. Лавъ согласился на это, но съ условіемъ, что бы онъ предспавилъ ему вмѣсто себя другаго хорошаго кучера. На другой день привелъ онъ къ нему двоихъ и сказалъ: “извольте, сударь, выбирать сами, оба хороши; а того, который вамъ не понравится, оставлю я для себя.,,

Однажды коляска Фридриха II, по неосторожности кучера, опрокинулась вмѣстѣ съ Королемъ. Онъ ужасно разсердился. —“Развѣ, В. В., сказалъ ему въ оправданіе кучерь, никогда не проигрывали сраженія?,,

Одинъ молодой человекъ замѣня, что идетъ по улицѣ прекрасная женщина, слѣдуешь за нею и попомъ предлагаешь ей свою руку. “По какому праву, М. Г., дѣлае-

ше вы это?», спросила она его. — Потому, сударыня, что вы прелестны и что я люблю васъ до безумія. — «Правду ли вы говорите?», — Ничего не можешь быть справедливѣе. — «Совѣтую же вамъ подарить ваше сердце моей сестрѣ, которая идесть сзади и которая гораздо лучше меня.», — Незнакомый волокиша бросился назадъ и видитъ — опрокинутое лицо! Въ ту минуту обращается онъ къ прелестной и говоритъ ей: какъ обманули вы меня! — «И вы меня также, потому что если бы дѣйствительно я понравилась вамъ, то конечно не захотѣли бы взглянуть на эту женщину.»

Одинъ въprenникъ, имѣвшій безуміе знакомился со всякимъ, подходитъ къ неизвѣстному ему человѣку и говоритъ: «здорово, мой другъ! Какъ поживаешь? — Не знакомецъ отвѣчалъ: здравствуй, любезный другъ! Какъ зовешь себя? —

Во всѣ времена льстили знашнымъ, но никто не просиравалъ столь далеко ласкательства, какъ Стасъ-Дама Королевы Анны. Однажды спросила ее Королева: который часъ? — «Который угодно Вашему Величеству», отвѣчала она.

Съ Франц. X.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XVI.

О СКЛОННОСТИ КЪ РАЗГОВОРУ.

На Воспокѣ, когда не находясь предмета для разговора, курящъ сухія розы и повремени кланяющся другъ другу, сложа крестообразно руки на грудь въ знакъ признанія; но на Западѣ любили цѣлый день говорить, и зажигапельная почка души часто разсѣвалась въ сихъ бесѣдахъ, въ коихъ самолюбіе было въ безпрестанной подвижности, для произведенія скорого впечатлѣнія, сообразно кругу времени и общества, въ коихъ находились.

Признано, кажется, что Парижъ есть городъ, гдѣ вкусъ и склонность къ бесѣдамъ наиболее господствуютъ; и такъ называемая опечесивенная болѣзнь, сія неопредѣленная тоска по опчизнѣ, независимо даже отъ разлуки съ друзьями, можешь уподобляться той словоохотливости, кою Французы нигдѣ не находящъ въ такой степени, какъ у себя.

Волней рассказываетъ, что Французскіе эмигранты вздумали во время революціи основать колонію и обрабатывать землю въ Америкѣ; но по временамъ оставляли они всё свои занятія — что бы идти, по словамъ ихъ, *поговорить въ городъ*; и эшотъ городъ, Новый Орлеанъ, опісшояль на шестъ сотъ миль опъ жилища ихъ. Во Франціи, во всёхъ соспо-яннѣхъ, видна спрасшь къ разговорамъ; даръ слова не только служишь средствомъ сообщенія мыслей, чувспшвованій своихъ; но эшо еспъ любимый инспрументъ, оживляющій духъ, какъ музыка у нѣкоторыхъ народовъ и крѣпкіе написки у другихъ.

Наслажденіе, доставляемое намъ одушевленнымъ разговоромъ не зависить именно опъ предмета сего разговора; идеи и свѣденія, которыя можно раскрышь въ ономъ, не составляютъ главнѣйшей его занимательности: но эшо происходитъ опъ нѣкотораго образа взаимнаго дѣйспшвованія, доставленія обоюднаго и быспраго удовольспвія, говоришь въ шже время какъ мыслишь, наслаждашься самимъ собою, получаешь безъ труда ру-

коплексанія, и обнаруживаешь свой умъ всѣми опшѣнками, выговоромъ, шѣлдвиженіемъ, взглядомъ, наконецъ производишь по волѣ какъ бы родъ елекпричества, которое издавая искры, облегчаетъ однихъ опъизбышка ихъ живоспи и пробуждаешь другихъ опъ шягоспнаго безспрастія.

Ничто сполько не прошивоположно сей способности, какъ характеръ и наклонность ума Нѣмцевъ; они хопяшь во всемъ бышь основательными. Баконъ сказалъ, что *разговоръ не есть дорога, ведущая домой; но тропинка, по которой случайно прогуливаются съ удовольствіемъ.* Нѣмцы всякой вещи назначають пошребное время, но пошребность сію въ опношеніи къ разговору соспавляютъ приятность его; если преспупають сію границу, то возникають пренія, начинаешся разговоръ о предметахъ важныхъ, что уже можно назвашь болѣе полезнымъ занятіемъ, нежели приятнымъ искусствомъ. Должно также сознашься, что вкусъ и упоеніе склонности къ общеспву дѣлають человѣка совершенно неспособнымъ къ занятіямъ умспвеннымъ, а ка-

чества Нѣмцевъ зависятъ, можетъ бытъ, въ нѣкоторомъ отношеніи отъ самаго описаннаго сей склонности. Обвѣщающія выраженія вѣжливости, существующія еще во всей почти Германіи, прошиваясь свободѣ и непринужденности разговора; самый ничтожный и междушемъ продолжительно произносимый шишуль двадцать разъ повторяется за обѣдомъ; предлагаютъ всякое кушанье, всякое вино съ заботливостію и настойчивостію, упомняющими смертельно иностранцевъ. Добродушіе есть источникъ всѣхъ сихъ обыкновеній; но онѣ не имѣли бы мѣста и на минушу въ спранѣ, гдѣ можно было употребить шушку, не оскорбляя темъ раздражительно. И какъ могутъ существовать приятность и удовольствіе въ обществѣ, если не позволяется легкой насмѣлки, которая услаждая умъ, придаетъ и самой благосклонности другій, плѣнительный образъ выраженія?

Ходъ мыслей въ продолженіи вѣка получалъ направленіе свое отъ разговора. Размышляли для того, что бы говорить; говорили, чтобы снѣжась рукоплесканія;

и чего нельзя было выразить словами, но казалось тягостнымъ для души. Желаніе нравиться, соспавляетъ весьмапріятное расположеніе, которое однакожь много различествуетъ отъ потребности быть любимымъ; желаніе нравиться поставленъ въ зависимость отъ мнѣнія; потребность быть любимымъ освобождаетъ отъ онаго; можно желать нравиться даже шѣмъ, которыми мы въ состояніи причинить много зла, и вопъ что именно называемся кокетствомъ; оно не есть принадлежность исключительно однихъ женщинъ, но бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда выказываемъ болѣе привязанности, нежели сколько дѣйствительно ощущаемъ. Правдушіе Нѣмцевъ не позволяютъ имъ ничего подобнаго; они понимаютъ приличность въ собственномъ смыслѣ слова, прелестъ выраженія почтищаютъ необходимою въ обращеніи, и отъ сего происходятъ ихъ раздражительность: ибо изъ каждаго слова они дѣлаютъ свои заключенія, не поспыгая того, что даръ слова можно разсматривать какъ свободное искусство, имѣющее дѣлю и послѣдствіемъ одно только удо-

вольспвіе. Склонность къ разговору имѣешь по неудобство, что измѣняешь иногда опкровенность характера; впрочемъ это обманъ необдуманый, но если можно шакъ сказать, выраженный скоро.—Французы въ семь отношеніи опличаются веселостью, сославляющею ихъ любезность; но не менѣе того справедливо, что самое священное на семь свѣтъ было поколеблено въ основаніи своемъ силою прелести, которая ни въ чемъ не полагаетъ важности и обращаетъ все въ смѣшное.

Острыя изрѣченія Французовъ повшорялись опъ одного конца Европы до другаго; во всякое время оказывали они блистательное свое мужество и умѣли облегчать скорбь свою сильнымъ и занимательнымъ образомъ; во всякое время они нуждались одни въ другихъ, какъ въ переменныхъ слушателяхъ, взаимно другъ друга ободряющихъ; во всякое время опличались своимъ искусствомъ въ помъ, что должно сказать и о чемъ даже умолчать, когда выгода беретъ верхъ надъ природною ихъ живостью; во всякое время имѣли способность жить бѣло,

сокращашь длинныя и рѣчи предоставляли случай говорить другимъ въ свою очередь; во всякое время наконецъ умѣли заимствовать ошь чувства и мысли только нужное для одушевленія разговора, не упомляя пустымъ вниманія, оказываемаго по приличію однимъ другому.

Французы говоряшь всегда слегка о своихъ несчастіяхъ, чпобъ не упомить пемь друзей своихъ; они по собственному опыту предугадываюшь чпо можешь навлечь скуку; стараюшя показывашь равнодушіе къ собственной судьбѣ своей, чпо бы снискашь чрезъ то бѳльшее уваженіе, нежели брашь въ помъ примѣрь съ другихъ. Желаніе казашься любезнымъ побуждаешь ихъ употребляшь выраженіе веселости, каково бы ни было внутреннее расположеніе души; фізіогномія имѣешь поспешенное вліаніе на то, чпо чувствувешь, и чпо дѣлаешь съ пемь намѣреніемъ, чпобъ нравиться другимъ; а эпо и прищупляешь нечувствительное жало внутренней скорби.

Одна умная женщина сказала, чпо *Парижъ есть мѣсто, въ которомъ всего легче можно обойтись безъ счастья: въ*

семь-то отношеніи недоспащочные люди находяшь въ немъ сполько удобствъ; но ничпо не можешъ преобразить Нѣмецкій городъ въ Парижъ, равно какъ нельзя доспигнуть того, чшобъ Нѣмцы, не ушрапивъ совершенно своей нравственности, подобно намъ, пользовались благодѣяніемъ разсѣянности.

Склонность и привычка бытъ въ обществѣ много споспѣшествуюшь къ познанію людей: чшобъ имѣшь успѣхъ въ разговорѣ, нужно наблюдашь каждое впечатлѣніе, производимое надъ слушающими, которое хотяшь скрышь, или увеличипшь въ глазахъ нашихъ, необнаруживаемое удовольствіе однихъ и принужденную улыбку другихъ; иногда случается видѣшь на устахъ внимающихъ намъ гошовія порицанія, которія можно опклонить опъ себя, поспѣшивъ разсѣяшь ихъ прежде, нежели самолюбіе будешъ къ тому вынуждено. Случается также видѣшь начало одобренія, которое должно старашься увеличивашь, по мѣрѣ однакожь того, сколько желаюшь намъ оказашь онаго. Нѣшь поприща, гдѣбъ щеславіе обнаруживалось въ разнообразнѣйшихъ видахъ, какъ въ разговорѣ.

Я знала человека, который приходилъ
опять похвалъ въ такое движеніе, что
когда его осыпали ими, онъ начиналъ у-
величивать уже сказанное имъ, и до по-
то спарался возвысить свой успѣхъ, что
наконецъ всегда его лишался. Я не смѣ-
ла рукоплескать ему, опасаясь возбудить
его тщеславіе и чтобы чрезъ то не сдѣ-
лать его смѣшнымъ. Другой, напрошивъ,
сполько осперегался обнаружить жела-
ніе свое произвестъ впечатлѣніе надъ
слушателями, что обыкновенно произ-
носилъ слова нерадиво и съ какимъ-то
презрѣніемъ. Сія мнимая его небреж-
ность обнаруживала болѣе припазаніе
на то, чего вовсе не имѣлъ онъ.

Когда тщеславіе выказываетъ себя,
то оно бываетъ снисходительно; ког-
дажь скрывается, то опасеніе быть об-
личеннымъ дѣлаешь его неприступнымъ;
тогда оно принужденно показываетъ рав-
нодушіе, пресыщенность, наконецъ все
убѣждающее другихъ въ томъ, что оно не
имѣетъ въ нихъ нужды.

Сіи различныя соображенія соспав-
ляютъ забавный предметъ для наблюда-
теля, и всегда удивляетъ тому, что

самолюбіе не избираеть пупи споль проспаго, изъявляя врожденное намъ желаніе нравишься и упошребляя по возможности приапность и испину для доспиженія сей цѣли.

Вкусъ, пребуемый общеспвомъ, проиходящая опъ того попребность бышь не свыше ума другихъ, всѣ паковыя усилія въ опношеніяхъ съ людьми, были бы конечно полезными по многимъ видамъ для Нѣмцевъ, доспавляя имъ чрезъ по болѣ смѣшливости, шонкости и ловкости; но въ способности сей веспи разговоръ заключаешя особенная уловка, копорая всегда смягчаешъ нѣсколько непреклонность нравспвенную: еслибъ можно было обойпись безъ того, что зависипъ опъ умѣнья щадипъ людей; по характеръ конечно имѣлъ болѣ бы величія и силы.

Французы самые искусные дипломаты въ Европѣ, и сіи люди, обвиняемые въ нескромности и безразсудности, лучше всѣхъ умѣюпъ скривашъ шайну и преклоняпъ на свою спорону шѣхъ, кои для нихъ нужны; они не нравяпся шолько шогда, когда сами шого копяпъ, ш: е: когда ихъ шщеславіе думаешъ найши луч-

ше свою выгоду, презирая, нежели обаявая другихъ. У Французовъ склонность къ разговору весьма много способствовала раскрытію другой важнѣйшей способности въ политическихъ переговорахъ. Ни одинъ иноземный посоль не можетъ сравниться съ ними въ семъ отношеніи.

Сношенія различныхъ сословій между собою также много содѣйствовали раскрытію во Франціи проницательности, мѣры и приличія въ умѣ общественомъ. Ошличія не были означены тамъ положительнымъ образомъ, и приписанія безпрестанно измѣнялись въ неопредѣленности времени, въ которое каждый могъ въ свою очередь приобрести, или поперять ихъ. Права средняго сословія, Парламентовъ, дворянства, самая власть Короля, ничто не было опредѣлено въ точности; все уничтожалось, какъ сказать, искусствомъ разговора: отъ самыхъ важныхъ затрудненій уклонялись нѣжными ошпѣнками словъ и обращенія, и рѣдко встрѣчалось какое либо оскорбленіе, или уступчивость—съ такимъ стараніемъ избѣгали того и другаго! Знашныя фамиліи имѣли также между собою

приязанія, которыя никогда не были обнаруживаемы, но всегда подразумѣваемы, и сія неопредѣленность гораздо болѣе возбуждала щеславіе, нежели поспоянныя опличія. Надобно было знать все, что входило въ составъ существованія мужчины, или женщины, чтобъ умѣшь оказывать приличное вниманіе; непринужденность во всѣхъ видахъ господствовала всегда въ обычаяхъ, нравахъ и законахъ Франціи: отсюда происходитъ, что поступки Французовъ опличались, если можно выразиться, особеннымъ неданствомъ въ легкомысліи; главныя основанія, не получивъ надлежащаго утвержденія, хотѣли придашь прочность и малѣйшимъ подробностямъ.

Въ Англіи оригинальность позволеться частнымъ людямъ: такъ совокупность хорошо устроена! Во Франціи, духъ подражанія кажется какъ бы общественою связью, и все пришло бы въ расстройство, еслибъ связь сія не подкрѣпляла непрочности утверженій.

Въ Германіи, каждый въ своемъ кругу на своемъ мѣстѣ, какъ бы при своей должности; шамъ не прибѣгають къ

искуснымъ оборотамъ, вставочнымъ и недокончаннымъ словамъ, для выраженія преимуществъ происхожденія, или званія. Лучшее общество въ Германіи составляеть дворъ; во Франціи участвовали въ ономъ всѣ, кои могли держашь себя на равной ногѣ съ придворными, и всѣ могли того надѣяться, и всѣ также могли опасаться никогда того не достигнуть. Онь сего происходило, что всякой хопѣль слѣдовалъ обычаямъ сего общества. Въ Германіи, дипломъ давалъ право для входа въ лучшее общество; во Франціи, изгоняло изъ онаго малѣйшее опсупленіе онь принятаго вкуса. и потому болѣе старались угодоблянься свѣтскимъ людямъ, нежели опличить себя личнымъ достоинствомъ.

Сила Аристокраціи, хорошіи тонъ и изящество брали верхъ надъ силою душевною, глубокомысліемъ, чувствительностію и даже надъ умомъ. Она говорила силѣ душевной: *ты слишкомъ занимаешься людьми и вещами*—глубокомыслію: *ты много отнимаешь у меня времени*—чувствительности: *ты слишкомъ разборчива*; наконецъ уму: *ты составляешь от-*

литіе слишколибъ отдѣльное. Требовались преимущества, зависяція болѣе ошъ внѣшности, нежели ошъ идей, и нужнѣе было узнать въ челоуѣкѣ его званіе, а не личное его достоинство. Сей родъ равенства въ неравенствѣ весьма благопріятенъ для людей посредственныхъ, ибо онъ необходимо долженъ низпровергнути всякую особенность въ образѣ мыслей и выраженіи. Избранный предметъ для подражанія одаренъ благородствомъ, пріятностью и изящнымъ вкусомъ; но онъ одинъ и пошъ же для всѣхъ. Сей предметъ составляетъ почву соединенія; каждый, сообразуясь съ нимъ, почищаетъ себя въ болѣшемъ обществѣ съ себѣ подобными. Французъ соскучился бы одинъ при своемъ мнѣніи, точно такъ, какъ соскучился бы, находясь одинъ въ своей комнатѣ.

Несправедливо было бы укорять Французовъ въ ласкашельствѣ сильнымъ изъ обыкновенныхъ расчелповъ, внушающихъ оное; они спремяшся, куда всѣ идушъ, несмотря на потерю, или выигрышъ. Революція во Франціи въ 1789 г. была произведена вѣсповщникомъ, провозглашав-

шимъ въ каждой деревнѣ: *вооружайтесь: сосѣдственная деревня уже вооружилась!* — и всѣ воспали прошивъ всѣхъ, или лучше сказать, прошивъ никого. Если распространялся слухъ, что такой-то образъ мыслей повсюду принятъ; то водворялось единодушіе, несмотрѣя на внутреннее убѣжденіе каждаго: тогда скрывали опъ себя, такъ сказать, шайну комедіи, ибо каждый опдѣльно сознался бы, что всѣ заблуждаются. Въ шайныхъ за-сѣданіяхъ случалось, что депушаты давали бѣлый, или черный шаръ, вопреки своему мнѣнію, единспвенно пошому только, что почипали большинспво голосовъ на той споронѣ, которой они не держались, и что *не хотѣли*, по словамъ ихъ, *потерять своего голоса.*

Сею-то общеспвенною потребностію мыслишь, согласно со всѣми, можно было изъяснить себѣ, во время революціи, прошивоположенсп въ неуспрашимоспи на войнѣ и малодушія на поприщѣ гражданскомъ. Опваженсп на войнѣ можно разсмашривать только съ одной спороны; но мнѣніе общеспвенное можетъ заблуждаться опносительнo поспушковъ

въ дѣлахъ политическихъ.—Порицаніе окружающихъ васъ, одиночество, забвеніе угрожающъ вамъ, если вы не послѣдуете господствующей партіи: между нѣмъ какъ на войнѣ ожидаютъ смерти, или побѣды — плѣнительное положеніе для Французовъ, которые не страшатся первой и спрассно любящъ другую. Установите моду, п. е. начинайте рукошескашъ въ случаѣ опасности, и вы увидите Французовъ, презирающихъ оную во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Духъ общественности существуетъ во Франціи отъ перваго сословія до послѣдняго: надобно только умѣть цѣнить, какъ одобряющъ окружающіе насъ: ни зачѣмъ не захопаящъ подвергнуться порицанію, или насмѣшкамъ; ибо въ спранѣ, гдѣ разговоръ имѣетъ такое вліяніе, звукъ словъ часто заглушаетъ гласъ совѣсти.

Извѣстна исторія того челоѣка, который началъ съ восторгомъ перевозить видимую имъ актрису; замѣтивъ улыбку на устахъ присутствующихъ, онъ ограничилъ свою похвалу; упрямая улыбка не скрывалась, и опасеніе подвергнуться насмѣлкѣ принудило его сказать:

ну право! (бѣдное твореніе) она сдѣлала все, что могла.

Торжесство насмѣшки безпреспанно возобновляется во Франціи; въ одно время нужно бытъ набожнымъ, въ другое не бытъ таковымъ; въ одно время любить свою жену, въ другое не показываться съ нею. Были даже минупы, въ копорыи опасались прослыть неосторожнымъ, если оказывали челоуѣколюбіе, и сіе опасеніе насмѣшки, обнаруживающееся обыкновенно въ высшихъ сословіяхъ пищеславіемъ, въ низшихъ превращалось въ звѣрство.

Какое зло причинила бы сія склонность къ подражанію между Нѣмцами! Ихъ превосходство состоишь въ независимости духа, въ любви къ уединенію, въ особенной оригинальности (*originalité individuelle*). Французы сильны только во множествѣ, и даже одаренные гениемъ берутъ всегда за основаніе принятое въ общемъ мнѣніи, когда хопятъ идиши далѣе сей черты. Наконецъ, неперпѣливость характера Французовъ, споль прівлекательная въ разговорѣ, лишила бы Нѣмцевъ главнѣйшей прелести естествен-

наго ихъ воображенія, пойдъ шихой меч-шапельности, того глубокаго взора, ко-шорый призываетъ въ помощь время и постоянство для изысканія всего сокровеннаго .

Сія качества почти несомвѣстны съ живостію ума; а между темъ живость сія придаетъ особенную любезность въ разговорѣ. Когда споръ спановишся скучнымъ, повѣсповозіе продолжилельнымъ: по обнаруживаешся какое - то неперпѣ-ніе, подобно тому, когда музыкантъ играя, слишкомъ распягиваетъ шакшу . Одна-кожь можно бышъ упомительнымъ шак-же и опъ живости, какъ оцъ чрезмѣр-ной медлительности. Я знала весьма ум-наго челошѣка, но споль неперпѣливаго, что онъ наводилъ всѣмъ говорившимъ съ нимъ шакое же безпокойство, какое мы чувствуемъ, замѣчая, что продолжилель-ность нашего разговора причиняетъ дру-гамъ упомненіе. Элошъ челошѣкъ прыгалъ на своемъ стулѣ, подобно Пиети на шре-ношншкѣ, въ то время, когда ему говори-ли; оканчивалъ фразы другихъ, опасаясь, чтошбъ не продолжились онѣ долше; сначала онъ безпокойль, наконецъ досаждалъ

уже своимъ неперпѣнїемъ. Когда для сокращенїя разговора опускають нужное: шо мысли и чувствованїя шѣснятъ другъ друга, не находя почныхъ и приличныхъ для себя выраженїй.

Всѣ способы сокращашь время не сохраняють онаго, если въ одномъ предложенїи, слишкомъ распянутомъ, остаешся пустоша; способность изрешашь свою мысль скоро и блестящимъ образомъ наиболѣе имѣеть успѣхъ въ обществѣ: тамъ нѣтъ времени для медлительности. Никакое размышленїе, никакая снисходительность не можешь принудить забавляться темъ, что нимало незабавно. Тамъ должно упражнять духъ завоеванїя и деспотизмъ при спяжанїи успѣха; ибо сущность и цѣль разговора, будучи не слишкомъ важными, не дають возможности, упѣшашься въ неудачѣ чистою побудительныхъ причинъ онаго, и доброе намѣренїе ничего не значить въ дѣлѣ, касающемся до ума.

Способность рассказывать, одно изъ величайшихъ достоинствъ разговора, очень рѣдко встрѣчается въ Германїи: слушатели тамъ весьма снисходительны,

не такъ скоро скучаютъ, и говорящіе, увѣренные въ перспѣливости слушателей, слишкомъ спокойно располагаются въ своихъ повѣснвованіяхъ. Во Франціи говорящій становится похипипелемъ, которій чувствуя себя окруженнымъ зависпливыми соперниками, желаетъ удержаться на своемъ постѣ преимуществомъ своего успѣха; въ Германіи, напрошивъ, онъ законный владѣтель и можетъ безопасно пользоваться своими правами, опо всѣхъ признанными.

Нѣмцы болѣе успѣваютъ въ повѣснвованіяхъ стихотворныхъ, нежели эпиграмматическихъ: когда надобно говорить воображенію, подробности могутъ нравиться; онѣ придають картинѣ правдоподобіе; но когда истребуется острое слово, то необходима краткость разсказа. Шутка облегчаетъ на минушу тягость жизни: успѣшишельно видѣть человека, себѣ подобнаго, играющаго такимъ образомъ бременемъ, насъ гнѣшущимъ, и мы, одушевляясь симъ примѣромъ, съ бѣльшимъ равнодушіемъ несемъ оное въ свою очередь; но когда видимъ усиліе, или уныніе шамъ, гдѣ бы должна бышь веселоспѣ,

то ѿе насъ упомляешъ болѣе, нежели предметы важныя, кои по крайней мѣрѣ занимають насъ своими послѣдствіями.

Искренность характера Нѣмцевъ также, можешъ бышь, препятствуешъ искусству рассказывать: Нѣмцы имѣють болѣе веселости въ характерѣ, нежели въ умѣ; они веселы, какъ бывають честны для самодовольствія ихъ совѣсти, и смѣются надъ темъ, что говоряшь гораздо прежде другихъ.

Ничто не можешъ, напрошивъ, сравняшься съ прелестью разсказа умнаго и образованнаго Француза. Онъ все предвидишь, все берегаешъ и однакожь жертвуетъ темъ, что могло бы возбудишь занимательность. Его фізіогномія, не споль выразительная какъ Итальянца, изображаешъ веселость, не теряя нисколько собственнаго достоинства въ обращеніи; онъ останавливаешся, когда нужно и никогда не испощеваешъ даже забавнаго; одушевляешся, но держишь швердо бразды ума своего для вѣрнаго и скорого онымъ руководства; коль же скоро слушатели вступають въ разговоръ, то онъ одобряешъ въ свою очередь пѣхъ, кои

ему рукоплескали; не пропускаешь безъ явнаго замѣчанія удачнаго выраженія, оспирой шушки. Такимъ образомъ взаимно доставляютъ другъ другу удовольствіе, какъ будто бы находились въ совершенномъ между собою согласіи и единодушіи.

Нѣмцы выиграли бы много, еслибы воспользовались, въ существенныхъ отношеніяхъ, нѣкоторыми изъ выгодъ духа общественнаго во Франціи; имъ должно бы научиться опъ Французовъ оказывать менѣе раздражительности въ малозначущихъ обстоятельствахъ для сохраненія всей силы въ важнѣйшихъ; должно бы научиться опъ Французовъ не смѣшивашъ упорства съ силою душевною, суровости съ твердостью; должно бы также, когда готовы они къ совершенному пожертвованію жизни, не принимашъ оной оняшъ посредствомъ нѣ котораго рода мѣлочной личности, недопускаемой истиннымъ героизмомъ; наконецъ должно бы почерпашъ, въ самомъ искусствѣ разговора, навыкъ къ распространенію въ ихъ сочиненіяхъ той ясности, которая сдѣлала бы ихъ пригодными для большаго числа людей, той способности сокра-

щась все, избрѣшенной народами, кои занимающа забавляясь, а не пѣми, которые занимающа съ напряженіемъ силъ, и распространенію того вниманія къ извѣстнымъ приличіямъ, которое не заставляешь жертвовашъ природою, но щадишь воображеніе. Тогда они усовершенствовалибъ способъ писашъ, сохраняя нѣкоторыя наблюденія, заимствованныя отъ способности говоришь; но-несправедливо обнаружили бы они преобладаніе свое на сію способность въ такомъ видѣ, какъ она существуесть у Французовъ.

Большой городъ, могущій служишь почкою соединенія, былъ бы полезнымъ въ Германіи, для совокупленія средствъ ученія, приумноженія источниковъ искусствъ, возбужденія соревнованія: но еслибъ сія столица раскрыла въ Нѣмцахъ вкусъ къ удовольствіямъ обществу во всей ихъ изящности, то они лишились бы спорога правосудія, уединеннаго труда, смѣлой независимости, опличающихъ ихъ на поприщѣ Словесности и Философіи; наконецъ, они перемѣнилибъ мирные обычаи на внѣшнее движеніе, котораго

прияпности и ловкости никогда бы они не приобрѣли.

Изъ Соч. Гжи Сталь—А. Г. с. вб.

~~~~~

ВЕЧЕРЪ НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТАГО МОРЯ.

На льдистыхъ тундрахъ Сѣвера, въ дымной юрпѣ, занесенной до половины снѣгомъ, сидѣль предъ огнемъ шаричекъ; на спѣнахъ висѣли кожи убишыхъ медвѣдей и распянушыя сѣпи сушились — “Ахъ, дѣдушка! какъ холодно!—сказаль вошедшій мальчикъ, неся охакку хвороспа и подкладывая ее въ огонь—какой сугробъ снѣга навалило предъ нашей юрпой! У меня совсемъ окостенѣли руки, и я на силу опорвалъ примерзшіе прупья! А какъ темно, что право ни зги не видно! Бѣда, ежели кого въ дорогѣ занесеть снѣгомъ и заморозитъ! А на берегу какъ спрашно прескаеися ледъ, и бѣлые медвѣди режутъ; я шакъ боялся, шого и смошри, что съѣдятъ. Сядь-ка поближе, дѣдушка, видишь какъ вѣсперь продуваетъ сквозь спѣны; тебѣ, я думаю, холодно!”, — *Дѣдѣ.* Садись, погрѣйся самъ, пы озябъ; а мое холодное шѣло уже не грѣетъ о-

говъ. Запершы ли олени, въ хлевѣ? Имъ бѣднымъ также холодно спояшь на вѣщ-
рѣ.—*Внукъ*. Я заперъ, дѣдушка; какъ ты
приѣхалъ изъ города; я думаю; шамъ въ-
теръ не такъ дуешь? *Дѣдъ*. Все равно,
дѣшушки; пусть дуешь вѣщерь и спояшь
морозы: мы запаслись на зиму рыбою и
не будемъ терпѣшь недоспашка—прода-
димъ въ городѣ, кушимъ новыхъ, свѣшей на
лѣшо; сошьемъ шубы изъ шкуръ медвѣжь-
ихъ—тогда нечего бояться холода.—*Внукъ*.
Гдѣ-то будешь намъ взять дровъ? Ихъ
много выходишь!..а на улицѣ такъ тем-
но, что право надобно разложишь огонь,
чтобъ увидѣшь дорогу — да и съ огнемъ
ничего не увидишь; снѣгъ все замель;
только иногда освѣщаешь съ свѣра по-
дымающееся на небѣ пламя...Скороль-то
придетъ красное лѣшо?..Хоть и долго
ждать; а какъ придетъ, то такъ быва-
ешь радостно: снѣгъ весь сбѣжишь и
права зазеленѣешь; кусмарники распу-
святся, и я удочкою наловлю тебѣ рыб-
ки свѣженькой на уху...Скажи мнѣ, дѣдуш-
ка, отъ чего шупъ такая длинная ночь
и такъ холодно, и солнышко свѣшитъ
не долго? Я слыхалъ отъ рыбаковъ, ко-

шорые сюда приѣзжаютъ, что тамъ дальше на югъ и тепло, и солнышко свѣ-
 шишь во весь годъ—только скрывается
 въ сушки на нѣсколько часовъ; что тамъ
 есть страны, гдѣ не бываетъ ни снѣга ни
 морозовъ, а всегда зеленѣютъ луга и цвѣ-
 шутъ деревья! Какъ тамъ хорошо!—*Дѣдѣ*.
 Да, есть такія страны, гдѣ царствуетъ
 вѣчная весна; но были времена, когда и
 здѣсь на этихъ угрюмыхъ и холодныхъ
 берегахъ было также хорошо, какъ и
 тамъ на югѣ.—*Внучѣ*. Не уже ли это прав-
 да?—*Дѣдѣ*. Говорятъ, правда.—*Внучѣ*. Опъ
 чего же теперь не такъ, дѣдушка?—*Дѣдѣ*.
 Послушай, я тебѣ расскажу что слышалъ
 опъ своего прадеда; только за вѣрность
 этого не ручаюсь. — Здѣсь въ глубокой
 древности свѣсило вѣчное солнышко, вѣч-
 но благоухали цвѣшистые луга и цвѣли
 прекрасные цвѣпы—было такъ тепло и
 приятно, не было никогда такихъ гроз-
 ныхъ бурь и густыхъ тумановъ, какіе
 теперь; не было и метелей, а вѣяльши-
 хій, прохладный вѣперокъ для того, что
 бы умѣришь жаръ солнца и освѣжишь
 воздухъ. Не было такихъ огромныхъ
 льдинъ, какія покрываютъ наше море; и

вода никогда не замерзала—и не подымались волны, и медвѣди такъ спрашно не ревѣли. Дѣды наши не ѣздили въ холодъ за рыбой и на лыжахъ за звѣрями. Они не знали никакихъ заботъ, пипались сокомъ цвѣповъ и вкусными плодами, жили долго, долго; но эта приятная, беззаботная жизнь имъ дѣлалась скучною и они ошь пресыщенія бросались въ морскія волны; съ продолженіемъ времени ихъ число примѣшно уменьшалось. Красное солнышко одно было причиною ихъ гибели—оно видя, что люди уменьшаются ошь удовольствій, удалилось съ шѣхъ поръ на югъ уже навѣки, и только изрѣдка посѣщаетъ эти страны, прежде счастливыя; съ шѣхъ поръ спустилась къ намъ холодная зима съ ужасными морозами, начали дуть сильные вѣтры, и снѣгомъ покрылись поля, а море полными льдами; теперь пропитаніе достается шудами: зато никогда и жизнь не наскучишь.—“Ахъ дѣдушка я бы такою приятною жизнью никогда не наскучилъ,, — сказалъ внукъ, раздувая послѣднюю искру.—

Возбужденіе къ радости.

Презримъ заботы, о друзья!
Пока цвѣтущь Весна и Младость,
И звонкій голосъ соловья
Намъ въ душу проливаетъ сладость!

*

Когда кропимыя ручьемъ
Смѣются злачныя долины —
Кто хочеть на челъ своемъ
Слагать печальныя морщины?

*

Насъ манишь Радость на спезяхъ,
Черезъ поле жизни сей ведущихъ;
Она сама къ намъ на крылахъ
Несеть вѣнки изъ розъ цвѣшущихъ.

*

Еще прохладой дышетъ лѣсъ;
Еще блестящъ луна злапая,
Сквозь зелѣнѣющихъ деревьевъ
Волшебный свѣтъ свой проливая,

*

Еще съ улыбкою цвѣтеть
Въ долинь ландышъ бѣлоснѣжной;
Еще отраду въ сердце льетъ
Веселый забликъ пѣсню пѣжной!

*

Прекрасна Вожія земля!
 Зачемъ спруишь попокомъ слезы?
 Презримъ заботы, о друзья!
 И спанемъ рвашь веселья розы!

Сб Нѣл. П. Шкляревскій.

~~~~~

Басни *).

1. Быкъ въ огородѣ.

Сбѣжался кучею пародѣ!

И я оспановился —

Быка пуспиль хозяинѣ въ огородѣ,
 Чшобъ шправкой подлѣ грядѣ немножко по-
 кормился;
 А Быкъ безсовѣспный помчался по грядамъ!
 Хруспяшь лишь огурцы да жочни подѣ но-
 ногами!

Вошь спали выгоняшь, а Быкъ рогами,
 И задалѣ переборѣ порядочный бокамъ!
 Но вошь и выгнали, и дверцы зашворили...
 Да, чаю, огородѣ не скоро насадили!

*

*) Напечатаны въ 43 и 45 № Сѣверной
 Пчелы, но съ нѣкошпорыми довольно важны-
 ми шипографическими ошибками; а здѣсь,
 по желанію почшеннаго Сочинишеля, помѣ-
 щающся въ шакомъ шочно видѣ, какъ имѣ
 написаны. Изд.

По мнѣ, шакъ лучшебъ не впуцать Быка:
Не поспрадали бы ни гряды, ни бока.

2. Знакомые .

Дорогой шли Назаръ да Климъ,
И Фока балагуръ на встрѣчу имъ попался.
Лишь только поравнялся—
Чиннехонько поклонъ отдавши обоимъ,
Онъ вымолвилъ такое слово:
“Здорово,
И чесный человекъ и плушь!,,
— Здорово, добрый плушь!—
Сказалъ Назаръ, смѣясь; а Климъ—шотчасъ
вбѣсился,
И съ Фоккой сильно побранился.

•

Хоть Прищча эша и проста;
Но форма пребуешъ скрѣпишь нравоученьемъ:
Кто шутку общую считаешъ оскорбленьемъ,
Тотъ признаешся самъ, что совѣсть не
чиста.

— но —

~~~~~

Вѣ альбомъ М. В. В.

Съ какимъ я неперпѣньемъ
Желала видѣшь вашъ альбомъ,
И пользуясь приятнымъ дозволеньемъ,

Сбиралася съ умою,
 Сказаць ли прозой, иль стихами,
 Что всячески пишашъ для васъ прияпно мнѣ,
 Да и не мнѣ одной, вы знаете по сами,
 И знаюшъ всѣ, не вы однѣ.
 Но чшожь?—Альбомъ я получаю,
 И первые стихи встрѣчаю,
 Что Графъ Хвостовъ вамъ напи-
 саль.—

Тутъ слабый мой паланшъ ска-
 залъ :

“Не лучше ли намъ оспановишьясь?”

Гдѣ пишешъ споль почтеннѣйшій поэтъ,
 Тамъ нашимъ мѣлочамъ съ нимъ рядомъ мѣ-
 сша нѣшъ.

Увы! пришлось съ перомъ про-
 стипшьясь!

М. Дарголыжская.

~~~~~

*Прощаніе Графа Ангальта съ 45
 кадетами, отправлявшимися на
 флотъ *).*

Прощайте, дѣши мои! прощайте, ми-
 лые дѣши! Во время мира живите, какъ

---

*) Изъ его сочиненія: La salle de récréa-
 tion.

добрые кадеты, во время войны—какъ храбрые воины. Приблизьтесь ко мнѣ, примините въ послѣдній разъ опеческій мой поцѣлуй . . . . .

Еще нѣсколько словъ: помините, друзья мои, прошу васъ, помините всегда, что наиболѣе надлежитъ спрашиться и убѣгать чепырехъ неприсяпелей.—Безъ сомнѣнїя поминаете, что говорю о неприсяпеляхъ нравспвенныхъ; я увѣренъ, что пропину неприсяпелей полипическихъ выспавинте грудь съ опшважноспїю и неуспрашимоспїю.—Неприсяпели же нравспвенные, могущїе вспрѣпшиться на пуши вашей жизни, сусп: *вино, азартныя игры, лѣность, гнуснѣйшїй и опшврапшительнѣйшїй изъ всѣхъ пороковъ, рождающїй спыдъ и беспорядокъ между родными и въ общеспвѣ благородныхъ людей—ложь.*

Сверхъ сего не забываете никогда, прошу васъ, не забываете признапельности, каковою должны вы ИМПЕРАТРИЦѢ. Благоговѣйте ко храму вашего воспитанїя. Да будущъ первымъ побужденїемъ и первымъ началомъ всѣхъ вашихъ поступковъ: *гестность и доброе имя.*—Прощайте!

И. Бушмакинъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XVII.

НОВЪЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ О ПОДВЛАСТНЫХЪ ТУРКАМЪ СЕРБАХЪ.

Сербы составляютъ одно изъ многочисленныхъ племенъ Словенскаго народа. Они вышли изъ Азійской Сармаціи, и около 620 года отъ Р. Х., просили Греческаго Императора Ираклія дать имъ земли для поселенія. Ираклій, согласившись на ихъ просьбу, предоснавилъ имъ верхнюю Мизію, Дакію и Дарданію. Страны сїи, по новымъ обихателѣямъ своимъ, стали называться Сербією, которая была болѣе 580 лѣтъ подвластна Восточной Имперіи, хотя и имѣла своихъ собственннхъ государей.

Независимость ея начинается съ того времени, когда Крестоносцы, въ 1204 году, овладѣвъ Константинополемъ, возвели на Греческій престолъ Латинскихъ Императоровъ.

Турецкіе Султаны, занимаясь поко-

реніємъ Булгаріи, внесли войну и въ Сербію; но *Деспоты* ея (такъ назывались Сербскіе государи), оказывали имъ весьма продолжительное и упорное сопротивленіе. Сіи непримиримые враги Христіанства наконецъ надъ ними восторжествовали, не сполько силою оружія, сколько вѣроломствомъ и спрахомъ своего имени.

Впрочемъ, состояніе Сербовъ, поддавшихъ подъ власнь Магомешанъ, было несравненно лучше, нежели положеніе прочихъ Христіанскихъ народовъ, находившихся подъ Турецкимъ игомъ. Причиною сего былъ бракъ, заключенный Баязетомъ-Ильдримомъ, сыномъ Амураша I, съ Марією, дочерію Лазаря, послѣдняго Деспота Сербскаго, содѣлавшеюся въ послѣдствіи законною его супругою.

Сербы, болѣе почитались данниками, нежели *Раясами*, хопя прежде плашили и нынѣ плашятъ подушную подать, извѣстную подъ именемъ *Башъ-Карага*.

Они имѣють начальниковъ, изъ коихъ одни получаютъ сіе достоинство, какъ достояніе, принадлежащее знатному роду ихъ; другіе же выбираютъ въ сіе званіе народомъ.

Начальники сіи имѣють великое преимущество предъ старшинами Грековъ и Булгарь, кои суть *Раясы*. Сіи послѣдніе сославляють токмо родъ земскаго управленія, обязаны собирать дань и подати и доставляти оныя въ Турецкія казначейства. Но Сербскіе начальники образуютъ, такъ сказать, народный совѣтъ, устанавлиющій общественныя и политическія сношенія, и занимающійся иногда, въ важныхъ случаяхъ, правосудіемъ и судопроизводствомъ.

Хлѣбопашество, скотоводство и ловля звѣрей суть главнѣйшія упражненія Сербовъ. Промышленность ихъ не весьма значительна; однако же они производятъ општовую и мѣлочную торговлю. Между ними находятся искусные ремесленники, могущіе стоять на ряду съ ремесленниками просвѣщенныхъ Государствъ.

Число Сербовъ, исповѣдающихъ православную Греческую вѣру, простирается отъ шести до семи сотъ тысячъ человекъ. Они почти неизмѣнно сохранили языкъ и обычай предковъ своихъ Словенъ. Свойства и нравы ихъ имѣютъ какую-то суровость, которую, кажешся,

надлежитъ приписатьъ дикости гористой и дѣсовой ихъ страны.

Высокій ростъ, сила мышцъ и крепкое телосложеніе умножающъ ихъ мужество и ищающъ въ нихъ воинское расположеніе. Но сѣдующее происшествіе, болѣе всего поселило въ нихъ негодованіе противъ Турецкаго правительсва, и заставило ихъ взяться за оружіе.

По окончаніи послѣдней войны Оттоманской Порты съ Австрією, *Низалъ-Геддиду* *) показалось, что жители города Бѣлграда, взятаго знаменимымъ Лаудономъ, не довольно мужественно защищались. Для наказанія ихъ за то, сей Государственный Совѣтъ предложилъ дать исполнительную силу повелѣнію, коимъ предоснавляется Султану собственность жителей всякаго города, хотя

---

*) *Низалъ-Геддидъ* есть родъ Государственнаго Совѣта, или Правительствующаго Сенаца. Онъ состоитъ изъ двѣнадцати членовъ непремѣнныхъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ Константинополѣ, и изъ двѣнадцати почетныхъ, отправляющихъ первыя должности, и живущихъ въ областяхъ.

мгновенно занятого Христианами, и обратно отъ нихъ взятого, или возвращеннаго. Сіе самое и случилось съ Бѣлградомъ, который возвращень Турціи въ слѣдствіе Сисповскаго мирнаго договора. И такъ предписано Пашѣ изгнать владѣльцевъ изъ ихъ домовъ, и раздасть ихъ созданнымъ пришельцамъ, собравшимся для сего въ Бѣлградъ изъ разныхъ областейъ государствъ. Беззащитные жители не могли сопротивляться, и были высланы изъ города.

Славный Пассаванджи-Оглу, Аянь Виддинскій, возставшій противъ Порты, принялъ ихъ и далъ имъ свое покровительство. вспоможенныя его войсками, они вооружились для возвращенія законной собственности своей, приближились къ Бѣлграду, ворвались въ оный, выгнали новыхъ владѣльцевъ, и тамъ удержались, невзирая на всѣ усилія Пашы.

Вошь начало и причина важныхъ безпокойствъ, происходившихъ въ Сербіи въ концѣ оснадцатаго столѣтія,

Съ сего-шо времени жили ея, раздраженные несправедливостію Турецкаго правительсва, спали помышляшь о не-

зависимости; но долго находились въ бездѣйствіи. Наконецъ предприимчивый *Георгій Петровичъ Черный*, герой нашего вѣка, возбудилъ ихъ оупь сего усыпленія, вознамѣрясь освободить опечество свое оупь порабоженія Опшпомановъ. Хотя опважное предприятие его не увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ, однако побудило Порпу согласиться на разныя уступки и оставило послѣ себя въ сердцахъ мужеспвенныхъ Сербовъ искру независимости, плѣющую нынѣ подъ пепломъ, но готовую все воспламенить вокругъ себя при первомъ благоприятномъ случаѣ.

Поелику Сербы живутъ на меньшемъ пространствѣ и въ ближайшемъ соединеніи, нежели прочіе Хриспіанскіе народы Европейской Турціи: то они могутъ удобнѣ ихъ соединиться для составленія всеобщаго ополченія, когда насчанеть рѣшительный часъ, долженствующій ихъ неминуемо собрать подъ хоругвь Кресна и положить конецъ владычеству надъ ними Магомешанъ.

II. Яковлевъ.

ВЕЧЕРЬ НА БЕРЕГУ ЖЕНЕВСКАГО ОЗЕРА.

На берегу прелестнаго Женевскаго озера, тамъ, гдѣ гордые утесы возносятъ къ облакамъ верхи свои, убѣленные вѣчными снѣгами, на цвѣшистомъ холмѣ сидѣлъ Пламень, окруженный своими дѣтьми. Тихая ночь спустилась на землю, мракомъ одѣлись угрюмыя Альпы, пылали вечернія звѣзды на небѣ, и луна, какъ бѣлый лебедь, плыла между тонкими облаками и своимъ свѣтомъ серебрила спокойныя струи озера. Тихо все было въ природѣ, только рыбы плескомъ струили сонныя воды, и вечерній жукъ жужжалъ надъ лугами — вопль раздался послѣдній звукъ рожка, созывающаго спада, прикрасно опозвался онъ между горами и пишина опять наступила.

Дѣти смотрѣли съ неизъяснимымъ удовольствіемъ на свѣтлое небо, на ярко пылающія звѣзды, на луну величественно плывущую. — “Посмотрите, батюшка, сказалъ младшій сынъ, какъ вездѣ тихо здѣсь между нашими горами и тамъ, на

опдаленномъ сводѣ, какъ величественно сіяешь луна между звѣздами—о какъ премудръ Творецъ, сошлѣбвившій все это!.,—Такъ, дѣпи—говорилъ Пламень—эпи міры супъ свѣпильники Его Преспола; луна еспъ такая же плаѣша, какъ и наша земля; можешъ бышь и пѣмъ еспъ сущѣспва, славящѣ Его благоспъ и всемогущѣспво!—

Вдругъ рокопы грома прѣрвали сладкѣй сонъ природы—глухой шумъ раздавался въ дремающихъ утѣсахъ и умиралъ въ глубокихъ долинахъ — ближе и ближе слышно было грохопаніе—всколебалось Женевское озеро и задрожала земля—цѣлыя горы, казалось, рухнули въ пропасть со своихъ гранитныхъ основаній—съ ужаснымъ шумомъ скапнулась величайшая глыба снѣга и засыпала долину. Шумъ умолкъ и мертвое спокойствіе опять воцарилось въ природѣ.

“Вашюшка, какъ спрашно намъ было, когда эша лавина упала; нѣ засыпала ли она нашей хижины?., — Успокойтѣсь дѣпи, она завалила вопъ эшу долину, въ кошорой къ счаспію нѣпшъ ни одного жи-

лица. — “Ахъ, любезный бапюшка! говориль старшій сынъ, какія несчастія поспигають насъ здѣсь на землѣ: помнипе, прошлаго года въ эпой долинѣ погибло много людей и хижинъ и бѣдныхъ коровъ!—Какъ же счастливо живушь существа на эпой лунѣ! Тамъ, я думаю, вѣчно свѣтипъ солнце и безмяшежное спокойствіе сопровождаепъ цѣлые вѣки въ природѣ и въ жизни существъ!,,

---

Пламень молчалъ нѣсколько времени и попомъ началъ говоритъ: послушайте, дѣпи! я расскажу вамъ свой сонъ: въ эпой долинѣ, видѣль я, многія тысячи народа окружили воздушный шаръ; я сѣль въ него и съ шумомъ поднялся на воздухъ. Когда увидѣль я подь собою землю; когда увидѣль, что каждое мгновение болѣе и болѣе опдаляло меня опъ милой опчизны, опъ васъ, любезныхъ сердцу — можепъ бытъ навсегда — когда съ каждымъ сопрясе-ніемъ я выше и выше поднимался въ воздушномъ проспранствѣ: пайный препенѣ овладѣль мною; я проклиналъ свою дерзоспъ, проспираль руки къ родимой спра-

нѣ; хотѣлъ, можешь быть, въ послѣдній разѣ, возвратишься на землю — но уже было поздно: шарь, какъ быспрый орель, париль къ облакамъ.

Народъ песпрѣлъ предо мною и глухой шумъ его доходиль еще до ушѣй моихъ; зеленѣлись луга цвѣпистыхъ долинъ и шемные лѣса показывались въ синей дали; скрывались пригорки и холмы — но высокія Альпы возносили еще надо мною гордыя свои вершины; спокойно спояли голубыя озера и въ гладкихъ сипруяхъ своихъ отражали гранишныя скалы. Ярко блеспѣли шпицы городскихъ церквей опъ лучей солнечныхъ, позлащавшихъ поверхность сонныхъ водъ. Веспъ шпихій вечеръ спустился на землю и повѣялъ съ долинъ прохладный вѣперокъ; длинныя шѣни ложились въ долинахъ и вечерній шуманъ сплался надъ озерами. Веспъ въ сумракѣ сокрылись и долины и озера и густые лѣса; шолько снѣги на вершинахъ озлащались послѣдними лучами заходящаго свѣшила. Внизу уже царспвовала ночь, а я еще видѣлъ солнце во всей его красопѣ.

Земля была погребена во мракъ; сонмы міровъ ярко пылали на сводѣ небесъ. Западъ пылалъ розовымъ огнемъ — и море, сливаясь съ небосклономъ, загорѣлось въ волнахъ — лучи заходящаго свѣтила скользили по зеркальнымъ водамъ — ошливны сребристыхъ облаковъ отражались въ морѣ — вопль блеснулъ послѣдній лучъ и солнце скрылось въ волнахъ. Заря еще пылала, звѣзды мерцали величаво и серпозлапая луна кашилась по своду небесъ.

Сквозь сумракъ видѣлъ я обширное Средиземное море, прелестную Италію; на Западѣ чернѣлись берега Франціи — море Адриатическое перялось въ отдаленіи. Тихо было какъ въ могилѣ, на землѣ и въ воздушномъ пространствѣ; ужасный холодъ проникалъ до костей. Не знаю какое чувство овладѣло мною: видѣшь себя между небомъ и землею, видѣшь подъ собою моря, землю, облака, и вокругъ себя не видѣшь ничего, кромѣ безпредѣльности! чувство величественное, но вмѣстѣ спрашное и неизъяснимое! Земля сокрылась — расплалась внизу туманы и

глухіе перекашы грома умирали въ рѣдкихъ слояхъ воздуха.

Круженіе головы погрузило меня въ нѣкошорый родъ безпамятства; кровь хлынула у меня изо рта и ушей. — Чувства оспавили меня; не знаю чшо послѣ случилось со мною—только оспалось у меня смѣшенное понятіе о томъ, что шаръ лепъль поспщенно мѣденнѣ и наконецъ оспановился; пошомъ вдругъ полешъль изъ атмосфернаго круга.

Наконецъ открьль я глаза, и какое зрѣлице поразило меня! Земля изчезла, и свѣтящій шаръ плавалъ внизу; луна увеличилась; черныя пятна сдѣлались примѣннѣ, и можно было различать море и сушу; внизу, вверху и по всѣмъ сторонамъ ярко пылали звѣзды. Вещество, пошчайшее воздуха, наполняло пространство; взошло солнце, возсіяло величественнѣ и казалось далѣе.

Вонь открьлись высокія горы луны: густый дымъ вился изъ нихъ; огромныя

глыбы льда стояли неподвижно на морѣ. На правой сторонѣ простирались грядою ошвѣсныя скалы, гораздо высочайшія нашего Гопарда. Глухой шумъ раздался между лдяными громадами, и слышно было рокопаніе падающихъ ушесовъ, море сіпело, льдины ударялись другъ о друга, и разверзающіяся пропасти открывали въ нѣдрахъ своихъ ужасное пламя, озарявшее кругомъ разрушающуюся природу; огонь пожиралъ и лѣса и долины и зданія; раскаленные скалы съ прескомъ разрушались; вдругъ хлынула вода и все попопила: съ корнемъ вырванныя деревья плавали по бурнымъ волнамъ и по мѣстамъ выпавлялись сверженныя скалы; вопли опчаянныхъ жипелей слѣдовали послѣ эпого спрашнаго смяшенія. — Въ это время съ гореспными лицами мудрецы луны, смотрѣли на сіполь плачевное зрѣлище; шакже, какъ и вы, жаловались они на свой горькій жребій, смотрѣли на нашу землю и говорили: “шамъ-шо безмятежное спокойствіе!,,

---

Такъ, любезныя дѣши, присовокупилъ Пламень, кончивъ свой рассказъ: вездѣ

есть свои радости и печали. Мудро устроила Природа жизнь человеческую: часто надобно идти по колючимъ терниямъ; но шемъ оцупишельнѣе для насъ удовольствіе послѣ преперивныхъ бѣдствій. Вездѣ есть добро и зло; не гонись за счастьемъ въ благословенную Индію — оно посреди васъ, если вы умѣете быть довольны своимъ жребіемъ.

18 Марта 1825.

В. Гр. ц. к. й.

~~~~~

Вопросъ Лидѣ.

Судьба, мой другъ! тебя супругомъ наградила,
ла,

На новую стезю впустила жизни шы.

Скажи мнѣ, ошъ чегожь себя перемѣнила:

Прочь гонишь рѣзвосты и юности мечшы?

Куда дѣвался нравъ безпечный швой, игри-
вый,

Который сполько насъ въ бесѣдѣ восхи-
щаль?

Гдѣ взоръ швой пламенный, шопъ взоръ
краснорѣчивый,

Что слову каждому жизнь нову придавалъ?

Печаль свое лице теперь приосѣняешь,
 И розовы уста улыбкой не даришь;
 Безвременно въ тебѣ все, другъ мой, угаса-
 ешь;
 Ланины помныя румянцемъ не горяшь.

*

Въ собраньяхъ не блеспишь, и шумною пол-
 пою
 Не увиваюшся мужчины вкругъ тебя;
 Ихъ взгляды страстные, исполнены поскою,
 Въ твоихъ уже не зришь блаженства для
 себя.

*

Гремишь ли шумный вальсъ — кружишься
 начинаешь...
 Гдѣ ловкость, быстрота? Гдѣ спанъ преле-
 стный твой?
 Подобно рѣзвому Зефиру не лепашь
 И прежней живости нѣтъ искры ни одной!

*

Оставлены тобой тѣ вѣрныя подруги,
 Съ которыми жила шеснацать ровно
 лѣтъ;
 Съ тѣхъ поръ, какъ носишь ты достоин-
 ство супруги
 И въ дружбѣ для себя опрады больше нѣтъ.

*

Повѣдай скорбь твою и шайныя мученья;
 Для дружбы, для родства, безцѣнный другъ!
 открой!

И горести души и сердца огорченья
Хоть въ половину я да облегчу собой!

В. О.

~~~~~

Сонетъ.

М . . . ъ.

Я зрѣлъ тебя вчера средь пышнаго собранья,
Я близъ тебѣ сидѣлъ, я говорилъ съ тобой..
Я видѣлъ, многихъ ты плѣняла шамъ собой;
Но бышь любимыми лишала упованья.

*

Исполненный поски и шайнаго желанья
Въ глазахъ твоихъ чипашъ хопѣлъ я жре-
бій мой;
Я знашь хопѣлъ чшо мнѣ гоповишся судъ-
бой :
Свершенье ли надеждъ — иль новыя спра-
данья?...

*

Но взоръ твой, милая, безпечность выра-
жалъ ;
Душа желаннаго напрасно въ немъ искала!—
Ты съ равнодушіемъ словамъ моимъ внима-
ла ;
Чшо я хочу такъ знашь, шого и не узналъ!
Уже ли Рокъ судилъ, чшобъ вѣчно я желалъ
И чшобъ ты никогда меня не понимала?

Ряжскъ.

В. Трубниковъ.

~~~~~

Жизнь Поселянина.

Счастливъ поселянинъ, ошъ града уда-
 ленный:

Онъ въ хижинѣ своей, дѣшмяи окруженный
 Семейю милою, спокойно жизнь ведетъ;

Не знаетъ роскоши, не знаетъ и заботъ;

И въ синій океанъ, вздымаемый въпрами,

Не мыслишь ошправляшь съ богатствомъ
 вораблей,

И не плѣняешся ни славой, ни чинами,

Не хочешь быть рабомъ насильственныхъ
 спраспей.

Не рощешь онъ на провидѣнье;

Доволенъ самъ собой, чуждъ прихоти, дол-
 говъ,

Приноситъ небесамъ моленье,

Коль видишь на поляхъ обиліе плодовъ.

Оставивъ гордые черпоги,

Съ нимъ счастье живетъ въ убогомъ шалашѣ;

Онъ совѣшь чистую хранишь всегда въ
 душѣ,

А праздность не найдешь къ деревнѣ и до-
 роги.

Какъ свѣшлый ручеекъ, вѣсь между цвѣ-
 шовъ,

Надъ коимъ соплелись развѣсисшья ивы,

Въ густоволнишый, мрачный кровъ,

Ошъ бури сокровенъ, спруи влечетъ игри-
 вый:

Такъ жизнь проводишь онъ свободную ошь
 бѣдъ.
 Лишь полько въ хижину проникнешь ушромъ
 свѣшь,
 И ласпочка, спорхнувъ съ соломеннаго крова,
 Начнешь привѣшшвовать всходъ солнца
 золошова,
 Онъ пробуждается съ любезною сѣмьей,
 Идетъ за крѣпкими волами,
 Проводишь оспрый плугъ по гладкоспи
 полей,
 Взрываетъ землю бороздами;
 Или зубчатой бороной
 Онъ шверды глыбы раздробляетъ;
 Въ надеждѣ зрѣшь поля подъ нивой золошой,
 Землѣ упитанной пшеницу повѣрлетъ.
 Но въ полдень онъ спѣшитъ ошь дѣла
 Подъ тѣнь разкидистыхъ вязовъ;
 Хлѣбъ, сыръ и молоко съ кошницею плодовъ,
 Здѣсь ожидають земледѣла.
 Межь шемъ сидя въ тѣни, глядишь сквозь
 гибкихъ лозъ
 На песпрыя спада, разсѣянны по полю,
 Какъ досшають листы съ нагнувшихся бе-
 резъ.
 Не лучшую ли онъ имѣетъ въ жизни долю?
 Глядишь, какъ пасхухи съ любимыхъ имъ
 полей,
 Идутъ къ гремящему въ долинь водопаду;
 Какъ съ ними весело бѣгутъ на шумъ ключей

Томимы жаждою спада вкусишь прохладу!
Оставишь ли поля любимы селянинъ?

И дома въ праздности часовъ не провождаетъ;
Проводишь въ огородъ съ нагорныхъ ключъ
вершинъ,

Иль гряды засупомъ взрываетъ,
А иногда плешетъ изъ ивовыхъ кустовъ
Плешень, для огражденья сада,

Иль въшьви гибкія вязовъ
Соединяешь онъ съ въшьвями винограда;
Сливаешь въ чаши медъ изъ соповъ золо-
пыхъ,

Иль въшьви кладомъ поврежденны,
Онъ любишь опсѣкать опъ яблонь молодыхъ,
Иль поливашъ водой овощи насажденны,
Иль волну спричь съ овецъ и шемъ ихъ
облегчашъ.

Когдажъ поблекнешъ лисшъ, начнешъ съ
деревъ спадашъ,

И осень явился вѣнчанная плодами,
Съ какою радостью спѣшишь въ домашній
садъ!

Тамъ видишь янпаремъ сверкаешъ виноградъ;
Здѣсь яблони къ землѣ, нагнувшись кустами,
Качаютъ на въшьвяхъ румяные плоды;
Тамъ взоръ и вкусъ маняшъ, налившись со-
комъ, сливы;

Предъ жижиной стояшъ высокіе скирды—
Сколь щедро награжденъ поселянинъ счаст-
ливый!

Супруга съ милыми дѣтями,
 Сидя за пряслицей при свѣсѣ ночника,
 Его съ охоты ожидаетъ,
 И мягкій лень ея рука,
 Играя вершеномъ, въ нить тонкую свиваетъ.
 Счастливецъ! поспѣшай съ добычею съ полей:
 Супруга крошквая здѣсь въ хижинѣ твоей
 Уже оставила и вершено игриво;
 Въ сосуды льетъ вино, блестяще яншаремъ,
 И налишее въ чаши пиво
 Уже кипитъ, подернувшись сребромъ;
 Готовы и плоды для швоего возвраша —
 Не купленные цѣною злата,
 Но собраны въ саду побой;
 Со шрескомъ скачешъ огонь по углямъ го-
 лубой,
 И въ хижину тепло лѣшся отъ камина.
 О кто не назоветъ счастливецемъ селянина!
 Кто не почтитъ его шрудовъ?
 Любимцы счастья и славы!
 Благословляйте плугъ — питаателя градовъ,
 Торговля, ремесло, побѣдоносны лавры
 Не съ нивой ли въ браздахъ упитанныхъ
 цвѣшущъ?
 Не съ нивой ли цвѣшущъ и мирныя оливы?
 Всѣхъ вашихъ прихошей источникъ сель-
 скій шрудъ.
 Когда волнуется въ поляхъ роскошны
 нивы,
 И шучныя стада гуляютъ по лугамъ,

Быть сельскій снаряжень погда изъ низ-
кой кущи,

Обиліе по вѣмъ лѣтся городамъ;

Крылашы корабли, чрезъ океанъ ревуцій,
Сокровищъ полные лепяшъ,

И дымомъ вражески перуны не зашмяпъ

Надъ опческой спраной сіяющаго Феба.

Тогда и Музы къ намъ съ лазореваго неба
Слепяшъ на лонѣ облаковъ;

Благословляйше плугъ - пишашеля градовъ!

Чухлома.

И. Алякринскій.

18 Апрѣля 1825.

~~~~~

Измѣна.

Вчера бранили вы меня,

И въ первый разъ вчера,

Во всю дорогу плакаль я!

“Не прежняя пора!”, —

Сказаль я самому себѣ,

“Забудушъ о тебѣ!”,

*

Вчера блуждалъ я шакъ, какъ шѣнь!

Свѣтъ солнечныхъ лучей,

И темна ночь и бѣлый день,

Вчера душъ моей,

Все въ мірѣ было тяжело!

Сегодня—все прошло!

*

Сегодня я опять люблю —
 Простите — ужь не вась!
 Вы спрасьте горячую мою
 Вчера, въ послѣдній разъ,
 Могли, Анеша, раздражись!
 Умѣю — измѣнишь!

Н. Скородумовъ.
 ~~~~~

Прекрасныиъ.

Дѣвицы красныя, примите
 Пѣвца забвеннаго привѣщъ
 И улыбаясь, не взыщите,
 Чшо онъ невесело поещъ.

*

Онъ рано зналъ на свѣшѣ горе;
 Онъ безъ надежды полюбиль —
 И рано, жизненное море,
 Въ ладѣ печали переплылъ.

*

Теперь не любишь, не смѣешься,
 И смопришь холодно на вась!
 Онъ ждещъ, авось ли улыбнешся
 Ему надежда хощъ на часъ?

*

Такъ сердце часто ожидаещъ,
 Судьбы превращность испышавъ,
 Того, чшо любишь и — не знаещъ —
 И овладѣещъ — не узнавъ!

Н. Скородумовъ.
 ~~~~~

ПРОСПЕКТЪ

Вновь издаваемой хозяйственной Ботаники.

Земледѣліе въ Россіи составляетъ главное основаніе народнаго богатства. По сему, не только выгоды частныхъ людей, но и выгоды государственныя пребудушъ всѣхъ возможныхъ въ ономъ усовершенствованій. Къ сожалѣнію, мы досель очень не далеко превосходимъ въ сему отношеніи предковъ нашихъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ Европы всѣ почти земледѣльческіе способы въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ совершенно измѣнились и измѣнились къ великой пользѣ для обитателей оныхъ. Должно признашья, что сія счастливая перемѣна произошла отъ особенныхъ причинъ, и можетъ бышъ всего болѣе отъ нужды, которая естъ манъ изобрѣшеній. Общій недостатокъ земли противъ количества жителей, въ сихъ государствахъ, заставилъ изобрѣсташъ средства, коими бы на маломъ пространствѣ можно было получать сколько же земледѣльческихъ плодовъ, сколько по способамъ стараго хозяйства получаешся съ большаго пространства земли. Труды ученыхъ мужей соединились для сего съ трудами земледѣльцевъ и большая часть Европы давно уже ощущаетъ благодѣтельное вліяніе сего соединенія.

Ежели мы обратимся къ разсмотрѣнію причинъ, почему въ общество нашемъ не пользующаяся иностранными изобрѣшеніями, кои давно уже многократно обнаружены, кои многіе путешествовавшіе Россіяне давно уже видѣли и кои въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи повѣрены и доселѣ повѣряются опытами разсѣпчивыхъ и свѣдущихъ помѣщиковъ: то конечно предспаванся при главныхъ причины: 1) невнимательность большей части нашихъ хозяевъ къ увеличенію собственныхъ выгодъ и доходовъ; 2) жительство большей части богатыхъ помѣщиковъ въ городахъ, удаленныхъ отъ имѣній, управляемыхъ людьми, неимѣющими надлежащихъ хозяйственныхъ свѣдѣній; 3) недостатокъ на Россійскомъ языкѣ сочиненій, служащихъ къ узнанію иностранныхъ земледѣльческихъ способовъ.

Не входя въ разборъ первыхъ двухъ причинъ, опредѣлимъ ближе вліяніе послѣдней на хозяйство и промышленность. — Во Франціи, Англіи, Германіи и другихъ образованнѣйшихъ Государствахъ Европы, всѣ науки, имѣющія связь съ народною промышленностію, такъ приспособлены и приближены разными сочиненіями даже къ нижнимъ классамъ людей, что всякой можетъ ими пользоваться для усовершенствованія своего благосостоянія; у нихъ находящяся

общепонятныя книги по Физикѣ, Химіи, Ботаникѣ и другимъ наукамъ, въ коихъ показаны ясно всѣ предметы и способы, полезные для сельскаго хозяина и промышленника; у нихъ находится множество періодическихъ изданій, кои знакомятъ всѣхъ съ постепенными успѣхами земледѣлія, мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ и въ коихъ прописываются не простыя рецепты, какъ сдѣлать то, или другое, но изъясняющія причины, разумныя основанія, почему можно дѣлать что либо такъ, а не иначе. У насъ почти ничего нѣтъ въ семь родѣ; мы не имѣемъ даже основныхъ руководствъ по Естественнымъ наукамъ, въ коихъ бы можно было почерпнуть свѣдѣнія, для основательнаго обсуживанія дѣйствій и явленій природы, а слѣдственно и способовъ промышленности, по онымъ располагаемой. При недостаткѣ сихъ руководствъ, конечно уже бесполезно было бы и описывать, для большей части Россіянь, новые Европейскіе способы, введенные въ земледѣліе и другія отрасли промышленности: ибо всякое описаніе какого либо предмета, коего основанія неизвѣстны, или недостаточно объяснены, должно остаться почти всегда безплоднымъ. Въ доказательство сей истины можно привести одинъ примѣръ: Императорское Вольное Экономическое Общество

болѣе пятидесяти лѣтъ старалось тщательнo и постоянно сообщать земледѣльцамъ и фабрикантамъ нашимъ важнѣйшія Европейскія изобрѣшенія; нѣкоторые частныя сочинители и переводчики также способствовали болѣе, или менѣе, благотворительнымъ намѣреніямъ его; напечатано великое множество очень хорошихъ описаній; но ими весьма немногіе воспользовались и едва ли не большая часть книгъ лежитъ въ кладовыхъ Общества и книжныхъ лавкахъ.

Главный предметъ земледѣлія состоитъ въ добываніи и обработкѣ разныхъ произведеній изъ царства растеній. Слѣдственно, что бы имѣть основательное понятіе о семъ предметѣ, надобно знать полезныя и вредныя для человека растенія; а у насъ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы всякой, неучась систематической Ботаникѣ, могъ почерпнуть таковыя свѣдѣнія; мы не имѣемъ не только особеннаго изданія изображеній употребительныхъ растеній, но даже и полныхъ удовлетворительныхъ для хозяевъ описаній ихъ. Опъ сего-то часто случается, что и попечительные Русскіе домоводцы выпиываютъ изъ чужихъ краевъ такія растенія, кои попираютъ ногами на лугахъ своихъ, и даже выписавъ ихъ, не имѣютъ легкаго способа повѣрить, по ли имъ доставлено, что ими требовалось.

Въ С. Петербургскихъ и другихъ вѣдомостяхъ очень часто печатаются объявленія инostrанныхъ садовниковъ, живущихъ въ нашемъ отечествѣ, о продажѣ сѣменъ люцерны, Голландскихъ и Швейцарскихъ клеверовъ, Англійскихъ рай-грасовъ, и п. п.; но ежели бы наши домоводцы имѣли вѣрныя изображенія расшій, около ихъ самихъ находящихся, съ показаніемъ иностранныхъ именъ ихъ: то они увидѣли бы, что подъ сими пышными именами разумѣются самыя обыкновенныя, почти во всѣхъ мѣстахъ Россіи травы; они увидѣли бы, что высокоименныя клеверы и рай-грасы извѣсны въ нашемъ отечествѣ подъ смиренными именами: кашки, дяшлины, плевела, и п. п. и преклоняють повсюду униженно главу свою подъ снопы нашего невѣденія. Коротко сказать, недоспашокъ хозяйственной Ботаники, въ которой заключались бы вѣрныя изображенія, раскрашенныя сходно съ живою природою, и описанія полезныхъ и вредныхъ расшій, давно уже чувствуютъ всѣ разумные наши домоводцы: ибо онѣ весьма сильно проповолагаются введенію у насъ усовершенствованныхъ Европейскихъ способовъ земледѣлія.

Желая уничтожить сей-то недоспашокъ и доставить занимающимся сель-

скимъ хозяйствомъ и другими родами промышленности Россіянамъ легкое и сколько возможно дешевое руководство къ познанію полезныхъ и вредныхъ растѣній, находящихся и могущихъ разводиться въ нашемъ опечесствѣ, я рѣшился. при помощи нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ Ботаниковъ, предпринять изданіе *Хозяйственной Ботаники*, въ которой будутъ заключаться описанія вида, пользы и вреда и вѣрныя изображенія употребительныхъ Европейскихъ растѣній; въ которой изяснятся способы произращенія важнѣйшихъ изъ нихъ и мѣста и почва земли, на которыхъ ихъ искашь, или разводись ихъ должно.

Изданіе сіе составишь два тома въ четвертую долю листа, кои будутъ заключать до 100 печатныхъ листовъ описаній и 100 раскрашенныхъ картинъ, на коихъ помѣстится до 300 изображеній различныхъ растѣній.

Такъ какъ предпріятіе сіе пребудеть до восьмидесяти тысячъ рублей издержекъ; слѣдственно экземпляръ полного изданія безъ пересылки можетъ стоить не менѣе 120 рублей: по дабы не обременить приобретателей книгъ уплавою вдругъ всей упомянутой суммы и дабы имѣть достаточное время для раскраски изображеній, изданіе сіе раздѣлишь на четыре года, изъ

коихъ въ каждомъ будешь особая подписка и будешь выходить по 25 картинъ съ описаніями въ пяти шепрадяхъ. Годовое изданіе будешь сполить въ С. Петербургѣ безъ пересылки 30, а съ пересылкою въ другіе города 35 рублей, кромѣ шѣхъ Гг. пренумераншовъ, кои выписываютъ журналъ, издаваемый много подъ названіемъ: *Указателя открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи* и кои будутъ получать оное вмѣстѣ съ журналомъ за 55 рублей, то есть, не платя за пересылку Бошаники, такъ что полное чешырехлѣшнее изданіе получаютъ Гг. пренумераншы журнала за 120 рублей и съ пересылкою, а прочіе безъ пересылки за 120, съ пересылкою же за 140 рублей.

Хозяйственная Бошаника раздѣлилась, по содержанію предметовъ, на двѣ части: въ *первой части* будутъ заключаться собственно хозяйственныя растѣнія; во *второй части вратѣбныя растѣнія*. Каждая часть подраздѣлилась на отдѣленія. Въ первой будутъ три отдѣленія: *первое отдѣленіе* составлятъ *хлѣбныя* и вообще употребляемыя въ пищу человека растѣнія; *второе отдѣленіе* составлятъ *кормовыя* для скота растѣнія; *третье отдѣленіе* составлятъ *технологическія*, красильныя, масляныя и вообще въ разныхъ родахъ промышленности употреб-

ляемыя расшѣнія. Во второй части будутъ два отдѣленія: *первое отдѣленіе* будетъ заключать собственно *врачебныя* расшѣнія, а *второе* ядовитыя (кои вмѣстѣ вообще суть также и *врачебныя*) расшѣнія.

Въ каждомъ году издаваемы будутъ описанія и изображенія изъ обѣихъ частей и по всемъ отдѣленіямъ; но въ описаніяхъ и карпинахъ счисленіе страницъ по каждому отдѣленію, по окончаніи онаго, присовокупяшся алфавитныя реесстры съ указаніемъ на страницы текста и карпины, а въ концѣ каждой части будутъ общіе алфавитныя реесстры оной на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

На каждой карпинѣ будетъ помѣщаемо по мѣрѣ возможности, ошъ пяти до двухъ (рѣдко одно) расшѣній.

Николай Щегловъ.

Подписка на первое годовое изданіе, которое будетъ заключать описанія и изображенія 95 расшѣній, принимается у Издавателя, Профессора Императорскаго С. Пешербургскаго Университета, Надворнаго Совѣтника Николая Прокопьевича Щеглова, коего кваршира находишся въ Университетскомъ отдѣленіи зданія старыхъ Коллегій, что противъ Биржи на Васильевскомъ островѣ, и въ книжныхъ лавкахъ и

магазинахъ: *Греффа*, что прошивъ Адмирал-шейства въ домъ Щербакова подъ No. 91, *Сленина* у Казанскаго моста, *Смирдина* у Синяго моста и *И. Глазунова* въ гостинномъ дворѣ; иногородные же могутъ относиться или къ Издашелю, или въ Газетную Экспедицію Императорскаго С. Петербургскаго Почтамта прямо, или чрезъ другія мѣста Почтоваго Департамента. При подпискѣ должны быть прилагаемы деньги какъ за изданіе, такъ и за пересылку онаго. По окончаніи cadaго годоваго изданія, цѣна онаго возвысится.

БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ.

1825. N° XVIII.

Оскаръ д'Альва.

Повѣсть.

(Изъ сочин. Лорда Байрона.)

Свѣсило ночное лучи разливаєшь
И въ Лоръ прозрачной, играя, дрожишь,
Высокаго Альвы зубцы освѣщаешь ...
Оружіе въ замкѣ безлюдномъ молчишь.

*

Ахъ! сколько разъ мѣсяць полночный лучами
Игралъ на пернашыхъ, спальныхъ пишакахъ,
Какъ воины Альвы шли бишься съ врагами—
Въ сіяющихъ лапахъ—съ мечами въ рукахъ!

*

Съ ушесовъ спремнистыхъ, кропимыхъ во-
дою,
Онъ видѣлъ печальнымъ, дрожащимъ лучемъ,
Какъ смерть межъ рядами оверкала косою
И храбрые шли въ паденіи своемъ.

*

Ихъ взоры, которымъ судьба воспретила
Дождаться восхода денницы злашой,

Блуждая искали ночнаго свѣшила,
Навѣкъ закрываясь могильною шьмой.

*

Ахъ! прежде сей мѣсяць—другъ ночи печаль-
ный —

Являясь звѣздою любви для нихъ,
Лиль радость . . . шеперь онъ свѣчей погре-
бальной

Трепещеть на сводѣ небесъ голубыхъ.

*

Нѣтъ рыцарей Альвы! Видѣ башень зубча-
стыхъ

Подернулся шускомъ прошекшихъ вѣковъ.

Но сами герои еленей рогашыхъ

Въ лѣсахъ не гоняюшь, не губяшь враговъ.

*

Кшо были владѣтели? Замокъ высокій!

Давно ли одѣлся ты мохомъ сѣдымъ?

Подъ сводами тихо лишь бурѣ жестокой

Ошвѣстшвуешь эхо въ нихъ свисомъ глу-
химъ.

*

Тогда, какъ бываетъ гогово проснушься

Румяное упрю—лишь вѣтръ зашумишь —

Ужасные звуки въ спѣнахъ раздаюшся,

Колеблюшся своды, весь замокъ дрожишь!

*

Свирѣпая буря, поднявшись въ пущынь,

Гремишь, разъяряся, Оскара щипомъ;

Но рыцаря знамя не вѣстѣ въ долинѣ
И шлемъ не играетъ высокимъ перомъ.

*

У Анга родился Оскаръ, сынъ безцѣнный—
Любови супружеской первый залогъ:
Съ шолпами васалловъ опецъ восхищенный
Спѣшилъ раздѣлить свой душевный восторгъ.

*

Ловцы поразили еленей стрѣлами;
Воинственнѣйшій рогъ на пиру зашрубилъ:
Звукъ громкаго рога, лешя межъ горами,
Ихъ жишелей храбрыхъ сердца восхишилъ.

*

Васаллы, геройскаго полные жара,
Воскликнули радосно: “время придетъ—
Звукъ рога предпечею будеть Оскара,
Когда онъ дружину на брань поведеть!,,

*

Годъ минулъ—у Анга другой сынъ родился,
И Альвы владѣшель опять пировалъ:
Наполненный кубокъ кругомъ разносился,
И замокъ опъ радосныхъ кликовъ дрожалъ.

*

Сыны, обученные Ангомъ, стрѣляли
Безъ промаха въ ланей съ лѣсисшихъ хол-
мовъ;
Въ бѣгу же Оскаръ и Аланъ обгоняли
Проворныхъ, спремешельно скачущихъ
псовъ.

*

Младенчества годы прошли, пролетѣли —
 Ужь браться сполли въ воинскихъ рядахъ;
 Испытывашь крѣпость булата умѣли
 Они на кольчугахъ и вѣрныхъ щипахъ.

*

Власами Оскара Зефиры игради;
 Но свѣшлыя кудри Алана, кольцомъ
 Бѣся, младое чело оцѣняли—
 И дума печашь положила на немъ.

*

Могъ каждый удобно Оскара во вворахъ,
 Движенія чюпачаго сердца чипашь;
 Аланъ же былъ скрышенъ: въ своихъ раз-
 говорахъ
 Онъ лаской слова всѣ умѣлъ подслащашь,

*

Сердечное пламя геройскаго жара
 Они прохлаждали въ Саксонской крови.
 Не вѣдало робости сердце Оскара,
 Знакомое съ пренечомъ сладкимъ любви.

*

И младшій сынъ Анга былъ рыцарь при-
 гожей;
 Но чувствъ благородства въ душѣ не имѣлъ,
 И нравомъ съ цѣружностью пѣда не схожей,
 Онъ злобой и мщеньемъ ужаснымъ кипѣлъ.

*

Кенѣффа наследница, дщерь Гленальвона,
 Извѣстная милой, волшебной красой,

Пришла молодая изъ Соушаннона —
И жипелей Альвы плѣнила собой.

*

Оскаръ объяснился: „Будь, дѣва, моею!“,
—Согласна! — Ангъ гордый доволенъ шемъ
быль:

Союзъ съ Гленадвоновой, милою дочерью —
Тщеславію старца владѣтеля льстивъ.

Рога загремѣли, рога зазвучали;
Съ рогами слилися пѣвцовъ голоса,
И звукамъ и грому роговъ ошебчали
Высокія горы, густыя лѣса.

*

И воины — въ шлемахъ блестящихъ, вы-
сокихъ,
Украшенныхъ длиннымъ багрянымъ перомъ,
Въ кольчугахъ и манціяхъ цвѣтныхъ, ши-
рокихъ —
Владѣтеля Альвы обшали кругомъ.

*

Ихъ созвали въ замокъ — не въ полѣ сра-
жашся;
Не бранные звуки здѣсь рогъ издаешь;
Они всѣ сошлись пить, ѣсть, забавлясь;
Здѣсь брачную пѣсню хоръ громко поешь.

*

Но гдѣ же Оскаръ? Гдѣ женихъ? Не пора ли?
Онъ медлишь не долженъ часа одного!

И гостыи и гости — всѣ видѣшь желали
Счастливица Оскара и брата его.

*

Послѣдній явился — и сѣлъ съ обрученной.
“Гдѣ сынъ мой? Почто мой Оскаръ запоз-
далъ?,,
— Со мною онъ не былъ. — Съ душою сму-
щенной,
Такъ спарому Ангу Аланъ отвѣчалъ :

*

Бышь можешъ, сегодня въ лѣсу за звѣрами
Гоняся, дорогу Оскаръ потерялъ;
Иль вѣшеръ, бушуя морскими волнами,
Челнокъ его легкій въ бѣгу задержалъ. —

*

“Нѣшь, нѣшь! ни охопа, ни моря волненье
Не могушь, не могушь его удержишь!
Гдѣжь сынъ мой?,,—Ангъ въ сильномъ вос-
кликнулъ движеньѣ—
“Почто не спремисся онъ Мору обняшь!,,

*

“О, воины — братья ! въ окрестностяхъ
Альвы
Ищите Оскара ... Прошу, какъ друзей,
Объгашь съ Аланомъ всѣ горы, дубравы:
Найдите Оскара, найдите скорѣй!,,

*

Разноситеся имя Оскара въ долинахъ,
Разноситеся имя Оскара въ горахъ ;

Въ тѣнистыхъ дубравахъ и мрачныхъ пу-
спыняхъ —
Напрасно! Ужь ночь на холодныхъ поляхъ.

*

Но поискамъ смѣлыхъ и ночь не мѣшала,
Оскара попрежнему гуль выкликалъ —
Оскаръ не являлся! Заря запылала —
Оскара никшо не видалъ, не встрѣчалъ!

*

Три дня и при ночи Ангъ старый шру-
дился
Въ окрестностяхъ Альвы Оскара искашь —
Но тщетно! Несчастный съ надеждой про-
спился —
И началъ въ опчаянны волосы рвать!

*

“Оскаръ! сынъ мой! . . . Боже! услыши мо-
ленье:
Пошли мнѣ Оскара, мнѣ сына опдай!
Но если убишь онъ — на страшное мщенье
Злодѣя убійцу его мнѣ предай!,,

*

“Бышь можешь, Оскаръ мой лишень по-
гребенья
И шрупъ его брошень на пищу звѣрямъ;
Но духъ его, Боже! пусть въ царствѣ не-
шлѣнья
Ликуешь — и съ нимъ съединюся я шамъ!,,

*

“Бышь можешъ, не умеръ Оскаръ мой лю-
безный —

Преспанемъ опчаянью сердца внимать:
Проспи Всемогущій Создатель Небесный,
Что я на Тебя покусился роишашъ!,,

*

“Но живъ ли Оскаръ? ... Нѣшъ! надеждъ не
вѣрю:

Надежда дней вешкихъ моихъ умерла!
Ахъ! чемъ заслужилъ я шакую пошерю?
Для дряхлаго Анга она шажела!,,

*

Такъ съшоваль бѣдный, злосчастный роди-
шель —

И радовать спарца ничшо не могло...
Но время ешь лучшій ранъ сердца цѣли-
шель:

Оно проясняешъ несчастныхъ чело.

*

Владѣшелю Альвы надежда шепшала,
Что милаго сына онъ скоро найдешъ;
Но вѣришь надеждъ душа переспала:
Прошелъ безъ Оскара мучишельный годъ.

*

Дни шли, проходили; еще совершило
Влѣспящее солнце свой кругъ годовой,
И время грусть спарца опца изцѣлило;
Къ нему возвратился душевный покой.

На старости Ангу ошался подпорой
 Аланъ; въ немъ опраду опецъ находилъ.
 Сей рыцарь, плѣненный прелестною Морой,
 Прелестную Мору собою плѣнилъ.

*

“Кшо краше Алана?,—Она, размышляя,
 Твердила: “уже нѣшь Оскара въ живыхъ!
 Но если и живъ онъ: по, вѣрно, другая
 Измѣнника держишь въ оковахъ своихъ.,,

*

Влюбленнымъ сказалъ Ангъ: “вы годъ по-
 дождите:
 Когда я въ надеждѣ еще обманусь—
 Не встрѣчу Оскара—шогда заключише,
 Любезныя дѣши, желанный союзъ.,,

*

Прошелъ годъ унылый—и день съединенья
 Алану съ любезной назначилъ опецъ —
 И вспыхнулъ въ ихъ взорахъ огонь восхи-
 щенья;
 Желанье исполнилось спраспныхъ сердець.

*

Рога загремѣли, рога зазвучали;
 Съ рогами слился пѣвцовъ голоса,
 И звукамъ и грому роговъ ошвѣчали
 Высокія горы, густые лѣса.

*

Вновь въ замкѣ вассалы, въ блестящей о-
деждѣ,

Толпились—и каждый весельемъ дышалъ;
Въ шуму пиროванья забыли, какъ прежде
Нечаянный случай веселье прервалъ.

*

Но кто сей пришлецъ? Кто? Въ замкѣ не
знали.

На всѣхъ неизвѣстный ужасно смопрѣлъ;
И всѣ на угрюмага взоры вперяли...
Каминь ошъ прихода его пошемнѣлъ!

*

Онъ черной, широкой покрыпъ епанчею,—
Кровавыя перья на шлемъ шряслись;
Земли чухъ касался онъ легкой сполою,
И вздохи изъ груди, какъ буря неслись.

*

Ужь полночь. Огромная чаша златая
За здравье Алана ходила кругомъ,
И всѣ восклицали, ее осушая:
“Да будешь всегда онъ со счаспьемъ зна-
комъ!,,

*

Пришлецъ на гостей взвелъ ужасные взо-
ры —

И каждый невольно предъ нимъ замолчалъ:
И вздрогнуло сердце красавицы Моры.
И сцарець чего-то въ смущеніи ждалъ.

*

“Здѣсь счастья Алану всѣ госпи желали —
 Такъ чудный, свирѣпый пришлецъ говорилъ:
 Здѣсь чашу заздравную всѣ осушали;
 Я шакже за здравье, какъ прочіе, пилъ.,

*

“Всѣхъ, сшарець, пы созвалъ — и всѣ въ
 восхищеньи
 Опъ брачнаго пира, опъ пѣнисныхъ винъ:
 Почему же, почему же оспавленъ въ забвеньи
 Оскаръ швой? Уже ли шебѣ онъ не сынъ!.,

*
—

—Ахъ! горешъ все сердце мое изштерзала!—
 Такъ сшарець, несчастный ошець опвѣ-
 чаль—

Какое мученье душа испышала
 Съ шѣхъ поръ, какъ любезный Оскаръ мой
 пропалъ!—

*

—Нѣтъ вѣспи !... Ужъ солнце въ простран-
 ствѣ воздушномъ
 Сшерило съ шѣхъ поръ при пущи годо-
 выхъ!

Теперь мнѣ опрада въ Аланѣ послушномъ;
 Въ Аланѣ подпора дней вешихъ моихъ.—

*

“Но, сшарець! кто знаетъ, какими судьба-
 ми
 Оскаръ пошерялся? . . . Быть можешъ, онъ
 живъ!.,

Вскричалъ незнакомецъ, сверкая глазами,
И голосъ пришельца — былъ бури порывъ!

*

“Кто знаешь, бышь можешь, Оскаръ бы я-
вился,
Когдабъ всѣ усердно желали пого;
Бышь можешь, сей рыцарь въ горахъ за-
блудился—
Но жизнь не угасла во груди его.,,

*

“Внимайте! пустьъ лучшей напишокъ чудес-
ный
Наполнишь огромную чашу сію
Ее мы осушимъ.. Да будешь извѣстно:
Здоровье Оскара заочно я пью!.,—

*

Ангъ вскрикнулъ: сюда драгоценныя вина!—
И чашу наполнилъ до самыхъ краёвъ —
Внимайте! я пью за любезнаго сына:
Коль живъ онъ — пустьъ будешь, пустьъ бу-
дешь здоровъ!—

*

“Но, спарець! усердія кликъ раздается —
А чаша въ рукахъ у Алана полна!
Пей, пей, братель Оскара!.. Но чаща спрясеп-
ся!
Пей, пей, не расплескивай влагу вина!.,

*

И рыцарь ужасно въ лицѣ измѣнился —

Блѣднѣлъ, шрепешаль онъ, не смѣя дохнуть,
 И крупный, холодный пошъ градомъ капил-
ся
 Съ лица на высокую, жаркую грудь.

*

Три раза онъ чаши касался устами;
 Три раза невольно ее оставлялъ;
 Три раза, съ пришельцемъ встрѣчаясь гла-
зами,
 Во взорахъ свирѣпыхъ угрозу чипаль.

*

“Ужели съ симъ чувствомъ, Аланъ, вспо-
минанье
 О братѣ любезнѣйшемъ должно шворить?
 Коль это знакъ дружбы и сердца желанье—
 То съ ними какъ ужась, скажи, различить?,,

*

Симъ ѣдкимъ упрекомъ Аланъ оскорбленный
 Хошѣлъ нишъ невольно—и шакъ возгласилъ:
 “Ахъ! еслибъ явился Оскаръ незабвенный!
 Ахъ! еслибъ...,, вдругъ чашу изъ рукъ уро-
нилъ!

*

И вмигъ привидѣнье опколко ни взялося —
 “Почшо, мой убійца! меня призываль?,,
 Убійца, убійца! въ спѣнахъ опдалося —
 И бурный надъ замкомъ огонь заблещаль!

*

Померкли свѣшильники въ залѣ огромной,
И шрепешъ и холодъ коснулись сердець —
О спрахъ! привидѣнье въ одеждѣ зелёной
Спояло...изчезъ неизвѣстный пришлецъ!

*

Спояло оно—мечъ булашный, широкой,
Висель при бедрѣ, на главѣ шлемъ блиспаль;
Текла на груди кровь изъ раны глубокой,
Печальныя очи туманъ покрываль.

*

Три раза оно улыбнулось, вздохнуло —
И долго на спарцѣ покоило взоръ;
Три раза оно на Алана взглянуло —
Во взглядахъ былъ видѣнь жестокій укоръ.

*

Ударила буря—весь замокъ въ смяшенѣ!
Враша опшворились въ мгновенье одно!
Вдругъ громъ разразился...и гдѣ привидѣнье?
На крыліяхъ бури умчалось оно!

*

Всѣ госши оставили замокъ ужасный...
Но кто сіи двое, какъ трупы лежатъ?
Усердьемъ служиселей спарець несчастный
Избавленъ отъ смерти и началъ дышашъ.

*

Но щещно Алана избавить кошѣли—
Надъ нимъ распросперся могильный шу-
манъ :

Сомкнулися вѣжды, уста охладѣли—
Уже не возстанешь убійца Алань!

*

Среди Гленпанарской печальной долины
Надъ прупомъ Оскара сребрилась луна;
Его волосами игралъ вѣтръ пустынный;
Въ груди охладѣлой спрѣла вонзена.

*

Нельзя изъяснить незнакомца явленье:
Отколѣ и кто его въ замокъ послалъ?..
Но каждый, но каждый узналъ привидѣнье.
Ахъ! это являлся убишый Оскаръ!

*

И Гордость и Зависть рукою водили,
Когда злой Аланъ пешиву напягалъ—
И адскіе духи спрѣлу окрылили,
Когда онъ ее въ грудь Оскара послалъ.

*

Спрѣла понеслася, спрѣла засвистѣла—
И кровью долину Оскаръ обагрилъ...
Глава опустилась и кровь охладѣла:
Мракъ смершный навѣки его окружилъ!

*

Аланъ обольстился любезностью Моры—
И ревность въ груди его ядъ разлила..
О горе! не рѣдко прелестные взоры
Бываюшъ источникомъ спрасшнаго зла.

*

Но чья здѣсь гробница, подь кровомъ шу-
мана,
Средь дикой долины печально споишь?
То брачное ложе младаго Алана —
Въ ней злобный убійца навѣки сокрышь.

*

Далеко отсюда, близъ тихой дубравы,
Тамъ памятникъ видѣшь (унылый предметъ!)
Надъ прахомъ усопшихъ владѣтелей Альвы;
Герба ихъ надъ прахомъ Алановымъ нѣшь.

*

Какой пенеспрель, ахъ! какой сладкоглас-
ный
Дѣляня Алана пѣвецъ воспоешь?
Звукъ арфы есть памятникъ самый пре-
красный;
Но кто же, кто славить убійцу дерзнешъ?

*

Нѣшь! сладостныхъ звуковъ убійца не
споишь —
Пусть спящія струны на арфѣ молчашъ;
Но если кто въ честь ему арфу настроишь,
Съ нее погребальные звуки слешашъ.

*

Надъ хладной могилой Алана молчанье —
Не слышно ни лиры, ни гласа пѣвца;
Лишь эхо разноситъ глухое спенанье
Убишаго брата, проклятье отца!

Оренбургъ.

Петръ Кудряшевъ.

АЛИНА, ИЛИ СУЛТАНИЦА ВАЛИДА.

(Изъ L' Hermite en Province.)

. . . . Ceder à son malheur
 Est l'effet d'une ame commune.
 Modeste au sein de la grandeur,
 Tranquille et fier dans l'infortune,
 C'est à ces traits qu'on connaît un grand coeur.
Les trois Sultanes, acte III, sc. 5.

Алина Дюб*** родилась на острове Марпиникъ около 1763 года. Отецъ ея владѣлъ шамъ однимъ изъ лучшихъ помѣстьевъ. Хотя большое разстояние и отдѣляло ихъ отъ Франціи; но онъ употребилъ всѣ способы, что бы дочь его получила воспитаніе несравненно лучше того, которое въ то время обыкновенно давали женщинамъ. Рѣдкія природныя качества Алины, во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживали такое исключеніе.

Палящее пророческое солнце ускоряетъ развитіе всѣхъ способностей. На четырнадцатомъ году Алина сдѣлалась удивленіемъ колоніи и гордостью своего родителя. Никакая женщина не могла равняться съ нею — ни живостью ума въ обществѣ, ни ловкостью и быспрошою

въ панцахъ, ни гибкостію и прияпно-
сстію голоса въ концертѣ. Ничего недо-
спавало къ сѣмейственному благополучію
Г. Д***, который имѣлъ еще сына, двумя,
или тремя годами спарѣ Алины, но на
копорого не полагалъ онъ ни малѣйшей
надежды.

Самая искренняя дружба соединяла
брата съ сестрою. У Алины принимала
она все стремленіе, которое только мог-
ли сообщить ей нѣжностію ея сердца и
пылкію воображенія; у брата всю си-
лу, происходящую отъ непоколебимой
воли и отъ неупомимаго мужества. Ка-
чества сіи, признаки превосходнаго ха-
рактера, молодой Дюб*** наслѣдовалъ отъ
своего отца, который вскорѣ показалъ
ихъ на самомъ дѣлѣ своимъ единосемцамъ;
но послѣдствія отъ того были столь же
гибельны для собственной его участи,
сколь неожиданное вліяніе имѣли на судь-
бу дѣтей его.

Побѣгъ довольно великаго числа Не-
гровъ, немогшихъ переносить болѣе же-
стокаго съ ними обхожденія нѣкоторыхъ
владѣльцевъ, произвелъ ужасное смяшеніе
въ колоніи. Пользуясь слабостію гарни-

зона, бѣглецы показались съ оружіемъ во многихъ мѣстахъ, призывая несчастныхъ своихъ товарищей ко мщенію и свободѣ.

Начальники колоніи живо чувствовали необходимость прекратить въ самомъ началѣ возмущеніе, которое распространяясь далѣе и далѣе, могло наконецъ разлиться по всему острову съ быстрой пожарою. Одно только было къ спасенію средство: составить изъ свободныхъ жителей острова милицію. Начальникомъ сего малочисленного войска единогласно избранъ былъ Г. Дюб***. Онъ воспламенилъ въ своихъ подчиненныхъ мужество, презрѣлъ угрожающую опасность и пошелъ прямо на бѣглецовъ.

Такое предпріятіе хотя и было слишкомъ опважно; но увѣнчалось самымъ счастливымъ успѣхомъ. Только Г. Дюб*** сдѣлался жертвою своей рѣшительности. Пораженный ударомъ пули, заплапиль онъ собственною жизнію за спасеніе колоніи. Однако же имѣлъ онъ успѣшеніе дожить до того времени, когда прислали ему, по предсавленію Маркиза Булье, тогдашняго Губернатора Мариники, орденъ Св. Лудовика. Едва только успѣлъ

Маркизь украсишь Г. Дюб*** симь знакомь почести, какь онь и скончался, поручивь ему дѣшею своихъ.

Губернашорь исходатайшповаль для дочери стариннаго своего друга одно мѣсто въ Сеншъ-Сирѣ, а для сына, оказавшаго въ послѣдней экспедиціи, подь начальствомъ опца, опличное мужество и необыкновенныя военскія способности, пащеншѣ на чинѣ Подпоручика въ Бульонскомь полку. Сверхъ того обязался онь продашь оставшееся послѣ Г. Дюб*** имѣніе и переслать къ нимь деньги во Францію. Алина съ брапомь, опправилась на купеческомь кораблѣ въ Марсель, гдѣ находился тогда Бульонскій полкъ.

Пассажиры имѣли обыкновеніе, съ самаго начала своего плаванія, собирашѣся предь захожденіемъ солнца на корабельной палубѣ. Однажды, когда они, перейдя уже Гибралтарскій проливь, наслаждались наступленіемъ прекрасной ночи, споль обыкновенной въ Средиземномь морѣ, спарушка Зара, добрая Негрипянка, наспавница Алины во время ея дѣшства, сохранившая и въ преклонныхъ лѣтахъ всю оспропу своего зрѣнія, примѣ-

пила на горизонтѣ что-то черное и сказала о томъ Кашипану. Пассажиры, занятые приятною мыслію, что скоро достигнуть порта, не обратили сначала вниманія на смущеніе, разлившееся по лицу Кашипана. Но вскорѣ тревога всего экипажа вывела изъ безопасности Алину и ея брата. Они узнали, что причиною всеобщаго страха было опасеніе, не варварійскій ли корсеръ замѣшила Зара въ отдаленіи. Вся ночь прошла въ спрашномъ безпокойствѣ, которое превратилось наконецъ въ опчаяніе, когда на разсвѣтъ другаго дня нельзя уже было имъ сомнѣваться, что за ними гнался Алжирскій корсеръ, превосходившій корабль ихъ и силою и легкостію хода.

Бѣгство было невозможно, сопротивленіе бесполезно. Однако же всѣ единодушно рѣшились испытать послѣднее средство. Каждый вооружился чѣмъ могъ и неуспрашимо ожидалъ неприятеля. Черезъ нѣсколько минутъ морской разбойникъ настигъ ихъ, и воспользовавшись въпрямь, сѣмился на абордажъ. Матросы и пассажиры, непривыкшіе владѣть оружіемъ, уступили свирѣзному нападенію

неприятели. Молодой Дюб*** сдался почти послѣднимъ. Прислонясь спиною къ большой корабельной мачтѣ, дорого продалъ онъ свою свободу: многіе изъ шѣхъ, копорые пыпались наложить на него оковы, пали къ его ногамъ. Въ продолженіе этой ужасной сцены, Алина не оставляла брата: она рѣшилась умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ ихъ взяли и заключили въ оковы: тогда только почувствовали они всю жестокость своей участи! Въ бѣдствіи своемъ упѣшались они темъ, что по крайней мѣрѣ скованы были одними цѣпями. Всѣ ихъ мысли стремились къ одной цѣли: они придумывали средства, какимъ бы образомъ и впредь переносить имъ вмѣстѣ узы неволи. Въ иномъ только случаѣ рабство могло быть для нихъ еще сносно. Предаваясь симъ мечтамъ, Алина и братъ ея прибыли въ Алжиръ.

Едва вошли они въ портъ, какъ всѣ мечты и надежды ихъ мгновенно исчезли. Начальникъ разбойниковъ приказалъ высажить на берегъ всѣхъ мужчинъ; а женщинъ оставивъ на кораблѣ. Нельзя

изобразить горести Алины: щепно спаралась она смягчить варваровъ словами; думая, что ее не понимающъ, прибѣгла она къ такому средству, которое лучше всякаго краснорѣчія внушаетъ жалость и состраданіе: она бросилась къ ногамъ злодѣевъ, осыпала поцѣлуями ихъ колѣна; по сжимала брата въ своихъ объятіяхъ, давая чрезъ то разумѣть, что съ нимъ будетъ она невольницею кроткою и послушною; по опскакивала опъ него съ бѣшенствомъ и опчаяніемъ, изображая своими пѣлдвиженіями, что въ разлукѣ съ нимъ сдѣлается неисповою и непокарною; по наконецъ оба, устремляясь къ борту корабельному, умоляли жестокосердыхъ низринуть ихъ въ волны морскія. Но ахъ! всѣ усилія ихъ были тщешны. Эти спрасшныя панпомины вмѣсто того, чтообъ пронуть варваровъ, лишь только ихъ забавляли, почно шакъ, какъ забавляющъ Европейскую чернь на площадяхъ фигляры. Равнодушіе ихъ не предвѣщало ничего добраго; и въ самомъ дѣлѣ, когда начальникъ разбойниковъ увидѣлъ, что Алина съ братомъ испощили всѣ пособія искусствва, сдоль для нихъ

новаго, по даль приказаніе разлучить ихъ. Надобно было употребить силу многихъ людей, что бы исполнишь это повелѣніе. Когда Алина почувствовала, что цѣпи, соединявшія ее съ брапомъ, разорвались, по вообразила, что распорглись послѣднія узы, привязывающія ее къ жизни и замертво упала къ ногамъ варваровъ.

Она пришла въ чувство уже тогда, какъ была въ открытомъ морѣ, совсемъ на другомъ кораблѣ. Добрая Зара, раздѣлявшая ея участь и прилагавшая о ней самыя нѣжныя попеченія, увѣдомила ее, что онѣ куплены однимъ Армяниномъ, который сначала пойдетъ въ Смирну, а потомъ въ Константинополь, взявши въ первомъ городѣ другихъ невольницъ, ожидаемыхъ имъ изъ Азіи, и что Ахметъ (имя Армянина) принималъ въ ея положеніи особенное участіе. Что касается до самой Алины, по ея существованіе сдѣлалось для нее ненавистно. Незвѣстность о судьбѣ брата и спрашная мысль о томъ, что будетъ съ нею, заставили ее рѣшиться на самое ужасное средство: уморить себя голодомъ. За ними пакъ строго присматривали, что

ей невозможно было найти другаго легчайшаго способа лишить себя жизни.

Два дни провела она въ такомъ жестокоемъ положеніи и въ ослабленіи силъ уже начинала чувствовать родъ облегченія своихъ спсраданій, какъ вдругъ одно обстоятельство, которое не знала чему приписать: случаю ли, или хитрости Зары, вновь привязало ее къ жизни при самомъ почти концѣ оной.

Зара прославилась на островѣ Марпиникѣ гаданьемъ въ карты. Многія изъ ея предсказаній споль удачно сбывались, что приводили въ удивленіе. Въ то время, когда морскіе разбойники ее обирали, она упростила ихъ оставивъ ей карты. Въ нихъ-то почерпала она себѣ мужество и утѣшеніе. Алина, привыкши видѣть ее грустною, или веселою, смолоря попому, что выходило ей на картахъ, невольно и сама спала имѣнь къ нимъ нѣкошорую довѣренность. Убишые горестію и спраспно влюбленные равно суевѣрны. Алина попросила Зару погадать о судьбѣ ея брата, надеясь послѣ того умереть гораздо спокойнѣе.

Добрая Негрипянка охотно согласи-

лась на ея желаніе и разложила каршы на ея постель. “Пиковый валетъ! — сказала она, выдернувъ первую каршу—вашъ брапець!...И сердце Алины зашрепепало опъ страха и надежды.—“Тузь бубновый! ...важная новость!...Трефовая дама! ... эшо вы, милая барышня!...король бубновой...и въ ту же минушу вскричала она внѣ себя опъ удивленія: “праведное небо! нѣшь, эшо не возможно!..вошь самое неожиданное и величайшее благополучіе: по крайней мѣрѣ, шакъ выходишь по каршамъ...,, — Чшо такое? - спросила Алина съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ—скажи скорѣе, чего мнѣ надѣялись, или чего спрашитесь? — “Осушите ваши слезы, опвѣчала Зара, заплакавъ сама опъ радости. Какое счастье, какая слава ожидаютъ васъ!,,—А братъ мой? возразила Алина.—“Онъ будетъ свободенъ: вы и какая-шо великая особа разпоргнете его оковы...ради Бога, не предавайтесь опчаянію, присовокупила она, сжимая въ своихъ объятіяхъ Алину и обливая ее слезами: живите, живите для своего брата, кошорому должны вы возвратить свободу; живите для самой себя: для васъ го-

повишся величайшее благополучіе ; живише для бѣдной Зары, копорая видѣла ваше рожденіе и не увидишь вашей кончины.,,

Эта сцена такъ сильно подѣйствовала на умъ Алины, что перемѣнила первое ея намѣреніе и внушила ей мысли, совершенно пропивыя прежнимъ. Хотя и не имѣла она никакой опредѣленной цѣли, но рѣшилась продолжашь путь жизни въ помъ предположеніи, что не все же слезы и горесть будущь для нее впереди. Она спала принимашь пищу, а вскорѣ потомъ и возвышашь свои прелести нѣкопорыми нарядами, будучи увѣрена, что если красота и не слишкомъ уважаешся въ Турціи, то здѣсь, болѣе нежели гдѣ либо въ другомъ мѣспѣ, можно чрезъ нее получить все, или оцъ состраданія, или оцъ воспламененной любви мужчинь.

(Оконтаніе въ слѣд. N°.)

КЪ ТИРЗЪ.

Элегія Лорда Байрона.

Ахъ! зачѣмъ предана ты землѣ безъ надгробнаго камня, копорый бы указывалъ твою могилу и возвѣщалъ, что ты забыта всѣми, кромѣ одного только меня? Зачѣмъ нѣтъ его? Ощѣвленный отъ Тирзы морями, не преспавалъ я любишь ее, и мои воспоминанія, мои надежды соединяли меня съ нею...но увы! намъ уже не суждено было увидѣться. Если бы могъ я по крайней мѣрѣ присутствовать при послѣднихъ твоихъ минушахъ; по одинъ нѣжный взглядъ, одно слово: *навсегда оставляю тебя, другъ мой!* заспавило бы меня съ меньшею горестію, смогрѣшь на полетъ души твоей въ горнія селенія. Бореніе твое со смертію было непродолжительно, безъ всякихъ почши, спраданій; такъ не ужели ни на одно мгновение мысли твои не были заняты шемъ, копорый болѣе не увидишь шебя и копорый всегда носишь образъ твой въ своемъ сердцѣ? Кто бы другой, кромѣ меня, могъ бодрствовать при умирающемъ

своемъ другѣ? Кто бы другой, кромѣ меня, спалъ смонрѣшь на померкающіе свои взоры въ ужасную минушу предъ смертію, или сохранялъ горестное молчаніе, спрашася перевести духъ, пока все кончится? Но когда освобождалась ты ошь всѣхъ земныхъ скорбей, слезы мои текли рѣкою; я рыдалъ, какъ рыдаю теперь!—И можно ли не плакать о прелестныхъ, незабвенныхъ дняхъ, проведенныхъ съ тобою? Разлучаясь съ тобою на время, мы плакали только ошь любви. Не забуду твоихъ пайныхъ взглядовъ, которыхъ кромѣ насъ никто не замѣчалъ—шой улыбки, которой никто не понималъ—твоихъ пріятныхъ чувствованій, которыя шихо сообщали мы другъ другу—шого пожатія прещущихъ рукъ нашихъ—наконецъ шого сладостнаго и непорочнаго поцѣлуя, который удерживаетъ дальнѣйшія желанія пламенной любви! Такъ, не забуду эшого: взоры свои выражали столько невинности, что я спылдился пребывать болѣе. Кажется, слышу еще звуки своего голоса, которые возвращали мнѣ всю веселость, когда я предавался задумчивости, и шонѣж-

ное, восхищительное пѣніе, которое услаждало мою душу.—У меня хранился еще залогъ любви твоей...но гдѣ же мой? „Увы! гдѣ ты сама теперь?—Терпѣливо переносилъ я бремя злополучія; но до сихъ поръ не изнуряло оно меня, не подавляло столь сильно. Ты оставила меня во цвѣтѣ лѣтъ, оставила одного испить всю чашу горести. Если безмятежное спокойствіе есть удѣлъ могилы, то не сожалѣю, что ты сошла въ нее; но если добродѣтели получаютъ достойный ихъ вѣнецъ въ лучшемъ мірѣ — то, для облегченія горестей моихъ и страданій, излей на меня хоть каплю твоего блаженства. Научи меня, научи, если можешь, какъ переносить твою потерю.

Съ Франц...Хр...ъ.

ПРЕИМУЩЕСТВО ЧЕЛОВѢКА ПРЕДЪ ЖИВОТНЫМИ.

(Переводъ съ Арабскаго.)

Творецъ міра ничего не сдѣлалъ безъ великихъ причинъ, одному Ему только

извѣстныхъ. Изъ всѣхъ живошныхъ, человекъ опличенъ Имъ способностію размышленія; ему одному дана власть избирать родъ жизни, располагать своимъ жребіемъ и слѣдовать по произволу добрымъ и злымъ склонностямъ, копорые родилися вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ живошныя, выключая его, имѣють пѣсныя границы существованія, опредѣленный родъ жизни и назначенную для нихъ пищу; одному человекъ все покорно въ обитаемомъ имъ мірѣ.

Но умъ его не довольствуется предметами, копорые онъ находитъ на землѣ: онъ обращаетъ взоры къ небу, удивляется разсѣяннымъ по немъ свѣшиламъ; умъ его превожится, онъ усиливается постигнуть сіи сшоль опдаленные опъ него предметы; онъ болѣе не на землѣ, всѣ мысли его сшремаются къ новымъ мірамъ и блуждаютъ въ неизмѣримомъ пространствѣ эфира. Препяшсшвія, копорыя онъ находитъ въ изъясненіи видимыхъ имъ чудесъ не усшрашаютъ, но еще болѣе воспаменяють его; онъ напрягаетъ всѣ умшвенныя способности свои, воображеніе его паритъ, летитъ за гра-

ницы всего вещественнаго, и онъ, въ дерзкомъ самонадѣянїи, спарается поспигнуть причину творенїя и самаго Творца. Но здѣсь встрѣчается непреоборимую препону; здѣсь Создатель положилъ предѣль его понятїямъ; и онъ, съ горестнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ, прекращаетъ тщетныя усилїя.

Человѣкъ наслаждаясь всѣми дарами, низпосланными ему благимъ Провидѣнїемъ, не ограничиваетъ желанїй своихъ временною жизнью, которая кажется ему крапка; онъ на всякомъ шагу, всякую минуточку видишь смерть, разрушающую бранный сославъ ему подобныхъ: но это не смущаетъ его; онъ желаетъ и надѣется, что самая смерть не испребишь его, что онъ него останется нѣчто вѣчное (котораго также не постигаетъ), достойное лучшей жизни. Всего ужаснѣе для него ничтожество, и онъ бодрымъ шагомъ переходитъ долину жизни, спремьясь духомъ—къ безсмертїю.

(Сообщено.)

Весна.

Природа снова пробудилась
 Опъ продолжительнаго сна,
 И съ голубыхъ небесъ спустилась
 На землю юная весна.

*

Повѣяль тихими крылами
 Все оживляющій Зефиръ,
 Блистая новыми красами,
 Въ цвѣтши одѣла Флора міръ.

*

Все полно жизни, нѣги спраспной:
 Амуръ порхаешъ межъ кустовъ;
 Раздался въ роцѣ хоръ согласной
 Пернарыхъ жиселей лѣсовъ.

*

Овечекъ спадо здѣсь пасешся
 И щиплешъ мураву луговъ;
 Свирѣли томный звукъ несешся
 И слышны пѣсни пасшуховъ.

*

Но для чего красы природы
 Бзоръ грустный мой не веселяшъ?
 Ахъ! прошекли счастливы годы!
 И вновь, съ весной не прилепяшъ.

*

Повсюду здѣсь покой и счастье,
Но опъ меня они бѣгутъ;
Въ душѣ моей всегда ненастье,
Въ ней радости не разцвѣтуть!

*

Такъ и въ природѣ все превращено:
Здѣсь тихій ручеекъ шепчетъ,
Чуть дышетъ въперокъ прохладной..
А шамъ—вихрь съ корнемъ дубы рветъ.

Семенъ Лафертовъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XIX.

ДѢЛО ОТЪ БЕЗДѢЛЬЯ,

или

Краткія замѣтанія на современныя Журналы.

N° III.

А. Московскій Телеграфъ N° III. — Двѣ первыя сшашы: Корнель, Шекспиръ и Альфіери и Картина Голландіи переведены довольно хорошо; но по содержанію своему слишкомъ сшары для Телеграфа, кошорый обязанъ, кажешся, сообщашь намъ одно полько новое. Чшо если бы какой дѣйсшвишельный пелеграфъ увѣдомилъ насъ нынѣ о вшесшвіи Генриха IV въ Парижъ?

Разговоръ двушъ покойниковъ. Извощикъ, кошорый везъ на дурной клятѣ гробъ солдаша, опережаешъ гробъ богача, везомый шестью воронными лошадыми. — (Прошу покорно сказащъ: каковъ же былъ

эпошь цугъ?) — Кляча оспановилась въ воропахъ кладбища; шупъ пошла ссора между покойниками. Солдашь при семъ случаѣ говорилъ правильно и краснорѣчиво, на примѣръ: кто не исполнилъ обязанности своихъ предъ Богомъ и Ошечешвомъ, кто заглажалъ глазь совѣсти, кто на личныя свои выгоды мѣнялъ кровь и покой своихъ подчиненныхъ, шопъ давно умеръ для чеспи, и пр. Вообще спашья сія можешъ быль нравоучительною, особенно для шѣхъ, которые не думающъ о смерти.

За симъ слѣдуюшь Спихошворенія:

1) *Другу* — написанное шешисшопными дакшило - хорейческими спихами, выключая перваго чешырехшопнаго — заключаешъ въ себѣ прекрасныя мысли:

Робкій лишь смершный съ жизнью въ борьбѣ, недосшойный побѣды,

Горемъ своимъ докучаешъ ...

— Будь побѣдитель шерпншемъ : жалобы въшровъ добыча.

— Въвьрѣ другу, сердце, коль небо друга шебѣ, ниспослало;

Еслижь и друга лишешъ, самъ будь для себя цѣлымъ шѣшомъ.

2) *Журнальнымиб приятелямиб*. Соч. А. П. — Изъ самаго начала сего ужаснаго осмиспишия открываешся, что для сочи-нишеля *приятель* и *врагъ* суть сино-нимы: онъ пишетъ посланіе къ прияше-лямъ и называешъ ихъ: *враги мои!*

Враги мои! покамѣшъ, я ни слова
И кажешся, мой быспрый гнѣвъ угасъ,
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу когда нибудь любовь.

Страшно, очень страшно! Волѣ же все-го канугало меня то, что у Господина Сочинишеля естъ *когти*:

Не избѣжишь пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу неожиданный, беспощадный:
Такъ въ облакахъ кружишся яспребъ
жадный
И спорожишь индѣекъ и гусей.

Сколько вкуса и чувствительности! — Пришлось похвалить! Долго ли до испо-ри? —

3) *Разница* и 4) *Крохоборалиб* — двѣ эпиграммы, повидимому на рецензентовъ и журналистовъ. Въ первой естъ нѣсколь-ко замысловатости. Согласень, говоришь Авшоръ кришикамъ,

Согласенъ! я пишу съ ошибками ... Но вы,
Вы врядъ не пишешель ошибкой.

Вспорая — и тяжела и безполкова. Слѣ-
довало бы для доказательства выписашь
ее; но жаль бумаги и времени.

5) *Охотникъ*. Въ этой піескѣ есть
прияпные сѣпи:

Облекшись въ дрожащій, холодный свой
свѣшъ,
Прекрасною пвердью луна овладѣла.

. . . .

Не долго мечшаль онъ, родительскій кровь,
Прибрежны дубравы съ водами —
Вась шорохомъ буду превожишь шаговъ,
Когда шишина проспрешся надъ вами;
Не долго, въ пустыню маняся мечшой,
Въ часъ нѣги ходишь мнѣ съ свободой
Въ сѣнь лѣса священну заглохшей пропой
Къ бесѣдѣ съ природой....

Въ Обзорѣнии Опечеспвенной Липпера-
шуры прошлаго года, Г. Издашель *Теле-
графа* слишкѣмъ уже увеличиваешъ наше
бездѣйсвіе и нашу неподвижность къ
просвѣщенію. Ежели сообразимъ время,
съ котораго началось наше образование,
и спешень просвѣщенія, на которой спо-
имъ нынѣ: шо едва ли не можно будешъ

сказать, что мы опередили все прочие народы; слѣдственно дѣйствуемъ, подвигаемся.—*Отцы наши*, говоритъ Издапель, дѣлали гораздо больше насъ.—Не мудрено! имъ легче было: они, такъ сказать, подходили только къ горѣ просвѣщенія; мы уже высоко на ней; а чемъ выше восходишь, темъ идешь шире.

Стихотворство большое зло на Руси, говоритъ въ другомъ мѣспѣ Издапель, оно похищаетъ у насъ много людей, которые обративъ свое вниманіе на другія занятія, стали бы на прилѣтнѣйшую дорожку.

Да, позволите спросить, Химія ли виновата, что многіе хопѣли соспавляшь золото, разорялись и не обращали вниманіе на другія занятія?

Хвала Державину, Дмитріеву, Жуковскому, Пушкину и нѣкоторымъ сподвижникамъ ихъ, продолжаетъ Издапель Телеграфа; но за темъ стремится за ними толпа юношей, которые на зло природѣ стихотворствуютъ и не принимаютъ за то нибудь другое, по силамъ?

Все-таки виноваты ли сами стихотворство, а виноваты ли сами юноши, ли-

бо пѣ., которые обязаны руководствоваться ихъ; даже въ этой винѣ нередко участвуютъ и Господа Журналисты, печатающіе въ своихъ изданіяхъ, для наполненія листочковъ, всякой сподосложный вздоръ. Примѣры не далеки отъ насъ. Юноша, увидѣвъ имя свое напечатаннымъ, думаетъ, что онъ попалъ уже въ число извѣстныхъ писателей и оставляетъ другія занятія; а если бы Господа Журналисты помѣщали стихотворныя спашьи съ разборомъ, и отказывали въ принятіи ребяческихъ опытовъ, то у многихъ ошибки бы охоту къ Стихотворству и чрезъ то могли бы обратиться ихъ къ упражненіямъ полезнѣйшимъ.

Напрасно также нападаетъ Издапель на Кришки и Аншикришки, называя ихъ липшературными мячиками. Благонамѣренныя Кришки, слѣдственно и Аншикришки, всегда были и будутъ полезны; дѣлаемое же изъ нихъ злоупотребленіе—неосновательности, приспращіе, личностъ — не можетъ уменьшитъ насущаго ихъ достоинства.

Въ спашь: *Современныя нравы*, описаніе женскихъ слезъ сдѣлано очень хо-

ропо: слогъ чистъ и правиленъ. Но что доказываешь вся эта спашья? — То, что есть худые мужья и худые жены? — Это не новость. Каково было бы сдѣлать овыщъ: описывать нравы добродѣтельные — счастлие любящихъ другъ друга супруговъ — приятную образованность дѣшей — великодушіе, сострадательность, и пр. и пр. — Не лучше ли бы это подвѣшивало на *современные нравы?*

В. *Вѣстникъ Европы*. Спихи Г. Орлова (№ 4): *къ друзьямъ*, написаны довольно гладко, есть хорошія мысли:

Мой кормчій, мой Фарось
Могущей дружбы сила .. и пр.

Но слѣдующій спихъ:

Хоть щещно дальній брегъ *спокойствіемъ*
село —

весьма невразумителенъ; фигура слишкомъ опвлеченная! Селишь брегъ спокойствіемъ, беспокойствомъ, радостію, надеждою — не ясно!

Въ Баснѣ: *Ворона и Овца*, заключеніе сдѣлано, по мнѣнію моему, неправильно.

Ворона сѣла къ овцѣ на шею и спала долбишь ее носомъ. Потерявшая шерсть-нѣ овца, спросила у нее: зачемъ не клюешь она собакъ? Ворона отвѣчаетъ:

Зашемъ, что я себя умнѣй;
 Зашемъ, что кто меня сильнѣй,
 Къ шому и подойши не смѣю я безъ
 спра.

Но овца также сильнѣ вороны. Слѣд-ственно ворона или не по сказала, что думала, или сказала, *не подумавъ*. Она могла выразишья такимъ образомъ; “я пѣхъ не клюю, кто скорѣ себя можешь мнѣ опмсшишь; кого я боюсь болѣе, нежели себя; и ш. п.

Сельское кладбище—Повѣспъ весьма нравоучительная. Софія сдѣлалась вольнодумкою; опецъ повель ее съ собою на кладбище, и шамъ разными спасительными разсужденіями и наспавленіями возвращиль ее на цушь истины. *Полни, всегда полни, любезная моя Софія, говоришь онъ ей, сто женщина благоразумная не должна предаваться никакимъ системамъ лжелудрія и берегись, какъ ада, опасныхъ согиненій.*—Прекрасно! къ

счастію мы можемъ похвалимся, что у насъ очень мало, а можешъ бытъ и совсемъ нѣтъ женщинъ вольнодумокъ; но не худо бы посовѣтовать многимъ наставникамъ, сколь можно чаще водить взрослыхъ своихъ воспитанниковъ, вмѣсто сада и бульвара—на кладбище.

Водевиль и Элегія, Саширической разговоръ (N. 5.) — написанъ легко; но для многихъ покажешся *тяжелымъ*, ибо обнаруживаешъ ихъ спихотворныя нелѣпости. Приведемъ краткій примѣръ, въ которомъ описана Элегія нынѣшнихъ Спихотворцевъ, вздыхающихъ, ахакщихъ, проливающихъ слезы безъ цѣли, безъ намѣренія, даже безъ грусти.

“По комъ вы въ спраурѣ?», спрашиваешъ *Водевиль* у *Элегіи* —

Элегія отвѣчаешъ:

По милыхъ, по мечтахъ,
По свѣшломъ призракъ давно прошекшей
славы,

По юности и по любви!

Слеза горячая и вздохъ—мои забавы;
Въ унылой горести текушъ всѣ дни мои,

Я поушру всегда влюбляюсь

И плачу съ радости; пою про нѣгу, лѣнь;

Но въ полдень я любви лишаюсь
 И снова мраченъ день.
 Чего желаю,
 Сама не знаю,
 О чемъ-то пайномъ я грущу,
 Чего-то милаго, небеснаго ищу...

Оспановимся на эпомъ стихѣ! Вмѣ-
 сто слова: *небеснаго*, слѣдовало бы ска-
 зать *неземнаго*, какъ пишушь нынѣшніе
 наши Поэты перваго класса — несмош-
 ря на то, что *неземнымъ* сполько же
 назвашь можно *небесное*, какъ и *водяное*,
каменное и пр. Поэтому и *неводяное* по
 же значить *небесное*?....

О *Водевиль* сказано между прочимъ:

О! Водевиль въ нашъ вѣкъ ешь Геній всѣхъ
 искусствъ;
 Подъ властію его всѣ сказки, анекдоты,
 Сюжетовъ тысячи, лишь спало бы охоты
 Да времени писашь....

Въ эпомъ же номерѣ помѣщено из-
 влеченіе изъ *Свѣтскаго Словаря*. Съ нѣ-
 копорыми опредѣленіями нельзя согла-
 сисься; на примѣръ сказано:

“*Актеръ* — человекъ, непрестанно у-
 пражняющійся въ искусствѣ: а) прини-

мать на себя характеръ, *противный* своему,,...Почему *противный* своему? Развѣ Актеръ не можетъ быть добродушень, представляя добродушнаго? Развѣ не можетъ быть гордымъ, льстецомъ, и пр. и пр. когда представляешь гордаго, льстеца, и пр?

“b) Горячисься, когда въ душѣ хладнокровень,,—Хорошій актеръ не можетъ быть хладнокровень, когда изображаешь пылкія сраспи; онъ входитъ совершенно въ положеніе представляемаго имъ лица и слѣдственно самъ разгорячается.

“c) Говорить *противъ* своихъ мыслей съ такою непринужденностію, какъ бы самъ былъ въ шомъ увѣренъ,, — Что же ему дѣлать, когда прикажешь играть роль, *противную* чувстввамъ его?—Не смѣшь опказаться.

И наконецъ: “d) занимая чужія мѣста, забываешь свое собственное,,—Эпо и не въ шушку можно сказать о хорошемъ актерѣ.

“Далѣе: “*Астрономія*—Въ ея опытахъ разумъ человѣческой являешся во' всемъ своемъ величій, и чрезъ нее человекъ познаешь, сколь онъ малъ,, — Прекрасно!

Однакожь малость свою можетъ познать человекъ не только изъ размашиванія шѣль небесныхъ, но также изъ размашиванія шѣль земныхъ. Для него также непоспужима мошка, какъ и планета!

“Банкрутство. Средство обогатить себя по правиламъ искусства.,—Весьма неясно!

Но перейдемъ къ номеру 6.—Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я стихотвореніе Г. Писарева, подъ названіемъ: *Полтава*. По всему видно, что онъ не принадлежитъ къ числу нашихъ бѣснующихся романшиковъ, и желательнo, что бы никогда къ нимъ не принадлежалъ. Выпишемъ опривокъ. Карль убѣжалъ къ Агарянамъ. Поэшь продолжайтъ:

И шамъ покоя не обрѣлъ
 Мечтавшій Норда бытъ власпитель!..
 Полтава! ты царей учитель!—
 Вошь, честоплюбцы, вашъ удѣлъ!
 Вошь доказательство святое,
 Что званіе Владыкъ благое:
 Доброша, мудрость, правоша,
 Любовь къ сынамъ, ошь Неба даннымъ—

И ПЕТРЪ сталъ честь и красота
Среди вѣковъ Царямъ избраннымъ.

И что же?—въ наши времена
ПЕТРОВА обновилась слава:
Москва!—и ты для насъ Польшава!
Въ тебѣ, въ тебѣ возращена
Свобода царствіямъ и пронамъ,
Покорность вѣрѣ и законамъ;
Въ твоихъ пожарахъ—стихнулъ адъ;
Такъ АЛЕКСАНДРЪ Благословенный
Съ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ стануть въ рядъ,
Какъ сражи Бога надъ вселенной!—

Стихи сіи читаны въ торжественномъ собраніи состоящаго при Московскомъ Университетѣ Благороднаго Пенсіона, Марша 21 дня, при выпускѣ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія. —Ежели Г. Писаревъ изъ числа сихъ воспитанниковъ, то благодаримъ и поздравляемъ воспитантелей!

Въ этой же книжкѣ В. Е. находятся весьма дѣльные и хорошо написанныя Г. Дмитриевымъ (Михаиломъ) замѣчанія на разныя сужденія *Телеграфа*. Болѣе всего я благодарю ему за Вапюшкова! (См. стр. 121.) — Сдѣланное Г. Редакторомъ примѣчаніе—превосходно! “Не пошому ли

говорить онъ, позабывъ К. Н. Бажуш-
ковъ, что теперь *мало требователей* на
похвалы сему писателю, и что на нихъ
мудрено сдѣлать спекуляцію?....—И дѣй-
ствительно, съ тѣхъ поръ, какъ удалил-
ся Бажушковъ съ поприща Литтерату-
ры, наши *обозрѣватели* ничего объ немъ
не говорятъ, между темъ какъ всячески,
и въ прозѣ и въ стихахъ, прославляющся
эфемерныя произведенія новыхъ писате-
лей!—Такъ, признаемся съ прискорбіемъ,
что теперь настало у насъ время *ма-
лыхъ трудовъ и большихъ успѣховъ!*

17 Апрѣля 1825.

С. Соколово.

БУКЕТЪ ЦВѢТОВЪ.

Идиллія.

Какая пишина во всей природѣ! Без-
мяшежное спокойствіе царствуетъ на
горѣ и въ долинѣ, какъ въ моемъ сердцѣ!
Какъ сіе спокойствіе, столь же прога-
шительны невинныя радости праваго ду-
шею! Только его сердце пребываетъ въ

шайнспвенномъ согласіи со всею природою; въ немъ одномъ полько поняшны ея сокровенные звуки!

Сколь многія удовольствія даруешъ чловѣку сіе небо и сія земля; но полько добродѣтельный умѣешъ въ полношѣ наслаждаться ими. Прохладныя шѣни, и пы; злачный коверъ сихъ луговъ, мирныя поляны! о если бы могъ я, навсегда сокрывшись, провеспи жизнь въ вашемъ уединеніи, вдали опъ свѣта опъ его обманчивыхъ радоспей, опъ его продолжипельныхъ скорбей!

Сюда, на сіи пажипи, убѣгаешъ счастье, покидающее города. Здѣсь, въ семь уединеніи, возвышаешся снова жизнь моя какъ сей цвѣпокъ, съ шакою плѣнипельноспію поднимающій свою головку къ ясному небу. Прелестный цвѣпокъ, пы никогда не оспавляешъ мирнаго берега швоего ручейка, ничпю не прерываешъ швоей крапкой жизни! Беззабошно опкрываешъ пы свою чашечку и льешъ во кругъ сладоспное благоуханіе на своихъ товарищей: образъ добродѣтельнаго, кошорый невидимо разсыпашъ счастье на своихъ ближнихъ! Сей кустарникъ еспъ

пвой крайній предѣлъ и опдѣляетъ шебя
опъ всей природы. — Милые луга! да не
разрушишь вашего міра ни грозная бу-
ря, ни хладный вѣпръ сѣверный!

Здѣсь полько, кажешся, снова вос-
кресаешь душа моя, и мои горести, у-
мяченныя вашимъ присутствіемъ, поля
и роци! пають въ шихомъ умиленіи. Ве-
ликолѣвная природа! какъ внезапно воз-
буждаются во мнѣ сильныя чувства! Ду-
ша моя, окриленная шобою, паритъ бысп-
рымъ полешомъ къ Тебѣ, Творецъ шворе-
нія!—О Ты, предписавшій путь въ неиз-
мѣримыхъ пространствахъ сему живо-
творному шару! открой мнѣ всѣ блага,
даруемыя Тобою на сей земли смертно-
му! О, я чувствую всѣхъ ихъ во глубинѣ
сердца!—Таинственныя красоты приро-
ды, радости, которыхъ никогда не ощу-
щаетъ человекъ, прилѣпленный къ наслаж-
деніямъ чувственнымъ: что предъ вами
всѣ его восшорги, подобно метеору бле-
стящіе?

Сильные и богатые! здѣсь въ полной
ничшожности ваше дѣтское величіе! —
Одна полько капля безпечальной радости,
обпекающая мое сердце, когда я связы-

зываютъ сей букетъ блистаешь чистѣйшимъ блаженствомъ; нежели всѣ сокровища и почести, богошворимыя невѣждою. Пусть другіе поклоняются своимъ кумирамъ; сія распускающаяся роза возбуждаетъ во мнѣ чистѣйшее удовольствіе, нежели всѣ опрады ихъ черпотовъ.

Скромныя фіалки, благоухающія подъ шѣнью на дернѣ душистомъ! сильнѣе бьется въ груди моея сердце, когда я срываю васъ. Какой-то неизъяснимый трепетъ объемлетъ весь составъ мой, когда я связываю васъ въ одинъ букетъ. Какъ-бы нѣкое божество дышетъ на меня ...

Я обернулся. Передо мною стояла Дафна, и букетъ цвѣтовъ упалъ къ ногамъ возлюбленной.

Съ Нѣмец. П. Ш.

АЛИНА, ИЛИ СУЛТАНША ВАЛИДА .

(Окончаніе.)

По прибытіи въ Смирну весь блескъ молодости и красоны возвратился къ Алинѣ. Самъ Армянинъ, казалось, плѣнился ею. Онъ не переставалъ по всему городу выхвалять прелести прекрасной своей Француженки, и Консуль Французскій, Г. Ламурузъ, посѣдилъ ее. Этошъ великодушный человекъ, узнавъ о ея приключеніяхъ, предложилъ ей выкупъ изъ неволи, хотя она и не открыла ему ни имени своего, ни состоянія. — “А обѣщаете ли вы мнѣ разорвать въ то же время и цѣпи моего брата?», сказала Алина. — Но гдѣ онъ? отвѣчалъ Г. Ламурузъ. И самъ Султанъ едва ли можетъ шеперь отыскать его и возвратитъ ему свободу. — “Итакъ, возразила Алина, я не могу согласиться на мое освобожденіе., — Консуль наспаивалъ, но всѣ его убѣжденія были бесполезны. Она опять сѣла на корабль, и отправилась въ Константинополь. Какая-то неизвѣстная сила влекла ее въ этошъ городъ.

Ахмешъ нашель въ Смирнѣ ожидаемыхъ имъ Грузинокъ и Черкешенокъ. Для предохраненія своихъ невольницъ ошъ нападенія морскихъ разбойниковъ, грабившихъ въ Архипелагѣ, пересадиль онъ ихъ на Сулпанскую каравеллу *).

Въ продолженіи пупи Алина размышляла о своемъ положеніи. Будущее ужасало ее. Очень чувствовала она, что не возможно ей освободиться ошъ неволи обыкновенными средствами, и что если попадешъ она въ гаремъ какого нибудь вельможи, или богача, то и брашъ ея останешся навсегда въ цѣпяхъ рабства. Такое опасеніе, а можешъ бышь и довѣренность къ предсказанію Зары побудили Алину рѣшиться на самый неожиданный поступокъ. Твердымъ и какимъ-шо вдохновеннымъ голосомъ сказала она суевѣрному и корысполубивому Ахмешу: "Армянинъ! счастье мое и твое собственное зависить ошъ тебѣя. Я благодарна тебѣ, что ты не смѣшиваешъ меня съ этими подлыми невольницами, кошорыя

---

*) Родъ фрегата.

стонущъ ошь ударовъ Кіаджи и копорыкъ
 грубыя души не могушь оживлять ихъ
 прелесшей. Онѣ умѣюшь прельщать одни
 только глаза; а я знаю тайну покорять
 сердца. Небо предназначило мнѣ самую
 блестящую участь, и ты непременно
 долженъ мнѣ къ тому способствоватьъ.
 Этой женщиной — присовокупила она,
 взглянувъ съ важностію на Зару! — этой
 женщиной извѣстно будущее; она откры-
 ла мнѣ величіе, которое вскорѣ меня о-
 жидаетъ. Будь же покорнымъ орудіемъ
 судьбы и надѣйся на вѣчную мою благо-
 дарность. Надобно, чшобъ ты сколь мож-
 но скорѣе предсавилъ меня передъ са-
 маго Султана, Вотъ чего пребую ошь те-
 бя — оспальное будешь моимъ дѣломъ.,,

Еслибъ одна изъ Гурій Магомешовыхъ
 явилась Ахмешу, цо не могъ бы онъ слу-
 шать ее съ большимъ изумленіемъ и бла-
 гоговѣніемъ, съ какимъ выслушалъ гордую
 молодую Французскую невольницу. Армя-
 нинъ поклялся ей бородою Лжепророка
 исполнить ея волю, и Алина съ непериф-
 ніемъ ожидала прибытія въ Констанщи-
 нополь.

Вотъ уже прошли они Дарданельскій

проливъ. Желаніе поскорѣе войти въ портъ едва позволило Алинѣ обратитъ взоры на превосходную карпину города. Со стороны Азіи предспавилась ей непрерывная цѣпь красивыхъ селеній и рощицъ, между которыми особенно замѣчны прелестные сады Султанскіе и позлащенные верхи Чиблуки; со стороны же Европы разбросанные во множествѣ на семи холмахъ мечети, дворцы и сады: мѣстоположеніе, кажущаяся, увеличиваетъ число оныхъ. Ахметъ указалъ Алинѣ Сераль, воздвигнутый на перешейкѣ и возвышающійся посреди водъ. Безъ содраганія не могла она взглянуть на высокія башни и спирающія ограды обширнаго эшаго замка, во внутренности котораго заключалась будущая ея участь.

Наконецъ спали они на якорь. Легкая кайка *) свезла ихъ на берегъ, откуда скрытно провели ихъ въ домъ Ахмета.

Алинѣ казалось, что Армянинъ имѣлъ большую, нежели она сама, довѣренность къ ожиданіямъ, произведеннымъ въ немъ ея словами. Не сказавъ ей ни слова, на-

---

*) Маленькій бошикъ,

купилъ онъ для нее богатѣйшихъ матерій; но она отказалась отъ этихъ пышныхъ украшеній, а приняла только одинъ кусокъ Индѣйской кисеи, изъ которой сдѣлала себѣ, съ помощію Зары, красивый Турецкій шюрбанъ и легкое платьѣ, подобное шѣмъ, которыя носила въ колоніи. Ахметъ удивился, найдя ее въ простомъ кисейномъ платьѣ несравненно прелеснѣе, нежели воображалъ въ парчевомъ.

Со дня на день ожидала Алина предствавленія своего въ Сераль, какъ вдругъ Ахметъ объявилъ ей, что ему нельзя ввести ее туда. Такое неожиданное извѣстіе сильно ее огорчило.—“Успокойтесь, сказалъ ей Армянинъ, я продамъ васъ, вмѣстѣ съ вашею Негрипянкою старушкою Исаакъ-Агъ сыну Ибрагима, начальника здѣшной таможи, который сдѣлаетъ для васъ то, что мнѣ самому невозможно сдѣлать.”

Алина думала, что Ахметъ обманулъ ее, но вскорѣ увѣрилась въ противномъ. Часныя его путешествія по своей торговлѣ не позволяли ему надѣяться когда либо заслужить ея благодарность; а потому онъ успушилъ ее Исаакъ-Агъ, ко-

порый обрадовался этому случаю сни-
скань благосклонность Султана.

Исаакъ сдержалъ свое обѣщаніе: вско-
рѣ ввели Алину въ Сераль. Все было память
въ ужасномъ безпорядкѣ и смятеніи. Од-
на изъ четырехъ законныхъ жень Суд-
шана, болѣе всѣхъ имъ любимая, молодая
и прелесная Капсмейя, опасно занемог-
ла. Цѣлыхъ восемь дней прошло между
спрахомъ и надеждою, смотря пошому,
въ худшемъ, или лучшемъ положеніи на-
ходилась больная. Наконецъ она умерла.
Съ ея кончиною начались хиприя инш-
риги пѣхъ, копорыя надѣялись заспу-
нить ея мѣсто. Алина, хопя мало еще
понимала Турецкій языкъ и не совсемъ
еще ознакомилась съ памошними обык-
новеніями; однако ничто не скрылось
отъ нее. Увидя рѣдкихъ красавиць, заклю-
ченныхъ въ Сераль, лишилась вовсе на-
дежды привлечь одною своею наружноспью
вниманіе Султана и пошчасъ прибѣгну-
ла къ другому вѣрнѣйшему средству. Зная
очень хорошо музыку, рѣшилась при-
звать къ себѣ на помощь обольщенія
эшаго очаровательнаго искусства. Она
пошребовала арфу; не шакъ - шо скоро

исполнили ея желаніе, и Алина наединѣ въ своей комнатѣ играла и пѣла каждый день самые нѣжные Французскіе романсы и прогашельныя Испаліянскія аріи.

Прошло около мѣсяца въ такомъ упражненіи. Вдругъ Кисла-Ага *) извѣщаешь Одалисокъ о посѣщеніи, которое Султанъ намѣренъ имъ сдѣлать. Собрали всѣхъ ихъ въ одну прекрасную залу — и Абдуль - Гамедъ не замедлилъ явиться. Мрачная гореснь покрывала чело его. Казалось, что присутствіе ихъ еще болѣе увеличивало ее. Тщетно вились около него красавицы съ усердными знаками любви и нѣжной чувствительности: онъ былъ равнодушенъ къ ихъ ласкамъ. Вздыхая окидывалъ онъ взорами каждую изъ Одалисокъ, какъ - бы желая найти въ рядахъ ихъ ту, которую поперялъ навсегда и наконецъ удалился, погруженный въ страшное уныніе.

Гореспный видъ Султана произвелъ въ Алину и радость и печаль: но она не знала, которое изъ сихъ чувствованій

---

*) Начальникъ охранителей Гарема.

было въ ней сильнѣе. Только ей казалось, что сердце челоѣка, споль несчастнаго, неспособно къ жалости, и вдругъ лучъ надежды проникъ въ ея дѣшу, омраченную густымъ мракомъ.

По удаленіи Сулпана, Одалиски' возвратились въ свои комнаты. Лишь только успѣла Алина войти къ себѣ и взглянуть въ окно, какъ примѣтила Абдуль - Гамеда въ одной кипарисной аллеѣ. Онъ былъ въ величайшей задумчивости. Выраженіе споль прогашельной горести пробудило и собственную ея грусть: мысли Алины обратились къ ея отечеству, къ милому брату—и она взявъ арфу, единственную ушѣшительницу своихъ скорбей, начала играть и пѣть, споль приличную ея положенію арію:

Ah! laissez-moi, laissez-moi la pleurer *).

Рыданія вскорѣ прервали ея голосъ и два ручья слезъ полились изъ глазъ ея. Вдругъ слышишь она, что двери ея комнаты съ шумомъ отворяются, и Сулпанъ

---

*) Ахъ! не мѣшайте, не мѣшайте мнѣ плакать объ ней. *Прибѣганіе для немногихъ, незнающихъ пофринцузски.*

явился передъ нею. Пльнипельная гармонія пронула его сердце, и онъ пожелалъ узнать, ошкуда происходили эши звуки. Онъ сфль подлѣ Алины, и сдѣлалъ ей знакъ, что бы она пропѣла слышанное имъ; Алина повиновалась. Абдуль - Гамедъ слушалъ ее съ умиленіемъ и потомъ въ молчаніи удалился. На другой день, и во всѣ послѣдующіе, приходилъ онъ къ ней въ пошъ же самый часъ, и всякой разъ, когда оставлялъ ее, по казался спокойнѣе, не говоря однако же съ нею ни одного слова.

Алина не знала, что эши безмолвныя посѣщенія произвели въ гаремѣ мнѣніе, будшо она приобрѣла опмѣнную благосклонность Султана; но сдѣланное ею ошкрышіе чупъ было не погубило ее. Однажды, когда она со своими подругами была въ банѣ, вдругъ поднялся между ними страшный ропощъ, и въ шуже минушупъ съ яростію бросились всѣ на нее. Безъ помощи Зары, предупредившей евнуховъ, Алина была бы обезображена эшими фуріями до шакой спешени, что не спрашились бы онъ уже болѣе ея прелесшей.

Между шемъ печаль Сулшана оспа-
 валась, повидимому, въ прежней степени.
 Алина замѣтила даже, что лице его съ
 нѣкопорого времени сдѣлалось мрачнѣе
 обыкновеннаго, и что ея голосъ, вмѣсто
 того, что бы успокаивать душевное его
 волненіе, еще болѣе увеличивалъ оное.
 Надежда спала попухавъ въ ея сердцѣ.
 Не въ состояніи будучи переносить до-
 лѣе мучительной неизвѣстности, рѣши-
 лась она прервать молчаніе въ первое
 посѣщеніе Абдула. Скоро явился онъ къ
 ней, и когда усладительное ея пѣніе рас-
 положило его душу къ нѣжнымъ и благо-
 роднымъ чувствованіямъ, Алина бросилась
 къ ногамъ его и сказала: “Повелишель
 правовѣрныхъ! искусство мое недоспа-
 почно для услажденія твоихъ горестей;
 самое время не изцѣляетъ ихъ, но есть
 способъ, который облегчитъ твои спра-
 данія. Я слыхала отъ мудрецовъ, что
 несчастія наши уменьшаются по мѣрѣ
 благополучія, разливаемаго нами на по-
 добныхъ себѣ. Открываю тебѣ удобный
 къ этому случай. Ты орошаешь бесплод-
 ными слезами мѣсто, на которомъ воз-
 вышался недавно юный цвѣпокъ, увянув-

шій въ веснѣ жизни своей опть хладнаго дуновенія смерпи. И я, я шакже нѣжный цвѣшокъ, перенесенный съ опечеспвенной земли, оппорванный опть своего спебля. Собспвенное мое несчастіе не сполько меня безпокоитъ, сколько бѣдспвенная участь брата: онъ спрадаецъ въ неволѣ у Алжирцовъ: о немъ-то шрепещу я! Великодушный Абдуль! распоргни его узы и возврашпи насъ обоихъ подь опечеспвленное небо.,, — Кто? Я! вскричалъ онъ: что бы я возврашилъ шебя народину, опказался опть шебя, опть шебя, кошорая соспавляецъ очарованіе моихъ очей, цѣлишельный бальзамъ для уязвленнаго моего сердца! Нѣпть, никогда! Ты моя, Алина! — И съ сими словами крѣпко прижалъ ее къ своей груди. — “Кромѣ самой себя, никому я не принадлежу, опвѣчала она, вырываясь изъ его объятій. Но позволю имѣть власть надъ собою штому шолько, кшо возврашшь свободу моему брату. Для спасенія его жизни рѣшилась я сохранишь собспвенную мою; для шого, что бы увидѣшь еще его, подверглась штысячи опасносшямъ, гопова жить невольницею и погребсши себя въ эшомъ гаремѣ. Вспупая въ него, возлагала

я всю мою надежду на одну только свою благоспѣхъ. Если я обманулась, то знаю средство къ прекращенію моихъ спраданий. Двери могилы почти открыты предо мною, предчувствую свою кончину и глубочайшая тишина, ожидающая насъ за гробомъ, не ужасаетъ меня. Но Абдуль! если ты возвратишь мнѣ брата, то жизнь несчастной Алины будетъ посвящена тебѣ, для своего благополучія, и малѣйшія твои желанія будутъ для нее священны: съ признапельностью сдѣлается она униженною своею невольницею., — Благородное сердце! не эша учаешь ожидаешь себя. — сказала тихо Сулпань, уходя отъ нее. Но Алина очень хорошо слышала эти слова.

Прошло болѣе мѣсяца. Алина не смѣла возобновить своей просьбы. Абдуль началъ обходиться съ нею ласковѣе; но искусно отклонялъ все, что только могло приблизить ихъ къ предмету перваго разговора. При всемъ однако же томъ очень видѣла она, что власть ея надъ умомъ и сердцемъ Сулпана спановилась постепенно сильнѣе. Алина ожидала всего отъ времени, что бы воспользоваться первымъ

счастливымъ случаемъ, какъ вдругъ однажды нечаянно входилъ къ ней Абдуль съ такимъ веселымъ видомъ, какого никогда еще въ немъ она не замѣчала.

“Алина! сказала онъ ей: ты поклялась быть послѣднею невольницею чело-вѣка, который разпоргнетъ оковы швоего брата. Нашелся такой счастливецъ, который освободилъ его отъ неволи. Онъ желаетъ равнымъ образомъ возвратишь свободу и тебѣ, съ темъ однако, чшобы ты была законною его супругою. Долго сопротивлялся я такому намѣренію, наконецъ долженъ былъ согласишься. Теперь зависишь ты отъ него. Готова ли исполнить свое обѣщаніе?,”—Кончивъ сіи слова, успремилъ онъ на нее проникательный взглядъ, какъ бы желая, по первому ея душевному движенію, проникнуть шайну ея сердца. Въ самомъ воспоргѣ радости Алины, произведенной извѣстіемъ объ освобожденіи ея брата, Абдуль легко могъ замѣнить ея сожалѣніе, чшо не ему, а другому она обязана.

“Великодушный Абдуль! опвѣчала Алина съ невольнымъ шрепетомъ—благодарность ничего бы не шшшила мнѣ, если

бы самъ ты былъ предметомъ оной; но я никакъ не ожидала, что жертва, дѣлаемая мною для счастья брата, будетъ столь тяжела для меня! Такъ и бышь! паду въ объятія его освободителя, лишь бы только намъ увидѣться!,,

— Лени же къ моему сердцу! — воскликнула Абдуль, сдѣлавъ знакъ, что бы отворилась дверь, и братъ Алины бросился къ ногамъ ея.

Никакое краснорѣчіе не сильно изобразишь восхищенія Алины. — Братъ разсказалъ ей, какимъ образомъ, по повелѣнію Сулпана, опыскали его въ Гвардіи Дея Алжирскаго, куда вступилъ онъ для того только, что бы не бышь рабомъ. Отличное мужество и познаніе Европейской тактики, обратили на него вниманіе, несмотря на его молодость. — Сулпанъ объявилъ ему, въ присутствіи его сестры, что опредѣляетъ его въ училище Иколановъ *). Молодой человекъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ прежде, нежели достигнулъ высокихъ должностей, которыя онъ управлялъ въ послѣдствіи подъ именемъ Мехмеша.

---

*) Пажей.

Алина имѣла счастье даровать Султану наследника престола. Воспитаніе сына соспавляло самое припятнѣйшее занятіе въ ея жизни. Иногда предавалась она упѣшительной мысли, что даетъ Имперіи великаго человѣка, который возстановитъ нѣкогда цвѣтущую Грецію на ея развалинахъ и разрушитъ преграды, отдѣляющія Турцію отъ другихъ Европейскихъ державъ.

Добрая Зара получила свободу и доказавъ Алинѣ, во время ея бѣдствія, сколько твердости и постоянства, приняла участіе въ ея благополучіи.

Въ царствованіе Селима и Мустафы Алина, будучи переведена въ старый Сераль, продолжала занимать воспитаніемъ своего сына Махмуда. Во время революціи при Мустафѣ Барайкшарѣ, Мехметъ, братъ Алины, опличившій себя въ Египтѣ, возвратился въ Константинополь и начальствуя надъ двумя тысячами Албанцевъ, провозгласилъ Султаномъ своего племянника, который не прежде однако сдѣлался спокойнымъ обладателемъ прона, какъ по смерти Мустафы IV. Въ знакъ благодарности Махмудъ

опредѣлили своего дядю Пашею въ Египеть; гдѣ онъ мудрымъ правленіемъ приводилъ опчасти въ дѣйство мечпы доброй сеспыры своей; а она, по восшеспвіи сына на пресполь, принявъ пипуль Сулпанши-Валиды *) кончила романическое свое поприще въ 1817 году на 54 году своей жизни.

Съ Франц. Б. Х.

Русская Пѣсня.

Во полѣ березанька стояла, (дважды)
 Люли, люли стояла, (дважды)
 Въ чиспомъ кудрява бушевала.
 Въ перемѣ дѣвица горевала:
 Дѣвицу со милымъ разлучающъ,
 Дѣвицу съ пошпылымъ обручающъ.
 Нелюбъ не умомъ взялъ, не прияшспвомъ;
 Взаялъ большой роднею и богашспвомъ:
 Милой безпомѣшенъ, беспороденъ;
 Онъ душой богашъ и благороденъ,
 Не въ мѣшкахъ любовь, не въ родословныхъ,
 Въ жершвахъ добровольныхъ, безусловныхъ.
 Съ милымъ мы глазами сговорились,

---

*) Матери Сулшана.

Съ милымъ мы сердцами подарилсь .
 Скоро ли ахъ, милой! не дождуся..
 Я съ побой свиданьемъ наслаждуся ,
 Опъ доукъ, недлюба свобожуся?

Казань.

Н. Ибрагимовъ.

~~~~~

Отъ Издателя.

Особы , желающія получать Журналь:
Благоналюбреннй, и на послѣднюю половину
 нынѣшняго года , ш. е. съ Іюля 1825 по
 Генварь 1826, благоволяшь подписаться,
 сколь можно благовременнѣ, ибо Издашель
 будешъ печашашъ только по количеству
 экземпляровъ , кошорое соразмѣрно будешъ
 числу подпищиковъ .

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XX.

ШВЕИ *).

Elles marchent dans l'ombre et Venus
Etend autour d'elles un voile de nuages.

Virg. Enéide, liv. I.

Жишпели большаго города подобны
вращающимся въ рѣкѣ мѣлкимъ камеш-
камъ: неровности ихъ сглаживаются, ще-
роховатость исчезаетъ; словомъ, они
принимають на себя одну и ту же фор-
му. Трение такого рода непосредствен-
нѣе и непрерывнѣе происходитъ въ Па-
рижѣ, нежели гдѣ либо; опъ того-то раз-
ные характеры живущихъ въ сей сто-
лицѣ привѣпливѣе и испорченнѣе, не-
жели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Все,
что выходитъ здѣсь изъ обыкновеннаго
порядка, дѣлается доспойнымъ посмѣя-
нiя. Платье, вышедшее изъ моды, преду-
преждаетъ мнѣнiе прошивъ того, что

---

*) Изъ L'Hermite de la Guiane.

его носилъ, и служилъ, по крайней мѣрѣ, предлогомъ, что бы до времени считашь эшаго человѣка чудакомъ.

Кажется, избралъ я самое удобное время приучилъ Парижанъ къ моему, немного спранному наряду, и опнюдь не полагаю себя смѣшнѣе Козаковъ съ Дона и Темзы, кошорые считающся нынѣ нашими согражданами; но какъ у меня нѣтъ ни пики, ни Конгревовой ракеты, что бы заспавилъ уважатъ мой смѣшный нарядъ, шо поневолѣ надобно имъ пожертвоватъ и лишитъ зѣвакъ небольшаго развлеченія, кошорое доспавлялъ я имъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Впрочемъ охотно соглашаюсь, что на берегахъ Сены также спранно ходилъ въ моему рединготѣ, съ жапишономъ, [и сдѣланнымъ изъ шерспи дикой козы, какъ на берегахъ Ореноко во Французскомъ кафшанѣ, съ преугольною шляпою.

Госпожа Лорисъ требовала, что бы я одѣлъ былъ *Лежеромбъ*, причесанъ *Дое-номбъ* и обупъ *Салкоскилбъ*. Я обѣщаль предоспавилъ ей попеченіе о своемъ шуалѣтѣ, съ условіемъ однако же, что бы мнѣ позволено было смѣятъся надъ собою:

эпо, какъ говоришь *Бридуазонъ* *), не споль неприятно, какъ бышь осмѣяннымъ другими. Моя скромная одежда, чуждая всякой роскоши, ничемъ не обязана искусству ткача и швеи; бѣлье мое ограничивалось нѣсколькими рубашками, сошканными изъ древесной коры, копорую *Оттали* умѣли выдѣлывать и бѣлили. Вошь первая вещь, копорую надобно было замѣнить. Извѣстно, что есть пакія покупки, копорыя могутъ бышь хорошо сдѣланы шолько одѣми женщинами. Гжа Лорисъ непремѣнно хопѣла ѣхать вмѣстѣ со мною къ своей швеѣ и выбрашь сама все нужное для меня бѣлье.

Человѣкъ, привыкшій уже сорокъ лѣтъ довольствовашься малымъ, не можешь понять сколько ему нужно необходимыхъ вещей: я дорого заплапиль швеѣ за мое познаніе. Между темъ, какъ она опустошала мой кошелекъ, я, споя у конпорки, гдѣ снабжали меня всеиъ нужнымъ, придумаль родъ мщенія посредшвомъ замѣ-

---

*) Судья въ Комедіи: *Женитьба Фигаро*.

чаній, которыя и служатъ нынѣ содержаніемъ моего разсказа.

Эпопъ магазинъ находилсѣ въ самой лучшей Парижской улицѣ; вывѣска его скромная и доказываесть понюкую разборчивость: это *улей*. Никогда эмблема ни была лучше выбрана. Вокругъ спюлика изъ краснаго дерева двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ подъ распоряженіемъ хозяйки, которой надзоръ за ними не слишкомъ сурогъ, занимались разнымъ рукодѣліемъ; одежда ихъ, которой протпоша не уступала щегольству, придавала особенную прелестъ эпому собранію швей; онѣ, почти всѣ имѣютъ приятныя личики и шакую спройность спана, которую можно найти въ одномъ только Парижѣ.

Лишь только войдетъ кто въ лавку, одна изъ эшихъ дѣвушекъ приближается къ нему и спрашиваетъ, что ему угодно; другія же, не протспавая повидимому работашъ слѣдуютъ любопытнымъ взоромъ за вошедшимъ и взглядами даютъ знать другъ другу о своихъ коварныхъ замѣчаніяхъ, которыя производитъ покупатель, или его покупки.

Я былъ очарованъ необыкновенною

приятностію, съ какою эпіи милья портовки разсказывали намъ о неоцѣненныхъ выгодахъ шѣхъ вещей, копорыя хопѣли сбыть съ рукъ; о крѣпости, тонкости полотна, каленковъ и балисповъ, и, если вѣришь ихъ словамъ, по эпіихъ вещей нигдѣ нельзя найши за такую дешевую цѣну. Нигдѣ и никогда не удавалось мѣ слышать шакъ часно и шакъ кспашаши употребляемую риторическую фигуру: *euphémisme*, какъ у модныхъ Парижскихъ торговковъ, обворожающихъ покупателей своею вѣжливостію и краснорѣчіемъ. Однако эшѣ маленькія Сирены наши въ Гжѣ Лорисъ опасную соперницу, копорой опытность прошивустояла ихъ обольстительнымъ убѣжденіямъ. По врожденному всѣмъ женщинамъ самолюбію ей сколько же хопѣлось дешевле купить, сколько шѣмъ дороже продать. Распри шакото рода бывають обыкновенно очень продолжительны, пощому что женщины имѣють въ шомъ двѣ выгоды: первую, что бы наговоринься досыща; а вторую—показать нѣкошорый родъ преимущесства въ хипросни и искусствѣ предъ шѣми людьми, копорыя считають эшо своимъ

ремесломъ. Я уполномочилъ Гжу Лорисъ сохранить мои выгоды, умножая мои расходы, и сѣвъ въ уголь съ записною книжкою, старался не пропускать ничего изъ перемѣняющихся сценъ, коихъ былъ однимъ шокмо зритель.

Оспанавливается карета съ большими гербами; лакей опворяетъ дверцы и выходитъ преполная Боронесса, поддерживаемая двумя мужчинами, изъ копорыхъ одинъ былъ ея мужъ; за нею слѣдовала ея дочь: печальный ея видъ пошчасъ мнѣ бросился въ глаза. Суешливосшь, съ какою были приняпы они, доказывала, что ихъ ожидали. Баронесса, задыхаясь опъ споль длиннаго перехода и опдохнувъ не много въ большихъ креслахъ, привѣспвовала обязательною улыбкою содержательницу магазина и пошомъ велѣла ей подать приданое, заказанное для своей дочери, копорую заранѣ величала уже она Графинею. Казалось, ничто сполько не восхищало сию послѣдную, какъ будущій ея пишуль. Передъ ней раскладывали пончайшя Индѣйскія и Европейскія шкани, опдѣланныя богатѣйшими кружевами Брюксельскими и Алансон-

скими . Но увы! едва бросала она робкіе и меланхолическіе взоры на всѣ эти дороги бездѣлки. Причиною такого развлеченія, по моимъ догадкамъ, былъ молодой человекъ, вошедшій въ лавку и торговавшій въ другомъ концѣ галспуки, напѣвая что-то на ухо молодой швеѣ, которая ему ихъ показывала. Я примѣпиль, какъ вручилъ онъ ей письмоце и какъ проворно спряпала она его подъ свою косынку. По взглядамъ ихъ, бросаемымъ украдкою въ сторону, узналъ я о наспоющемъ назначеніи этого письмоца. Хотя съ давняго времени чуждъ для меня подобный языкъ, однакожь я сохранилъ нѣкоторыя объ немъ понятія, и поштому нимало не былъ удивленъ, когда милая торговка подошла къ печальной красавицѣ и показывая ей пелеринки *á la vestale*, совершенно въ новомъ вкусѣ, съ такою ловкостію всунула ей въ руки таинственнее письмоце, что и соння Аргусовыхъ глазъ не могли бы того примѣпиль. Прелестная и помная невѣста вдругъ вспыхнула: этого было довольно для молодого человека. Онъ пошчасъ вышелъ, вѣжливо поклонясь старой Баронессѣ, которая лишь только что

его замѣшила, что и бросила такой грозный взглядъ на него и на дочь, что я совершенно удосповѣрился въ своемъ заключеніи на счетъ этой чепы.

Мнѣ казалось, что одинъ только я замѣнилъ все это и ввнутри радовался моей проницательности; но человекъ среднихъ лѣтъ, облокотясь на конторку и ожидая своего счета, сказалъ мнѣ съ коварною улыбкою, проширая свои очки: "М. Г. хопя вы и хорошо дѣлаете свои наблюденія, но не видите всего того, что здѣсь происходитъ. Дѣвушка удивила васъ своею ловкостію, передавъ любовную записочку, и вамъ шрудно повѣришь, что бы съ такими томными голубыми глазками, съ такимъ скромнымъ и невиннымъ видомъ можно имѣть столько хитрости? Но что скажете вы, когда узнаете, что съ шѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, она успѣла уже сдѣлать два свиданія, не нарушая впрочемъ серьезныхъ обязательствъ своихъ съ однимъ пожилымъ Секретаремъ? Я увѣренъ, что вы не замѣтили малорослаго мужчину въ черномъ галспукѣ, кошорый минуть десять споялъ прошиву окна, какъ будшо вкопанный. Одинъ вопъ

изъ эпихъ плашковъ, переложенный съ намѣреніемъ, доставилъ ему случай сосчитать пальцы на обѣихъ ея ручкахъ и узнать такимъ образомъ часъ, въ который хопѣли выдти со двора; а этому Офицеру, въ Польскомъ сершукѣ, который заходилъ сюда на минуточку, что бы купить плашковъ, назначила ожидать себя съ кабриолетомъ, когда начнется феерверкъ въ Тиволи, куда Секретарь повезетъ ее вечеромъ и гдѣ, въ толпѣ народной, легко можешь потерять ее изъ виду.,,

“Что же вы скажете еще—продолжалъ онъ, подвинувшись ко мнѣ—если узнаете, что эта брюнетка, которой одежда простою своею и здѣсь даже опличается отъ прочихъ, разорила уже одного пославщика и двухъ маклеровъ? Что эта скромная и просодушная, по видимому, красавица, съ покрываломъ на головѣ и съ бѣлымъ передникомъ, имѣешь прекрасный домъ въ улицѣ *Poissonière*, и что вечеромъ на гуляньяхъ оспариваешь она въ блескѣ и пышности нарядовъ самыхъ богатѣйшихъ Парижскихъ дамъ.—Сосѣдка ея, съ лѣвой стороны, у кошо-

рой такой насмѣшливый видъ и такая веселая физиогномія, имѣеть привычки, сообразныя ея соспоянію, и поведеніе, хотя не безпорочное, но не споль предосудительное. Не наблюдая своихъ выгодъ, и не совѣшуется она ни съ кемъ, кромѣ своего сердца, которое имѣеть одну только слабость; слишкомъ любитъ перемѣны. Кромѣ магазина, гдѣ работаетъ она съ особеннымъ прилежаніемъ, вы нигдѣ болѣе не увидите ее, какъ развѣ около L' Ambigu comique, или въ рошицахъ Турецкаго сада: это Нинона низкаго происхожденія. Не одинъ Лашатръ былъ въ числѣ ея плѣнниковъ.,,

“Хопите ли видѣшь разительнѣйшую и прятнѣйшую противуположность? Взгляните на обыкновенное хозяйское мѣспо: шамъ милая дѣвушка, въ черномъ фаршучкѣ, ничего не видитъ, что происходитъ здѣсь, ничто не развлекаетъ ее и не отвлекаетъ отъ работы. Это дочь одного воина, убитаго подъ Эйлау. Бѣдная вдова уже нѣсколько разъ подавала просьбу о приемѣ несчастной своей дочери въ Сиротское Отдѣленіе Почетнаго Легіона; но къ несчастію всякой разъ

имѣла совмѣстницъ: въ одной — племянницу перваго Военнаго Коммисіонера, въ другой дочь актрисы, а въ шретшеѣ двоюродную сестру Оберъ-Инпенданта. И пакъ дочь ея не могла быть помѣщенною въ то мѣсто, на которое не имѣешь она другаго права, кромѣ заслугъ своего опца. Трудолюбіе этой милой дѣвушки, доброй и примѣрной дочери, поддерживаетъ существованіе злополучной ея мащери. Она работаетъ для нее за своихъ подругъ, копорыя только эшимъ средствомъ могушь заспавишь ее принимать опъ нихъ нѣкоторое пособіе. Всегда первая садится за работу, и не прежде оставяетъ ее, какъ по закрытіи магазина. Тогда идетъ она къ своей мащери и заняшія другаго рода служатъ ей опдохновеніемъ. Такое примѣрное поведеніе не обращаетъ на нее соблазнительныхъ взоровъ, копорыхъ опасности даже и не знаетъ она, и если сынъ здѣшной хозяйки, копорый очень часто говоритъ мнѣ объ ней и знаетъ всѣ ея добродѣтели и хорошія качества, способныя сдѣлать ее любезнѣйшею супругою и доброю мащерию сѣмейства, не вздумаетъ жениться на

ней, то жизнь самая шлюгоспная будеть
ея участію,,

Мой Чичероне замѣшивъ, что я слушаю его съ удовольствіемъ, рассказалъ бы мнѣ и еще кой что, если бы Гжа Лорисъ, окончивъ всѣ для меня покупки, не позвала меня къ себѣ для разплашы.

Съ Франц. Х.

т т т т т т т

О НАРОДНЫХЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

Письмо къ Издателю Благонамѣреннаго.

Вы желали, что бы я доставилъ вамъ нѣсколько Малороссійскихъ Пѣсень, для помѣщенія въ *Благонамѣренноиѣ* — съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе.

Судьба давно уже ошполкнула меня ошъ родины; однако я помню еще не только видѣнные мною предметы, но самые звуки, поражавшіе меня въ дѣтспвѣ; помню многія пѣсни и пословицы: хранилище народныхъ мыслей и чувствованій — первыя впечатлѣнія неизгладимы. Нѣкогда имѣлъ я намѣреніе издашь лучшія Малороссійскія стихотворенія, сдѣлалъ не-

Большой опытъ *) и хотѣлъ продолжать
прияшныя, для меня, занятія, но чело-
вѣкъ рѣдко дѣлаешь то, чего желаетъ:
обстоятельства перемѣнились; я при-
нужденъ былъ оставить свое намѣреніе,
сохранивъ однакожъ нѣсколько десяшковъ
собранныхъ мною стихошвореній. При-
веду вамъ нѣкоторыя:

I.

Отбѣздъ Козака изъ родины.

Засвиспалы Козаченьки въ походъ съ
полуночи;
Заплакала Марусенька свои ясны очи.
Не плачь, не плачь, Марусенька! не плачь,
не журися;
За своего миленькаго Богу помолися.

Какъ вы находите это начало? “Въ
полночь засвиспали Козаки, выступая
въ походъ; залились слезами ясныя очи
Маши. Не плачь, не плачь Маши! не гру-
спи, не кручинься; молись Богу за свое-
го милаго., Какая прелестная проспоша!
—Но читайте далѣе:

---

*) Опытъ собранія старинныхъ Мало-
россійскихъ стихошвореній. С. Петербургъ
1819 года.

Споишь мисяць надъ горою, да сонца
не мае:
Машы сына въ дороженьку слезно провожае!
“Прощай, милый мій сыночку! да не забав-
ляйся,
Черезъ чопыри недиленьки до дому вершайся.,,
— Ой радъ бы я, машусенько, скоріше
вернувся,
Да вже щось мій вороненькій въ воропахъ
споткнувся.—

Здѣсь особенно замѣчательны: первый
спихъ, въ копоромъ прекрасно — въ оп-
ношеніи къ мапери — уподобленъ Козакъ
солнцу, и послѣдній, въ копоромъ виденъ
предразсудокъ, споль свойспвенный про-
шопѣ нравовъ. “Спаль надъ горою мѣ-
сяць — но нѣтъ солнца! Машъ въ слезахъ
провожаешъ сына — прощай, мой милый
сынъ! не медли! возвращись чрезъ чешыре
недѣли! — Радъ я и прежде возвращись-
ся, да что-то мой вороный конь въ во-
ропахъ споткнулся.,,— Это обспояпель-
с во обезпокоило Козака, и онъ съ гру-
стію продолжаешъ:

Ой Богъ знае колы вернусь, въ якую годи-
ну;
Пріймижь, мою Марусеньку, за ридну ди-
пыну!

Пріймижь, іи, машусенько! вси въ Божіей
воли;
Ой хто знае, чи живъ прійду, чи ляжу на
поли?

Здѣсь еспешвенность мыслей и чувствованій соединены съ прекрасною картиною: сынъ поручаетъ матери свою милую и проситъ ее принять за родную дочь.—“Богъ знаетъ, говоришь онъ когда; въ какое время возвращусь я? Примижь мою Машу какъ дитя свое! Прими ее, родная! Всѣ въ воли Божіей; кію знаетъ, возвращусь ли я, или останусь на полѣ?,, ... Опвѣтъ матери превосходень:

Ой рада я Марусеньку за ридну приняшы,
Да все не шакъ вона мене буде шанувашы!

“Рада я принять Машу за дитя свое; но все не шакъ (какъ ты) будетъ она дѣлать меня!,,—Это языкъ сердца, языкъ нѣжной, материнской любви, которая все свое счастье заключаетъ въ дѣтяхъ.—Въ горестную минуцу разлуки заржала лошадь отвѣзжающаго Козака, и онъ съ радостию восклицаетъ:

Ой! не плачши! не журишесь, въ пугу не-
вдавайшесь!

Заржавъ мій конь вороненькій, назадъ спо-
дивайшесь.

“Не плачьше, говоришь онъ, не шу-
жише, не предавайшесь горести! зар-
жалъ мой вороной конь; надѣйшесь: воз-
вращусь!,,

Теперь прочтите небольшое спи-
хопвореніе совершенно въ другомъ родѣ,
это:

Воспоминаніе воина.

Ой спавъ пугачъ на могилѣ, да крикнувъ
винь пугу!

Чи не дасшь Богъ Козаченькамъ, кошь ше-
перь пошугу,

И день и ночь войны ждемо — поживы не
маемъ.

Давно була!...Хмельниченка уже не згадаемъ!..
Ой колись мы воевалы, да бильше не бу-
демъ! —

Того счастья и шой доли повикъ не забу-
демъ!

Да вже сабли заржавилы, мушкеты безъ
куркивъ,

Аще сердце козацкее не боишся Туркивъ!—

Вошь пѣснь воина жаждущаго бившвы

и корысти. Стихотвореніе сіе носитъ на себѣ отпечатокъ воинственнаго характера Козаковъ, и конечно сочинено какимъ нибудь Запорожцемъ, споявшимъ на линіи. — Простота выраженій, краткость періодовъ и наконецъ прекрасныя карпины перваго и двухъ послѣднихъ стиховъ, дѣлаютъ сіе небольшое стихотвореніе испинно піипическимъ. — Чистая оное, я вижу, кажется, суровыхъ воиновъ Днѣпра, дремлющихъ на курганѣ—на ближней, высокой могилѣ спитъ вѣщій филинъ—одинъ изъ Козаковъ спорожитъ своихъ поварищей. Безмолвно, опершись на длинное копье, споитъ онъ и вслушивается въ каждое дыханіе вѣпра, въ каждый шолохъ пущынной шправы — вдругъ раздался стонъ филина, спавшаго на ближней могилѣ, и Козакъ говоритъ съ сь дикою радостію:

“Вскрикнулъ филинъ, спавшій на могилѣ. Не порадуешь ли Богъ Козаковъ? День и ночь ожидаемъ войны — нѣтъ добычи!..давно была!—не придушь времена молодатаго Хмельницкаго!...Воевали мы, но не воевать болѣе! Вѣкъ не забудемъ того счастливаго времени! Уже заржавѣли саб:

ли, безъ курковъ мушкетвы наши; но еще сердце Козаковъ не боится Турковъ. „

Малороссійскія стихотворенія весьма разнообразны, краски ихъ всегда вѣрны своему предмету, подобія и сравненія близкія, выраженія почныя. Иногда видны въ нихъ порывы необузданной страсти: иногда тихое, но глубокое чувство и вездѣ всеоживляющее, юное воображеніе—шакъ на примѣръ въ одной: могильный холмъ, палимый зноемъ, разговариваетъ съ вѣтромъ; въ другой Козакъ, сидя на берегу моря, жалуется на свою участь. Счастіе опкликается ему съ противоположнаго берега и обвиняетъ его за несправедливыя укоризны--во многихъ встрѣчается какая-то необыкновенно приятная простота выраженій, соединенная съ сильнымъ чувствомъ, на примѣръ:

Ой бачишя не журуся, въ шугу не вдаюся;
А якъ выйду за вороша видъ випру валюся.
Ой бачишя що не плачу—сами слезы ль-
юшя;

Видъ милаго людей не ма, видъ нелюба
шлюшя.

Не ма мого миленькаго, не ма мого сон-
ца!

Ни съ кимъ буде размовляшы, сидя у оконь-
ця.

п. е.

“Кажешся не грущу, не предаюсь печали; но когда выду за вороша, падаю ошь вѣшра. Кажешся не плачу—но слезы сами льюшся.—Нѣшь людей ошь милаго, нелюбъ засылаешъ! Нѣшь моего милаго! нѣшь моего солнышка! Съ кемъ буду разговаривашъ, сидя у окна?,—Такъ говоришь просшая, непришворная любовь. Вошь поже чувствво, выраженное подобіемъ: Козакъ, грусня въ разлукѣ съ милою, говоришь:

Ешь же люди що и мой
Завидуюшь доли.

Чи счасшливажь былиночка,
Що росше уполи?

Що у поли, на писочку
Безъ росы на сонци!—

Тяжко жишы безъ милой,
На чужій сторонци!

Во многихъ встрѣчаюшся необыкновенно рѣзкія каршины. Такъ на примѣрь: въ одной описываешся смерть Козака, сражавшагося съ Поляками; его везушь съ поля бившы, за нимъ ведушь его коня, несущъ

длинное копьё и мечъ, съ копораго капле-
лешъ еще кровь злодѣевъ.

Аще (еще) съ меча и кровь пече!

Какая смѣлосць изображенія? Не могу удержаться, чпо бы не привесить вамъ еще одной пѣсни, опличной какъ приап-носцію музыки, шакъ равно необыкновенною силою чувствъ и рѣзкостію выражений. Кажется она новѣ вышеприведенныхъ мною; но краски ея блестящъ свѣжестію первой, безыскусственной Поэзіи.

Разлука съ Милою.

“За Нимень иду!
Гей! коню мій, коню!
Заграй пидо мною —
Дивчино! прощай!,,

*

— За Нимень идешь?
Мене покидаешь!
Чогожь ты, мій милый,
Чого шамъ шукаешь?
Хибажь поби сердце чужа спорона
Красниша, милища — нижъ ридна своя?

*

“Иду я шуды,
 Де робитъ на дыво
 Червонее пыго,
 Съ крови супосшатъ.,,

*

— Хибажъ шы, мій милый!
 Хочь его напишься?
 Хибижъ шы зо мною
 Хочешъ разлучишься?

Выпій мои слезы, выпій мою кровь —
 Да шилько не кидай за вирну любовь! —

*

“Дивчино! не плачь,
 Не рвы мого серця!
 Якъ пиръ сей минешся,
 Прійду я опьяшь.,,

*

— Евжежъ шоби! милый,
 Назадъ не вершашся,
 Тамъ шоби, серце!
 Тамъ и оспавашся;

Онъ бичъ пидъ шобою швій конь щось по-
 ныкъ.

На поли червонимъ заснешъ шы на вискъ —

*

“Якъ воронъ въ оконце
 До тебе закряче,
 Съ заморя прискаче
 Козаченько швій.,,

*

— Якъ яворъ зеленый
 Головоньку склоне,
 Зузуля кукукне,
 Диброва заспоне,

Твій конь пидь нобою спощкнешся, ведыхне;
 Мій милый! — не буде на свиши мене! —

Кто знаешь Малороссійское нарѣчіе, пошъ
 чипая сіе стихотвореніе, не можешъ не
 шронупься до глубины сердца. Какой жи-
 вый разговоръ! Какая рѣзкая пропивопо-
 ложносшь въ мысляхъ Козака и его ми-
 лой! Характеры обоихъ выдержаны пре-
 восходно.

“За Нѣмань иду!—съ радосшію гово-
 ритъ пылкій юноща, забывающій любовь
 для славы — за Нѣмань иду! — конь мой,
 конь! взыграй подо мною! Дѣвица! проспни!,,

— За Нѣмань идешь?—опивѣчаешъ и-
 зумленная красавица—меня оспавляешъ?
 Чего же ты ищешъ тамъ, милой мой?
 Или для шебя спорона чужая краше, ми-
 лѣе родины? —

“Иду я шуда, гдѣ супоспашъ, начудо,
 дѣлаешъ изъ крови, красное пиво.,,

—Развѣ ты, милый! будешъ его пипь?
 Или ты желаешъ со мною распашься?
 Выпей мои слезы, выпей кровь мою; но
 не оспавляй меѣя за вѣрную любовь! —

Сердце юноши, полное любви и славы не могло слушать равнодушно никакой просьбы. “Не плачь, дѣвица!—говорить онъ, упѣшая милую не рви моего сердца! Пиръ кончился, и я возвращусь къ тебѣ.”

—Нѣтъ, милой мой! нѣтъ не возвращаться тебѣ: видишь ли, какъ смущень конь швой? Уснешь ты навѣкъ на багровомъ полѣ!—

“Закричитъ воронъ у швоего окна— и прискачетъ изъ заморя Козакъ швой.”

—Когда зеленый яворъ преклонитъ свою вершину, когда закричитъ кукушка и заспонецъ дубрава, когда конь швой споккнелся подъ шобою и вздохнетъ —знай, милой мой! меня не будетъ болѣ! ,—

Скажише, многіе ли романсы наши могутъ равняться съ сею проспою, сильною поезіею?—У многихъ ли...но къ чему вопросы? Письмо мое и то уже слишкомъ длинно; простите!—

Талбовъ, 12 Мая 1825. Князь Цертелесъ.

Моя Фіалка.

Боспишанникъ простой безхитроспшой
природы,

Я скромность милую любилъ отъ юныхъ
лѣтъ;

Но силой роковой лишася златой свободы,

Напрасно для себя искалъ въ кругу суешъ

Невинность крошкую съ любезною душою,

Чтобъ чувствамъ возвратишь утраченный
покой.

Теперь, въ безвѣспности, доволенъ я судь-
бою,

Имѣя скромную фіалку подъ рукой:

Она, шаясь отъ всѣхъ, росла въ уединеньи,

Вдали отъ пышныхъ розъ и блещущихъ
лилей;

Гоняся за мечшой въ шуманномъ упоеньи,

Любители цвѣшовъ не вѣдали объ ней.

Ахъ! сколько разъ и я, по приглашенью
Флоры,

Плашилъ съ другими дань пусшымъ ея цвѣ-
шамъ!

Какъ часто и мои неопышныя взоры

Обворожалъ собой ея волшебный храмъ!

Но шолько мигъ одинъ — и все очарованье

Скрывалось, на сердць не дѣлая слѣдовъ,

И даже самое объ немъ воспоминанье

Скользило по душѣ, какъ призракъ шемныхъ

сновъ.

Не для меня цвѣшны съ колючими шипами—
И добрый Геній мнѣ къ фіалкѣ пупь оп-
крыль:

Съ сердечной радостью, дрожащими руками,
Я милую въ цвѣшникъ укромный, посадилъ.
Гордись, прелестная! спыдливой красошою.
Пускай другихъ цвѣшны различныя маняшь;
Я буду восхищенъ всегда одной побою:
Мнѣ миль швой скромный видъ и сладокъ
ароматъ.

Казань.

Рындовскій.

Пѣснь Маю.

Уже цвѣшущій Май къ намъ сходитъ
Съ синелазоревыхъ небесъ,
И радости съ собой низводитъ
На горы, доли, холмъ и лѣсъ.

*

Ручьи журчащiе змѣяшся
По мягкимъ, бархашнымъ коврамъ;
Зефиры вкругъ цвѣшновъ полпяшся
И дышащъ нѣгой по полямъ.

*

Пѣвисшій жавронокъ мѣлькаетъ
Небесъ въ пространной вышинѣ,
И шрели съ шрелями сливаетъ;
Онъ сладкій гимнъ поетъ веснѣ.

*

Природа убралась цвѣтами,
 Блистая красою своей,
 Какъ въ брачный день предъ алтарями
 Младая дѣва, дочь полей.

Козельскб.

А. Би — ромб.

~~~~~

Къ Воину - Поэту.

Давно ли ты, любимецъ славы,
 Въ ряды враговъ, какъ вихрь влещалъ?
 Гдѣ бой сильнѣй, спешей кровавой
 Туда полети свой направлялъ.

*

Давно ли шумный свѣшь съ друзьями
 Любилъ порою навѣщать,
 И пушь, усѣянный цвѣтами,
 Съ улыбкой свѣшлой пробѣгаешь?

*

Давноль на лирѣ ты послушной
 Прекрасныхъ славилъ въ тишинѣ?—
 Но къ похваламъ ихъ равнодушной,
 Ты жилъ въ мечшательной спранѣ.

*

Давно ли взоръ любви привѣстный
 Живошворилъ свои мечты?
 Еще слѣды ея замѣшны;
 Почто же самъ не пошь ужь ты?

*

Оспавиль шумныя забавы
 И лиры звукъ осиротѣль,
 И мечъ лежишь пришуплень, ржавый —
 И сердцу знашь такой удѣль!

Козельскѣ.

А. Бистролѣ.

Солнце и Луна .

Басня.

Не полько на землѣ, бывають выше ссоры:
 Однажды въ крупны разговоры
 Вступили Солнце и Луна.

Она,

Желая съ Солнцемъ посчипашьяся:
 Доколѣ, говоришь, ты будешь величашьяся?

Ничемъ тебя

Не хуже я:

Ты днемъ, я ночью освѣщаю;
 Такъ чемъ же лучше ты, опниодъ не по-
 стигаю! —

А Солнце ей въ отвѣтъ:

‘Чей льешь ты міру свѣтъ?’,

Н. Д.

Три Багдадскихъ мошенника.

Анекдотъ .

Одинъ поселянинъ , ѣхавъ на ослѣ въ Багдадъ, вель за собою козу, у копорой на шеѣ привязанъ былъ колокольчикъ. Три мошенника, проходя мимо эшого каравана, рѣшились овладѣть имъ. — “Бьюсь объ закладъ о чемъ угодно, сказалъ одинъ изъ нихъ, что украду у эшого ропозѣя козу.,— А я шакъ лучше сдѣлаю, подхватилъ другой, я украду осла, на копоромъ онъ ѣдешъ. — “Эка диковинка! примолвилъ третій, вопъ я принужу его раздѣшься и унесу его плашье.,,

Первый мошенникъ пошелъ за крестьяниномъ ровными шагами, оспорожно опвязалъ колокольчикъ у козы и прицѣпивъ его къ ослиному хвосту, удалился со своею добычею. Между шемъ поселянинъ, слыша звонъ колокольчика, спокойно продолжалъ путь свой, воображая, что коза идешь за нимъ. Приѣхавъ однако въ городъ, оборачиваешся назадъ и къ удивленію своему не видишь козы, копорую хопѣлъ продашь на базарѣ. Спрашиваешъ объ ней у всѣхъ и плачешъ. Въ эпо самое время другой бездѣльникъ подходишь къ нему и говоришь, что недалеко, въ одномъ переулкѣ, видѣлъ онъ какого-шо человѣка, копорый шель оченъ скоро и тащилъ за собою козу,

Крестьянинъ, соскочивъ съ осла, проситъ добраго незнакомца, что бы онъ присмотрѣлъ за нимъ и опрометью бросается за вормъ, удалившимся совсемъ въ другую сторону. Обѣгавъ понапрасну нѣсколько переулковъ и улицъ, возвращается онъ назадъ измученнымъ и къ довершенію своего несчастія, не находишь ни осла, ни его вѣрнаго надзирапеля.

Съ разшерзаннымъ сердцемъ бѣдный поселянинъ побрелъ вонъ изъ города. Проходя мимо одного колодца, слышишь вдругъ жалобные вопли. Движимый чувствомъ состраданія, подходить онъ къ человѣку, который казался ему столь же огорченнымъ, какъ и онъ самъ. — “Что за горе у тебя?” спросилъ крестьянинъ. Вѣрно не такъ велико, какъ мое: я лишился козы и осла, которые составляли все мое богатство.,

— Жалѣю о тебѣ, другъ мой, отвѣчалъ незнакомецъ; но посуди же о моемъ несчастіи: я уронилъ въ эшопъ колодезь ларчикъ съ брилліаншами, который велѣли мнѣ опнести къ Калифу. Можешь бышь повѣсяшь меня какъ похитишеля. — “Для чего же не слазишь ты въ колодезь? Онъ, кажешся, не такъ глубокъ и ты можешь легко ошыскашь шамъ свою пропажу., — Ахъ! не могу никакъ рѣшиться на эшо: пусть лучше меня повѣсяшь, нежели самому

ушопишься. Но если бы кто нибудь сдѣлалъ мнѣ милость, досталъ бы изъ колодца ларчикъ, то сію же минушу далъ бы ему десяшь золотыхъ монешъ. —

Бѣдный мужикъ благодарить Пророка, представившаго ему столь благоприятный случай для вознагражденія съ лихвою за пропажу козы и осла. — “Такъ ты дашь мнѣ десяшь секизовъ, если достану я швой ларчикъ?,”—Только достань; смотри вошь и деньги.—Крестьянинъ сбросилъ съ себя плашье и съ такою скоростію опустился въ колодезь, что прешій мошенникъ (не шрудно догадаешься, что эпо былъ онъ) едва имѣлъ время схватить его одежду и убѣжать съ нею.

Напрасно искалъ протакъ ларчика на днѣ колодца. Когда же вылѣзь изъ него, то не могъ болѣе сомнѣваться въ своемъ злополучіи. Плашье, осель и коза пошли по разнымъ дорогамъ, а несчастный ихъ хозяинъ съ величайшимъ прискорбіемъ возвратился въ бѣдную свою хижину.

Сб Франц. X,

Благотворенія.

Издашель *Благоналюбреннаго* получилъ 20 ч. минувшаго Апрѣля отъ Гжи А. Ш. в—ой для раздачи бѣднымъ двадцать пять рублей. Изъ нихъ роздано:

Вдовами :

Гринблатъ	5 р.
Мальмгренъ (бѣдной осмидесятилѣтней спарушкѣ, живущей у Полицейскаго моспа въ домѣ Копомина № 57) .	5—
Лаксманъ (поже осмидесятилѣтней спарушкѣ живущей Рожеспвенской часни во 9 кваршалѣ, въ домѣ Дунаевскаго № 280)	5—
Скорняковой	5—
Давыдовой	5—
Итого . . . 25 р.	

При семъ случаѣ Издашель повпоряешъ, что онъ никакихъ объявленій о бѣдныхъ отъ людей ему неизвѣстныхъ, или скрывающихъ отъ него свою фамилію, помѣщая въ своемъ журналѣ не будетъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXI.

О СТИХОТВОРСТВѢ, ИЛИ ПОЭЗИИ.

(Изъ Сувальца.)

Поэзія есть искусство сообразно намъреніямъ, сообщающъ высшую степень чувственной силы представленіямъ, выражаемымъ рѣчью. Стихотворецъ, подобно Виписѣ, возбуждаетъ въ другихъ представленія помощью слова; но различнымъ способомъ, копорымъ каждый изъ нихъ стараешся достигнуть своей цѣли, поспановляетъ разность между Краснорѣчиемъ и Поэзію. Випися говоритъ какъ человекъ, владѣющій собою, копорый видишь внѣшніе предметы; судишь объ нихъ и чувствувешъ. Душа Поэта прогаешся ими живѣе: онъ увлекаешся ими и приходишь въ соспояніе восторга, или мечпанія, въ копоромъ его воображеніе дѣйствувешъ свободнѣе и живѣе. Отсюда происпекаешъ, что онъ смопришь на предметы не такъ, какъ другіе люди; что прошедшее и будущее являешся ему настоящимъ, воображаемое дѣйствительнo существующимъ;

что его способность предспавленія, при малѣйшемъ поводѣ, порождаетъ множественство поспороннихъ понятій, кошорья прогають его споль же сильно, какъ и непосредственно заключающіяся въ его предметѣ. Посему языкъ спихотворческій говоритъ болѣе чувспвамъ и богаче предметами. Поэтъ смѣшиваетъ съ существующимъ много воображаемаго, кошорому сообщаетъ видъ дѣйспвительности; предспавленія въ произведеніяхъ Поэта имѣють меньшую связь, нежели въ рѣчи Орашора. Не одно изложеніе предметовъ бываетъ различно у Поэта и Орашора, завися отъ различной силы ошущеній того и другаго; но такая же замѣтная разность являетсѣ и въ выраженіи каждаго изъ нихъ. Тонъ Орашора, сколько бы силенъ и прогашеленъ ни былъ, всегда естѣ спонъ челошѣка, кошорый знаетъ, что онъ говоритъ, и помнитъ, предъ кемъ онъ говоритъ. Напрошивъ того спонъ Поэта—вообще мечшательный; даже въ спѣхъ случаяхъ, когда рѣчь его спихо льетсѣ, онъ опличаетсѣ отъ языка орашорскаго спрогимъ размѣромъ, бѣльшимъ сладкозвучіемъ, нѣко-

порога рода музыкаю; онъ есть тонъ чловѣка, необычайно расстроганнаго своимъ предметомъ, и потому необычайно объ немъ говорящаго; чловѣка, копораго слова, если они даже обыкновенныя, по крайней мѣрѣ въ своей звучности носятъ омпечатокъ души, глубоко пронупой. Выраженія Орапора рѣзко опшличаюпся опъ выражений Поэта. Первый заимствуетъ оныя изъ языка разговорнаго; напрошивъ того попребностями послѣдняго рѣдко удовлетворителень общеупребительный образъ выраженія. Средствами выраженія служатъ ему необыкновенныя фигуры и обороты, смѣлыя метафоры—карпины, копорыя живописуютъ для созерцательной способности познанія, что Орапоръ излагаетъ для разсудка.

И такъ слогъ Поэта необходимо долженъ опшличаться опъ языка орапорскаго какъ по матеріи, такъ и по формѣ, выраженію и тону: посему искусство словесное раздѣляется на двѣ главныя вѣшви: Краснорѣчіе и Стихотворство.

Основаніе Стихотворства надлежитъ искашь въ геніи Поэта, а различныя вѣш-

ви онаго, или роды стихотвореній происходятъ либо отъ различности пѣмическихкихъ дарованій, либо отъ различности поводовъ къ Стихотворству.

Предметъ Поэзіи, или матерія, которую Стихотворство занимается, есть всякое представленіе ума, имѣющее доспащочную ясность, подчиненное выраженію слова и споль занимательное, что въ состояніи увлекаетъ собою души людей. Стихотворство, кажется, имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія, нежели Краснорѣчіе. Сіе послѣднее принуждено искать занимательность въ самомъ предметѣ; напротивъ того Поэтъ можетъ сообщить занимательность и самому неудобному предмету жаромъ чувствованій, живостію воображенія, необычайностію своего взгляда на вещи съ особенной точкой зрѣнія, которую выбираетъ по прихоти. Пѣніе соловья, даже насѣкомаго *), можетъ плѣнить Поэту, можетъ согрѣть его воображеніе и сердце до такой степени, что онъ предается приятной мечтательности и сладо-

*) Анакреонова Ода: *Кузнецикъ*.

спному влеченію нѣжныхъ ощущеній. Тогда фантазія рисуешь ему прелестныя картины и онъ превозимъ внутреннимъ порывомъ передашь другимъ свои чувствованія языкомъ, приличнымъ вдохновенному состоянію души его. Такъ гений Поэта умѣешь сдѣлать приятнымъ и скучный предметъ, который отвергается Орапоромъ; а предметъ богатый по себѣ, надѣляетъ избыткомъ эстетической силы, украшая его собственными мыслями, мечтами и чувствованіями. Нѣтъ ничего столь маловажнаго, чему бы Поэзія не могла придать занимательности, и нѣтъ ничего столь великаго, чего бы возвысила она не была въ состояніи. Поэтъ, собственно, не изображаетъ предмета такимъ, каковъ онъ дѣйствительно, но какимъ оный образуется его гениемъ, какъ оный украшается его воображеніемъ. Стихотворецъ заставляетъ насъ вкушать вмѣстѣ съ нимъ тѣ же ощущенія, какія волнуютъ его чувствительную душу. Въ его твореніяхъ мы видимъ тѣ явленія, которыми заняты его фантазія и сердце, а не явленія природы. И такъ Поэту, надѣленному

опъ природы счастливымъ даромъ и пылкимъ сердцемъ, самый маловажный предметъ можешь служишь поводомъ къ превосходному творенію. Однако въ выборъ Стихотворецъ всегда будетъ подчиненъ вліянію своего характера: иной изберешь предметъ возвышенный и важный; другой нѣжный и плѣнительный; иной осянотится на печальномъ, другой—на веселомъ. При семъ выборѣ, слѣдующаго голосу разсудительности и благоразумія, онъ необходимо долженъ обращать вниманіе и на шѣхъ, кѣмъ будетъ внимать его пѣснопѣніямъ. Онъ не дорожитъ каждымъ необыкновеннымъ соспоаніемъ своего воображенія и сердца, не все повѣряетъ свѣшу на преножникъ Аполлоновомъ. Его собственная честь, уваженіе къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, уваженіе ко всему человѣчеству заставляють его быть разборчивымъ и только сія осторожность можеть ему упрочить почтеніе и признательность современниковъ и потомства.

Таково дѣйство Стихотворства на Поэта; не менѣе важно вліяніе онаго на сердца людей, внемлющихъ волшебнымъ

звукамъ онаго и способныхъ чувствовашь. Если неложно старинное замѣчаніе, что слово, выходящее изъ глубины сердечной, до сердца же проникаеть: то Поэтъ есть властелинъ надъ сердцами людей. Не только мысли и каршины его твореній носятъ на себѣ знаменіе чувствительнаго сердца; но и самое выраженіе, понь всей рѣчи его свидѣтельствуютъ о томъ и непосредственно возбуждаютъ въ насъ тѣ же чувствованія, какія наполняютъ душу Поэта. Глубина сердца человѣческаго неизслѣдима и законы дѣйствій его не могутъ быть опредѣлены. Нерѣдко представленія, которыя прежде безъ всякаго впечатлѣнія раждались и исчезали въ душѣ нашей, возбужденныя снова, получаютъ необыкновенную силу, покоряющую всю душу, единственно опъ счастливаго оборота, часно даже только опъ звука словъ, въ которыя они облакаются. Пѣсни, не заключающія въ себѣ ничего новаго, но что уже тысячу разъ безъ малѣйшей силы мы думали и чувствовали, сіи пѣсни производятъ необычайное дѣйствіе единственно опъ того, что въ нихъ счастливо найденъ понь, который

попрыскаетъ всѣ пайныя струны нашего сердца. Никакое размышленіе, никакое искусство не могутъ указать намъ тѣхъ предспавленій, которыя въ каждомъ особенномъ случаѣ возбуждали бы въ душахъ точно тѣ ощущенія, какія мы желаемъ возбудить. Но Поэтъ, коего чувспвишельную душу наполняетъ одинъ предметъ, обнаруживаетъ свое душевное состояніе съ такою силою, что всѣ свои чувспванія передаетъ и намъ. Если онъ самъ дышетъ непобѣдимымъ мужеспвомъ: то и намъ его внушаетъ; если онъ съ швердоспію переноситъ удары судьбы: то вмѣстѣ съ нимъ и мы прѣживимся року; если его сердце пламенѣетъ живою любовію къ добродѣтели, то и въ насъ возжигается потъ же чистый пламень; если онъ съ радоспнымъ ожиданіемъ вспрѣчаетъ приближеніе смерти, то и въ насъ угасаетъ приверженность къ жизни. И такъ Поэзія можетъ приводить въ движеніе всѣ пружины нашего духа и властвовать волшебною силою надъ сердцами людей. Она не оказываетъ такого дѣйствва исключительно при пособіи упопченнаго искусства и разборчивой кри-

пики: для сего доспашочно уже одного соединенія природы и генія. Мы всегда почишаемъ величайшими Спихотворцами шѣхъ, копорыхъ природа сотворила Поэтами, прежде нежели искусство предлагало свое пособіе Генію *).

Поэзія, по важности своихъ дѣйствій, заслуживаетъ бытъ соединена шѣснѣйшими узами съ Религією и Полишикою. Природа человѣческая способна къ дѣламъ великимъ, хотя человѣкъ рѣдко производитъ великое. Спихотворство, направляемое религією и мудрою полишикою, можетъ приводить въ дѣятельность сокрышную въ человѣкѣ способность къ великому. Если по мнѣнію одного изъ знаменитыхъ философовъ, всѣ искусства должны спвуютъ бытъ подчинены Полиши-

*) La poésie populaire et purement naturelle a des naifvetés et graces par où elle se compare à la principale beauté de la poesie parfaite selon l'art; comme il se veoid ez villanelles de Gascoigne et aux chansons qu'on nous rapporte des nations qui n'ont cognoissance d'aulcune science ny mesme d' escripture. *Montaigne* L. I. chap. 54.

кѣ *): то Поэзія и Краснорѣчіе, какъ важнѣйшія, должны привлекать особенное вниманіе законодателей. Точно такъ и было въ древнія времена. Въ древности многіе Цари или сами были Поэтами, или въ пособіе Полипикѣ заимствовали услуги Спихопворцевъ. Извѣстно въ какой важной санъ облечены были Барды у разныхъ Цельшическихъ народовъ. Хвала Поэту, который, не будучи вызываемъ наградою благосклонности, просвѣщаетъ нашъ умъ и согрѣваетъ сердце наше небеснымъ огнемъ, возженнымъ въ душѣ его чисными Музами; который дѣлаетъ насъ чувствительными ко всему прекрасному и доброму; который, въ своихъ твореніяхъ, передаетъ намъ спасительныя истины и возбуждаетъ въ насъ благородныя чувствованія!

Начало Поэзіи должно искать непосредственно въ самой природѣ челоуѣка. Каждый народъ, который умѣлъ вознестись на нѣкоторую степень образованности ума и утонченности чувствова-

*) Aristot. Exhior. lib I. c 2.

ній, имѣлъ своихъ Стихопворцевъ. Не особенная какая либо обязанность, не особенное побужденіе заставляло сихъ Поэтовъ выражать въ чувственныхъ картинахъ и въ стройныхъ размѣрахъ то, что они ощущали сильнѣе, нежели другіе; но ими управляло одно желаніе, пробуждающееся во всякомъ благородномъ сердцѣ, желаніе сообщить другимъ все то прекрасное, чѣмъ оно само исполнено. Нѣтъ сомнѣнія, что у каждаго народа первые Поэты были люди одаренные высшимъ гениемъ и пламеннѣйшими чувствами, нежели прочіе; люди раскрывшіе, въ своемъ умѣ истины, а въ сердцѣ чувствованія, копорыхъ важность они живо ощущали и копорыя спарались распространять изъ любви къ своимъ согражданамъ. Хотя почти ни у одного народа бышописанія не восходящъ къ шѣмъ временамъ, когда начиналось у него развитіе ума и чувствъ; но въ оныхъ сохранились указанія, что у различныхъ племенъ древнѣйшіе Стихопворцы, для наставленія народнаго, предлагали въ благозвучныхъ выраженіяхъ правила жизни и уроки нравственности, копорыя они

открыли и коихъ спасительное вліяніе живо чувствовали.

Когда сіи первые отпрыски Спихопворства указали людямъ средства распрощраняющъ полезныя истины, облакая ихъ въ приятную наружность: тогда замѣчено, что кромѣ размѣрнаго паденія словъ, такое же дѣйствіе производятъ и пламенное выраженіе мыслей и живыя картины. Такимъ образомъ мало помалу созидался и усовершался языкъ спихопворный. Вѣроятно, что первые поэтическіе опыты состояли изъ отдѣльныхъ спиховъ, подобно большей части пословицъ нашихъ и краткихъ предложений, въ два или три спиха заключенныхъ. Въмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искусства открывались средства наставляющъ народъ аллегоріями и баснями; законы и все, къ Религіи относящееся, украшались симъ новымъ языкомъ, и вскорѣ гимны начали разжигать пламень любви къ отечеству. Благороднѣйшіе мужи, вдохновенные творческимъ гениемъ и покорные одному внушенію Музы, учинились наставниками и предводителями своихъ согражданъ, и тогда

высокій самъ наставницы и правительницы человѣчества сдѣлался достояніемъ Поэзіи. Нѣкоторые народы такъ сильно чувствовали пользу сего искусства, властвовавшаго надъ сердцами людей, что награждали особенными преимуществами счастливецъ, обладавшихъ симъ даромъ. Такъ образовалось званіе Поэтовъ, или Бардовъ.

Истинная исторія Поэзіи у одного какого либо народа, безъ сомнѣнія, была бы въ то же время исторією хода сего искусства и у всѣхъ прочихъ; слѣдовательно важною вѣтвью всеобщей исторіи ума человѣческаго: но мы нигдѣ ее не обрѣцаемъ. Изъ дошедшихъ до насъ преданій, подробнѣе прочихъ свѣдѣнія объ Исторіи Греческой Поэзіи. Ее можно раздробить на четыре главные періода, сообразно съ четырьмя различными видами, въ которыхъ Стихотворство являлось. Первый періодъ, о которомъ не уцѣлѣли никакія извѣстія, заключаетъ въ себѣ то время, когда Поэзія начала пу-скашь первыя отрасли, когда творенія оной были шолько нравственные изрѣченія, или весьма краткія изображенія

какой нибудь спраспи, внезапно возбужденной. Сіи изображенія обыкновенно сопровождались пѣніемъ и пляскою. Въ сіе время Поэзія не была еще искусствомъ; если при шоржеспвенномъ собраніи кто либо чувспвоваль необыкновенную пылкость въ воображеніи, шопль приглашалъ и другихъ къ пѣнію и пляскѣ; и шогда предметъ спраспи былъ выражаемъ не ровною рѣчью. Точно шакъ въ новѣйшія времена обнаруживаются первые опышы въ музыкѣ, пляскѣ и Поэзіи у необразованныхъ народовъ Канады. Арисшопель, кажешся, имѣль шакое же понятіе о началѣ спихошворнаго искусства, и сіи первые опышы въ ономъ называешъ *αυτοφιδίασματα* *), или творенія, обязанная происхожденіемъ инспинкшу, а не намѣренію.

Можно предполагашь, и съ нѣкошорымъ вѣрояшіемъ, что уже въ сіи времена шипическіе опышы носили на себѣ опличительныя чершы шрехъ главнѣйшихъ родовъ спихошворшва: Лирическа-

*) Poetic. с. 4.

го. Эпическаго и Драмагическаго. Колесница Тесписа еще являетъ собою грубый видъ рождающагося спихотворства; но несмотря на то Платонъ, увѣряетъ, что первые опыты въ Трагедіи восходятъ гораздо ранѣе время Тесписовыхъ. Лирический родъ, по всему вѣроятію, самый древній; ибо онъ есть выраженіе страстей; а увеселенія, которыя всѣ вообще грубые народы учреждаютъ послѣ счастливаго окончанія брани, можетъ быть, заключали въ себѣ первыя сѣмена образовавшейся въ послѣдствіи Эпической Поэзіи.

За симъ первымъ періодомъ, вѣроятнo не прежде, какъ по прошествіи многихъ лѣтъ — слѣдоваль впорый. Въ сіе время остроумнѣйшіе изъ аупоксидіасматисповъ, или Поэтовъ образованныхъ инстинктомъ, размышляли о формѣ и дѣйствіи первыхъ опытовъ. Изъ нихъ иныя, побуждаемые своекорыстнымъ намереніемъ снискавъ уваженіе согражданъ, или управлявъ ихъ умами; другіе, дѣйствительно движимые опеческою заботливостію о распространеніи полезныхъ знаній и образованіи нравовъ, спали рас-

полагають по обдуманнимъ правиламъ, какъ содержаніе своихъ швореній, такъ и самое изложеніе. Кажется, что стихотворцы сего вѣснѣшаго періода были наставниками, законодателями, главами и предводителями. Къ сему времени, хотя конечно къ испеченію онаго, можно отнести существованіе первыхъ Поэтовъ, которые извѣстны у Грековъ по одному имени и которыхъ шворенія сохранялись въ народѣ. Въ сіе время Орфей воспѣвалъ Космогонію, или происхожденіе вселенной, и занятую имъ у Египтянъ систему Богословія; Музей, ученикъ его, воспѣлъ пошъ же предметъ языкомъ оракуловъ (темными гекзаметрами). Евмолій облечь въ стихотворную форму шворенія Цереры и соединилъ въ своемъ швореніи все, что тогдашня нравовѣдѣніе, политика и вѣра предсказывали превосходнаго. Тамиръ описалъ брань Титановъ въ аллегорическомъ сочиненіи о мірозданіи. Различныя шворенія, уцѣлѣвшія опъ сего періода, сохранялись долгое время у Грековъ, но до насъ не дошли.

Третій періодъ исторіи Стихотворства естъ пошъ, когда начинаютъ по-

чищать его искусствомъ, принадлежащимъ къ нѣкопорому особенному роду жизни; когда Поэты образуютъ особый классъ людей, ничемъ другимъ, кромѣ стихотворства, незанятыхъ. Эпоху періодъ можно назвать вѣкомъ Бардовъ. Сіи Барды были призванные, или за плату обязавшіеся пѣвцы, копорые содержались при дворахъ влaстителей малочисленныхъ племенъ того времени. Такъ Семей жилъ при дворѣ Улисса, и Демодокъ при дворѣ Алкиноя. Они пѣли при торжественныхъ сходкахъ какъ для увеселенія, такъ и для назиданія пирующихъ; стихотворенія ихъ были либо аллегорическаго содержанія изъ испоконъ боговъ, либо героическаго о подвигахъ героевъ. Кажется, что сіи пѣвцы были въ то же время друзьями и совѣтниками вельможъ, копорые ихъ содержали. Утверждаютъ, что съ древнѣйшихъ временъ и почти до нашихъ, подобные пѣвцы были содержимы повелителями Шотландскихъ племенъ.—Къ концу сего періода, или, по крайней мѣрѣ, къ началу послѣдующаго, принадлежатъ Гомеръ.

Четвертый періодъ наступилъ послѣ

уничтоженія царской власпи въ большей часпи Государствъ Греціи; когда водворилось бѣльшее равенство между гражданами и не спало вельможъ, копорые имѣли бы въ своихъ услугахъ Бардовъ и пѣвцовъ. Тогда, кажется, вышло изъ обыкновененія почитать спихопворцевъ людьми особаго званія, или особаго образа жизни. Но спихопворенія Бардовъ еще сохранялись и пѣвались. Кому геній внушалъ любовь къ спихопворству, шощъ дѣлался Поэтомъ, не будучи никемъ къ шому приглашаемъ, и, вѣроятно, даже не покидая прежняго своего рода жмзни. Тогда, какъ и нынѣ, занимались Поэзією или какъ дѣломъ постороннимъ, покорствуя шолько непреодолимому влеченію генія, или посвящали себя ей исключишельно, съ надеждою снискашь славу.

Поэшы сего времени могутъ бышь раздѣлены на два разряда. Одна часть шрудилась на пользу Религіи, Философіи и Полишникъ; другая единствененно для своего удовольствія. Сіи послѣдніе соспавляли въ шо время классъ людей, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Писателей оспроумныхъ, или, какъ называють ихъ Фран-

цузы, *les beaux esprits*. Первые смотрѣли на Поэзію съ благородной почки зрѣнія, какъ на насшавницу чловѣчсшва, копорая симъ мудрымъ философамъ, или людямъ дальновиднѣйшимъ, судившимъ о дѣлахъ нравсшвенности и полипики правильнѣе, чемъ грубая толпа, могла служить средсшвомъ ко всеобщему распро- страненію знаній и гражданскихъ добродѣтелей. Мудрость, копорой достигли прудной спезею размышленія, облекали они въ приятную наружность спихотворсшва и передавали своимъ согражданъ, или безъ всякаго особеннаго къ тому призванія, какъ напрымъръ: Гезіодъ, Эзопъ, Солонъ, Эпименидъ, Симонидъ и другіе, или же по приглашенію правительсшва, украшая своими швореніями общенародныя шоржесшва, какъ: Эсхиль; Софокль, Еврипидъ, Пиндаръ, и прочіе. Сіи мужи вознесли искусстввенную Поэзію на высшую степень совершенсшва. Напрощивъ шого другіе Писатели, шакъ называемые оспроумные, каковы: Анакреонъ, Сафо, Алцей и многіе иные, упошребляли Поэзію единсшвенно для увеселенія, для угожденія прихошамъ воображенія и

остроумія . Съ сего времени Поэзія, подобно Венерѣ, является въ двухъ образахъ: въ небесномъ и земномъ; первая блистаетъ красотою возвышенною, послѣдняя приманкою жриць нѣги.

Доколѣ Греція наслаждалась свободою и отличнѣйшіе умы ея могли не пѣснись вольнаго полета своихъ помысловъ и чувствованій, доколѣ Поэзія держалась на той высотѣ, кошорая поставляетъ ее выше всѣхъ прочихъ искусствъ. Но когда вмѣстѣ со свободою угнетены были и высокія чувствованія гражданской добродѣтели, тогда и Поэзія должна была утратить свою лучшую силу. Тогда переспали заботиться о насажденіи въ людяхъ нравственности и добродѣтели. Роскошь, воцарясь при дворахъ преемниковъ Александра Македонскаго, изгнала естественную простоту нравовъ, и добродѣтель учинилась бесполезною, или даже вредною. Властители народовъ, особливо Птоломеи въ Египтѣ, призывали уже ко дворамъ своимъ людей остроумныхъ не такъ, какъ прежде было, въ качествѣ Бардовъ и даже не въ качествѣ философовъ и совѣтниковъ; но какъ люди съ приятными даро-

ваніями, которые могли служить веселыми собесѣдниками. Это было причиною, породившею новое поколѣніе стихотворцевъ, которые испытывали силы генія своего въ различныхъ родахъ Поезіи не изъ природной склонности, какъ Анакреонъ, не изъ благородной любви къ славѣ, какъ Софокль и его современники; но слѣдуя модѣ, или изъ угожденія вельможамъ, или будучи подспрекаемы тщеславіемъ, самымъ низкимъ родомъ честолюбія. Къ числу такихъ стихотворцевъ принадлежатъ: Каллимахъ, Теокрысъ, Аполлоній и многіе другіе, которыхъ писанія опчаски уцѣлѣли. Сии стихотворцы принадлежали къ тому роду, который и нынѣ въ модѣ: цѣлю ихъ была не польза современниковъ, но снисканіе извѣстности своими дарованіями. Съ ними начался серебряный вѣкъ Поезіи.

Должно признаться, что хотя они были Поэтами только изъ подражанія; но умѣли весьма искусно приблизиться къ своимъ образцамъ, къ твореніямъ истинныхъ, оригинальныхъ Поэтовъ. Посему они слѣдуютъ непосредственно за лучшими оригинальными стихотворцами

и могутъ служишь образцами для Поэ-
шовъ новѣйшихъ. Послѣ нихъ Поезія Гре-
ческая поспешенно приходила въ упадокъ,
болѣе и болѣе теряя свое достоинство,
хотя и удерживала значительные осташ-
ки своихъ прежнихъ красотъ, даже до
временъ Императоровъ Римскихъ.

Съ Нѣмец. Н.

Паденіе листьевъ.

Осенній вѣпръ съ густыхъ вѣшвей,
Листы поблекшіе срываетъ,
И нѣжной пѣснью соловей
Уже денницы не встрѣчаетъ.
Во цвѣтѣ юности всѣхъ силъ,
Недугомъ, горесью лишенный,
Спрадалецъ, медля, проходилъ,
Лѣсъ, нѣкогда ему безцѣнный.
“Прости, о роща! видъ швой мнѣ
Мою судьбину представляешь,
И каждый павшій листъ къ землѣ,
Часъ ранней смерти возвѣщаетъ.
О прорицатель роковой!
Словъ спрашныхъ вижу исполненіе:
“Въ послѣдній разъ взоръ встрѣшишь швой
“Долинъ и лѣса опустѣнне;
“Уже сонъ смертный ждетъ шебл;

“Блѣднѣй, чемъ осенью унылой
 “Лиспокъ—шы вспрѣшишься съ могилой,
 “И юность опцвѣшешь швоя
 “Скорѣй, чемъ полевая розы;
 “Скорѣй, чемъ виноградны лозы!”, —
 И вошь ужь смерть передо мной,
 Тогда какъ вѣкъ мой былъ мгновенье;
 И радость жизни молодой,
 Я проводилъ какъ сновидѣнье.
 И шакъ вались, вались скорѣй
 Послѣднй лиспъ, и скрой опъ мжлой,
 Опъ скорбной мащери моей
 Тропу несчастнаго къ могилѣ.
 Но если съ мрачною поской,
 Въ часъ тихій вечера, рыдая
 Моя подруга молодая,
 Придешъ искашь прахъ скрышый мой,
 Тогда, какъ вѣшперокъ весной,
 Пущъ легкй шумъ вашъ пронесешся,
 И будишь горешпную швнь —
 Она невольно содрогнешся
 И воздохнешъ.....,—На шрепй день,
 Просшился съ жизнью безопрадной;
 И въ роцѣ шрупъ спрадальца хладной
 Подъ спарымъ дубомъ положень.
 Увы! недолго въ грусши мащъ
 Ходила слезы проливашъ
 Къ гробницѣ сына одинокой;
 Но шамъ, въ душѣ съ шоской глубокой,
 Его подруги де видащъ.

И только проходя съ spadaми,
 Настужь вечернею порой,
 Неоспорожными шагами
 Мирь нарушаетъ гробовой.

Саратовъ.

Степанъ Степановъ.

20 апр. 1825.

~~~~~

Анетъ.

Давно ли ты клялась, Анеша,
 Павлушу добраго любишь?
 И общала, не для свѣша,
 А для него на свѣшѣ живишь?

*

Прошло не больше полугода —
 И ты забыла свой общашь!
 Непостоянна какъ погода,
 Ты полюбила шумный свѣшъ!

*

Не вѣрь обманчивому свѣшу!
 Анеша! все пройдетъ какъ сонъ!
 Какъ ты Павлушу, такъ Анешу,
 Чрезъ полгода забудешь онъ.

Н. Скородумовъ.

~~~~~

КЪ ТИРЗЪ.

Вторая Элегія Лорда Бейрона.

I.

Умолкните, горестные аккорды и
 нѣкогда споль пріянная для меня мело-
 дія! Или сокроюсь отсюда, не смѣя болѣе
 внимать симъ звукамъ, напоминающимъ
 мнѣ счастливѣйшіе дни моей жизни.
 Преспаньте звучать, струны арфы! Не
 могу понять, что я шеперь и что былъ
 прежде!

II.

Умолкъ голосъ, котораго пѣніе было
 споль восхищительно — и вся прелестъ
 онаго исчезла. Самые гармоническіе изъ
 сихъ звуковъ не что иное для меня, какъ
 печальный гимнъ надъ жителемъ гроба.
 Такъ, они говорятъ мнѣ о тебѣ, священ-
 ный прахъ! Сладостная ихъ мелодія раз-
 дираешь мою душу сильнѣе, нежели са-
 мая неспройная музыка.

III.

Молчаніе царствуетъ вокругъ меня,
 но эхо поражаетъ мой слухъ. Слышу го-
 лось, котораго не желалъ бы слышать,

кошорый долженъ бы бышь нѣмъ. Но увы! какъ часпо волнуешъ онъ нерѣшипельную мою душу. Онъ зовешъ меня во время моего сна; но напрасно пробуждаюсь, что бы внимать нѣжнымъ его звукамъ....мечпа исчезаетъ!

IV.

О, Тирза! и во снѣ и на яву ты для меня теперь одна только милая мечпа.. какъ небесное свѣпило, кошорое на минуту показывается надъ волнами морскими, что бы попомъ сокрыть лучи свои отъ земли. Но смершнѣй, принужденный прошекашъ многопрудную спезю жизни, когда небо во гнѣвѣ своемъ покрывается мрачными облаками, долго сожалѣешъ объ упѣшипельной звѣздѣ, кошорой радоспное сїаніе пушеводило блуждающія спопы его.

Сѣ Франц. X.

О ПРИВИВАНИИ ПО ДЕРЕВНЯМЪ ОСПЫ.

Отрывки изъ частныхъ писемъ.

1.

Село Д...6 Майя 1825.

Покорнѣйше благодарю васъ, дражай-
шій папилька, за оспу, копорую вы мнѣ

*) Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ ме-
диковъ и искреннихъ моихъ приятелей,
передъ отъѣздомъ отсюда старшей заму-
жей своей дочери въ деревню, обучилъ ее
прививать оспу. Случайно увидѣлъ я у не-
го на сихъ дняхъ письма изъ этой дерев-
ни отъ дочерей его: старшей, копорая са-
ма прививала оспу крестьянскимъ дѣтямъ,
и младшей, копорая госпишь у нее. Я не
могъ безъ сердечнаго удовольствія прочесть
этихъ писемъ и упросилъ почтеннаго мо-
его приятеля, что бы онъ позволилъ мнѣ
напечатать ихъ въ *Благонамѣренномъ* безъ
всякой поправки шакъ, какъ онѣ написаны.
Вошъ новое доказательство, что Русскіе
крестьяне отнюдь не имѣють того гибель-
наго предубѣжденія противъ прививанія ос-
пы, копорое многіе имъ приписывали и

прислали. Я уже привила шеспидесяпи дѣтямъ: однако натуральная успѣла между шемъ двоихъ изъ нашихъ крестьянскихъ похишишь. Уже восемь лѣшь, какъ ее здѣсь не было, а нынѣ она свирѣпсвуешъ во всѣхъ окружныхъ деревняхъ. Я хочу выучишь Никишу прививашъ ее и велѣла приѣхашъ изъ села Сущева, что бы привишь нѣкошорымъ. — Иные давали мнѣ по два и по полпора аршина холста, и я брала опъ шѣхъ шолько, опъ кошорыхъ никакъ не могла опвязашъся, и набрала уже 20 кусочковъ, кошорые могушь замѣнишь 20 посудныхъ полопенець. Иные приносили по 5, а нѣкошорые и по 10 яиць; другіе же хопѣли плашишь мнѣ по 10, по 15 и даже по 20 коп.

2,

15 Маіа.

Оспа привиша шеспидесяпи нашимъ крестьянскимъ ребяпишкамъ, Деревни

даже теперь приписываюшъ. — О если бы спасительное прививаніе оспы по деревнямъ вошло у нашихъ помѣщиць въ моду—шогда написалъ бы я имъ—оду. *Изд.*

Дружковой 16 и деревни Горокъ 12. У бо нашихъ принялась и совсемъ гопова; о чужихъ же не знаемъ, попому что онѣ со времени прививки не бывали. Послѣдніе замучили Annette *): рано поушру наѣхало ихъ множество; мы просыпаемся, глядимъ въ окошко и видимъ, что вся улица прошивъ нашего дома заспавлена пелѣгами. Спрашиваемъ: что это значить? Говорятъ: приѣхали попросить привить оспу. Между темъ они спорятъ кому прежде идти, бросають жеребій; но пѣ, копорымъ досталось идти послѣ, начали спорить, и говорятъ: *кто прежде пришелъ, тотъ и пойдетъ*. Другіе кричатъ: *мы приѣхали прежде всѣхъ; за что же должны идти послѣ?* — Нашли всѣ: кто прописался въ переднюю, кто караулить у дверей—а шамъ уже и вся наша горница набила пакъ, что нельзя и поворошиться. Всѣ безопвязно надоѣдали, шацили за плашь Annette пакъ, что она не знала что дѣлать. Долго продол-

*) Имя молодой, доброй помѣщицы, прививавшей оспу—Annette . . . много лѣтъ ей здравствовашь!

жалось это; насилу ихъ выжили. Они спѣшили шемъ болѣе, что и у нихъ свирѣпствуетъ натуральная, и всякой вида опасность, желалъ спасши своихъ. Признайся, довольно надоѣли они намъ крикомъ; только и слышишь: *матушка, вѣдь у меня оспа въ шабрахъ* *), *а паренёкъ одинъ!*—Одна баба говоритъ Annette: *нашъ натальникъ* (ш. е. спаросша) *хотѣлъ прислать за тобой телѣгу, то бы ты жъ намъ приѣхала.* А мнѣ многіе говорили: *золотая моя, серебряная, да покутъся же сестрицѣ, то бы моему привила прежде: вѣдь я родня Естифею такому-то какъ будто онъ преважная особа!*

АНЕКДОТЫ О ТАМЕРЛАНѢ.

Тамерланъ, когда шелъ со многочисленнымъ войскомъ пропивъ Баязеша, послалъ къ нему слѣдующее грозное и оригинальное по своимъ выраженіямъ письмо: *“Корабль швоего гестолюбія гибнешъ въ пугинѣ самолюбія; опусти паруса*

*) ш. е. въ сосѣдствѣ.

“пвоей безумной дерзости и брось якорь
 “досады въ пристанище гистосердечія,
 “что бы буря ентѣва моего не занесла ше-
 “бя въ море наказанія *).,,

Сколь ни жестокъ былъ Тамерланъ,
 по свидѣтельству Европейскихъ писа-
 телей; но онъ сносилъ все отъ людей у-
 ченыхъ и добродѣтельныхъ. Когда онъ по-
 бѣдилъ гордаго Баязеша, то пожелалъ ви-
 дѣшь въ Никеи одного славившагося въ
 то время мудреца. Сей осмѣлился сдѣ-
 лать ему справедливый упрекъ. — “Не-
 прилично великому Государю, сказала
 мудрецъ, приводишь грады въ запускѣніе,
 разрушаешь царства и истребляешь на-
 роды; кропкое и благодѣтельное правле-
 ніе принесло бы ему болѣе чести и сла-
 вы.,,—Тамерланъ ни мало не разгнѣвался,
 но смѣючись отвѣчалъ: всему причиною
 мой шаперъ: никогда не посмоишь онъ
 спокойно: если выходишь въ немъ вечеромъ
 на воспокъ, то упрямъ онъ обратишься
 уже на западъ.—

В. Тр.

*) И нынѣшніе наши липшературные на-
 ѣзники не уступяшь Тамерлану ни въ фи-

Отъ Издателя.

Особы, желающія получать журналъ :
Благонамѣренный, и на послѣднюю полови-
 ну нынѣшняго года, ш. е. съ Юля 1825 по
 Генварь 1826, благоволяшъ подписываться
 сколь можно благовременнѣе, ибо Издапель
 будетъ печашать только по количеству,
 которое соразмѣрно будетъ числу подписчи-
 ковъ.

Шарада, напечатанная въ XX N^o, зна-
 чишь: *Музы - Кантб* .

гуральности, ни въ оригинальности. *Изд.*
Бл.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXII,

О БУЛГАРАХЪ *).

Булгары, по мнѣнію бытописателей, вышли изъ Россіи, и жили долгое время въ окрестностяхъ рѣки Волги. Потомъ перешли они къ берегамъ Азовскаго моря, переправились чрезъ Донъ, и усстремились опшуда на Восточную Имперію и на зависящую опъ нея, или сопредѣльную ей часть Европы. Въ первый разъ упоминаеть о нихъ Исторія въ 485 году опъ Р. Х. Одно имя ихъ приводило въ прелепъ Императоровъ. Впорженіи ихъ сопровождались ужаснѣйшими опустошеніями. Греки и природные жители шѣхъ сшранъ, на кои они нападали, не могли прошивустоять дикой ихъ неуспрашимости и принуждены были успустить

*) Сочинитель, при составленіи сей статьи, пользовался новѣйшими источниками.

имъ Мизію. Они назвали еѣ по своему имени Булгарією, и были самыми безпкойными и опасными сосѣдами Греческихъ Императоровъ, а особливо Лашинскихъ, царствовавшихъ въ Конспаншинополѣ съ 1204 по 1265 годъ.

По перенесеніи оружія Опшомановъ въ Европу, Булгары, невзирая на храброе сопротивленіе свое, первые изъ Христіанскихъ народовъ, подпали подъ власть Сулпановъ, за полвѣка до взятія Конспаншинополя Магомешомъ II. Они испытали всѣ жестокости, коимъ Магомешане подвергали Христіанъ, и принуждены были отдавать сыновъ для воспитанія ихъ въ вѣрѣ Лжепророка, кои поступали потомъ въ *Орты* (полки) Янычаръ.

По совершенномъ паденіи Греческой Имперіи, невзирая на разность происхожденія и языка, они, какъ единовѣрцы Грековъ, включены въ послановленіе о Христіанскихъ *Раясахъ*. Въ силу онаго, могутъ они исповѣдывать свою вѣру, и освобождены отъ насильственной отдачи малолѣпныхъ сыновей въ Янычарское войско; но должны плащить *Башъ - Карашъ* (подушную), и въ почности выпол-

ияшъ многія обременительныя, унижительноя и оскорбительноя повинности.

Булгары, по виду бѣдные, нерѣдко хваляшя древностию и благородствомъ своего происхожденія, и выставляющъ свои права на высшія званія; но принуждены довольствовашясь бесполезнымъ сожалѣніемъ и щепною надеждою. Турецкое правительство не терпитъ между Христіянами, особливо *Раясами*, не только никакихъ преимуществъ, но даже самыхъ приязаній на оныя.

Булгары болѣе занимающяся земледѣліемъ и скотоводствомъ, и поному предпочитающъ сельскую жизнь городской. Между ними мало ремесленниковъ и лавочниковъ, а еще менѣе купцевъ.

Паши препоручили старшинамъ ихъ собирать со своихъ единоземцевъ подушную и взимать прочія подати для доставленія оныхъ въ Турецкія казначейства. Для сего предмеша, сначала учредили Булгары земское управленіе, избираемое опцами сѣмействъ и утверждаемое Турецкими правителями, которому даровали попомъ власть устанавляшъ и опредѣляшъ общественыя ихъ сношенія.

Булгары совершенно упростили свой природный языкъ, а говорящъ нарѣчіемъ Словенскимъ. Они вообще кропки, шерпѣливы, воздержны и гостепріимны; имѣюць великое сходство съ Малороссіянами. какъ по нраву, такъ и по естественному успроенію тѣла и чертамъ лица.

Число Христіанскихъ Булгаръ простирается отъ девяти сотъ тысячъ до милліона, болѣе живущихъ въ тѣснинахъ Балканскихъ и въ восточной Булгаріи; западная же, гдѣ лежатъ города: Софія и Филиппополь, болѣе населена Греками.

Булгары, лишенные почти всякихъ сношеній съ образованными Европейцами, не составляютъ совокупнаго и нераздѣльнаго народа, но разсѣяны по отдаленнымъ другъ отъ друга селеніямъ. Они издавна приучены къ пришвененіямъ, имѣюць мало историческихъ преданій о своемъ отечествѣ и еще менѣе свѣдѣній въ наукахъ.

П. Яковлевъ.

ПРОСТИ.

Элегія Лорда Байрона.

— Увы! они любили другъ друга въ юности своей; но злые языки умѣють вливатьъ ядъ въ ишину и постоянство обитаетъ шокмо на небесахъ! Путь жизни усянь колючимъ шернѣмъ; юность не что иное какъ суеша; гнѣвъ прошивъ шого, кого любимъ, еспъ иштинное безуміе
 Никогда не могли они соединиться, что бы облегчашъ спраданія своихъ сердець, исполненныхъ горесныхъ воспоминаній; они смопряшъ другъ на друга издалека, какъ двѣ скалы, раздѣленные людьми; ненависное море шечешъ между опдѣленныхъ ихъ опломковъ— но ни лѣшо, ни зима, ни самъ перунъ не въ соспоаніи вовсе изгладишъ признаковъ шого, чемъ нѣкогда онъ были.

(Christabel, poëme de Coleridge.)

Прости! и если должно шакъ, по *прости* навсегда! Напрасно ты отвергаешь меня! Сердце мое никогда не вспанешъ прошиву шебя. Ахъ! длячего не можешъ ты видѣшъ это сердце, на ко-

поромъ споль часто покоилась во время тихаго сна, и копораго не будешь имѣшь болѣе? Длaczego не могушь бышь открыты предъ побюю самья тайныя его помышленія? Можешь бышь, ты призналась бы наконецъ въ несправедливомъ къ нему презрѣнїи.

Напрасно свѣтъ оправдываетъ тебя и съ улыбкою одобряетъ гибельный ударъ, меня поразившій. Похвалы свѣта должны оскорблять тебя, когда онѣ основаны на несчастїи пвоего супруга. Если бы и дѣйствительно моцъ я упрекать себя въ чемъ нибудь; то, для нанесенія мнѣ споль жестокой раны, развѣ не могли избрать другихъ рукъ, вмѣсто пѣхъ, копорыя нѣкогда обнимали меня?

Не обманывай же сама себя. Любовь мало помалу можешь исчезнуть; но внезапное насиліе не въ соспоянїи разлучить сердце. Твое пылаетъ еще любовію; мое, хопя разперзано, но все еще бьется. Одна мысль вѣчно будетъ сокрушать насъ: *мы разстались навсегда!*

И погребальныя вопли не сполько раздраютъ душу, какъ эти слова. Мы живемъ въ разлукѣ и всякое ушро просы-

паемся одиноки. Когда ты вздумаешь утѣшиться своею дочерью, когда первые звуки ея голоса доспигнуть до тебя, научишь ли ты ее произносить: *папенька*, хотя и никогда не должна она пользоваться его ласками? Когда ручонки ея обовьются вокруг твоей шеи, когда уста ея прикоснутся къ твоимъ—вспомни того, который непрерывно возсылаешь обѣты о твоемъ благополучи, котораго любовь твоя дѣлала столь счастливымъ. И если дочь наша скольконибудь походила на отца своего, котораго ты не должна болѣе видѣть, то вѣрное сердце твое забьется еще для него.

Можетъ быть, всѣ мои заблужденія тебѣ извѣстны; но никакъ не знаешь, откуда происходитъ мое безуміе! Гдѣ только ты, тамъ вся надежда моя исчезаетъ; но между темъ слѣдуетъ она за тобою. Всѣ чувствованія моего сердца измѣнились: гордость моя, ни для кого неприспущная, смиряется предъ тобою; оставленный тобою, чувствую, что и душа моя меня оставляетъ.

Свершилось! Всѣ просьбы бесполезны, а моимъ не хочешь ты и внимать! Но

есть мысли, копорыхъ мы не можемъ
подавить и копорыя вырываются про-
шивъ нашей воли. Еще разъ *прости!* —
Разлученный со всею, что для меня дра-
гоцѣнно, сердце мое сохнешь. Я одинокъ
въ семь мѣръ; душа моя разтерзана, а не-
возможность умереть приводитъ меня
въ совершенное опчаяніе. *Прости!*

Съ Франц. Х.

~~~~~

Къ Прелестницѣ.

Вчера въ бесѣдѣ любовной
Опять я встрѣтился съ тобой!—
Попуя взоръ, къ спинѣ спиной,
Мы разошлись опять безмолвно.
Я заболѣлъ опять душой.—
Минувшихъ дней очарованья,
Давно оплаканный уронъ,
Любовь и пайныя свиданья,
И кляшвы, игры и лобзанья
Невольно вспомнилъ я какъ сонъ!
И оробѣвъ опасной встрѣчи,
Спѣшилъ разпроганный домой —
Но слѣдомъ ты, какъ тѣнь за мной...
И умоляющія рѣчи
Вновь овладѣли всей душой.
Невольно я съ тобой остался...

Знакомства хладный разговоръ
 Воспоминаемъ нагрѣвался. —
 Уже пошупленный мой взоръ
 Опяшь, какъ прежде; загорался;
 Уже смѣлый я пожималъ
 Твою шрепещущую руку,
 И опкровенный, изливалъ
 Души встревоженную муку,
 И на измѣну, на разлуку
 Я съ сожалѣніемъ ропсалъ. —
 И ты опяшь, какъ и бывало,
 Главой склонялась мнѣ на грудь;
 Я примѣчалъ, ты вновѣ сгарала;
 Я слышалъ, ты опяшь шепшала:
 “Давно прошедшее забудь,
 “Забудь невольную измѣну,
 “Люби опяшь твою Исмену,
 “Люби, какъ прежде ты любилъ!”, —
 И взоръ пылающій и шомный,
 Исполковашель сердца скромный,
 Желанья всѣ договорилъ.
 И ты его не пошупляла;
 Ты имъ, казалось, чиншала
 Все въ глубинѣ души моей!...
 Я могъ забышься...но на время:
 Владычештво красы швоей
 Взошло было; но пало въ ней
 Какъ на землѣ изсохшей сѣмя...
 Исмена! я тебя любилъ!
 За мигъ неполныхъ наслаждений

Годами позднихъ сожалѣній,
 Годами слезъ я заплапиль!..
 Зачемъ забытую любовь,
 Имена! ты напоминала?
 Зачемъ опять меня прельщала?
 И разъ опущеннаго—вновь
 Бъ неволю силой завлекала? —
 Я могъ все вспомнишь, все забышь...
 Но вопшь послѣднее рѣшенье:
 Я не хочу тебя любишь;
 Но соглашаюся проспишь
 Твое на сердце покушенье.
 Ты не моя—и я не швой!—
 Такъ разсчитавшись полюбовно,
 Оборотясь къ спинѣ спиной,
 Мы разошлись опять безмолвно.

Аладьинъ.

~~~~~

Въ альбомѣ Надеждѣ.

Любовь перомъ моимъ водила;
 Спихи бѣжали за перомъ;
 Пиши!—Надежда говорила —
 Надежда! вопшь спихи въ альбомъ.

*

Когда Любовь одна, безъ свипы,
 Въ одеждѣ скромной и простой,

*

Придетъ въ шалашъ швой позабышый,
 Полюбовашься красошой:

*

Не вѣрь Любви: она обманешъ!
 Любовь Надеждою вѣрна;
 А безъ Надежды какъ ни взглянешъ,
 Все не привѣшлига она.

*

Когдажъ Надежда вмѣстѣ съ нею
 И съ Дружбой кровь швой посьпишъ:
 Люби—съ Надеждою моею
 Тогда Любовь не истребишъ.

Э.

~~~~~

Вѣ алболоѣ И. П. Ам . . . ву.

Часто случай, запоздалый
 На пиру, большихъ господъ,
 Ощдыхаетъ гдѣ попало
 Ошъ затѣйливыхъ хлопощъ.

*

Коль усшальный приюпишся
 Къ вашей двери въ эпошъ разъ;
 Не гонише — пригодишся
 Добрый случай въ терный часъ *).

*

---

*) Есть у насъ терные годы, терные дни, а терныхъ

Облегчая жизни бремя,
 Онъ хранишь ошь тяжкихъ золь. —
 Я желаю, чшобъ во время
 Онъ, нежданный, къ вамъ зашёль.

XVI.

~~~~~

Въ альбомъ Кн. М. Ѳ. Ш.

Сшарались многіе украсить вашъ альбомъ
 И мыслью смѣлою и нѣжнымъ выражень-
 емъ —
 И вѣрно съ шемъ, чшобъ вы прочишывая
 въ немъ
 Ихъ удостоили улыбкой, одобреньемъ;
 Но я забывъ совсемъ дорогу на Парнассъ,
 Удѣль безвѣстности перенося съ шерпнь-
 емъ,
 Замѣчу въ немъ себя усерднымъ вамъ мо-
 леньемъ,
 Чшобъ не въ альбомѣ жишь, а въ памяти
 у васъ,

Луца.

1—13.

~~~~~

гасовѣ до сего времени не было и бышь не должно.
 Оспорожно надобно вводишь въ употребленіе новыя
 выраженія, особливо молодымъ писателямъ. *Изд.*

БАРДЪ СЛАВЯНСКІЙ НА БРЕГЪ ДНѢПРА.

Глубокая ночь покрываетъ поля Днѣпровскія, безмолвствуютъ дремучіе лѣса, безмолвствуютъ рощи и поляны, тихо на золотящихся нивахъ, и величественный Днѣпръ стоитъ, кажется, неподвижно въ берегахъ своихъ. Все покоится — лишь только изрѣдка въ дали чернѣющихъ дубравъ раздаются вой совы и крикъ пещерева; лишь изрѣдка по влажнымъ равнинамъ пробѣгаетъ съ быстротою вѣтра испуганный заяцъ.

Но кто сей масшійный спарець, сидящій на крупомъ берегу быспраго Днѣпра? — Чело его пасмурно, какъ пасмурна осень, обнажающая холмы; убѣленная глава его покоится на мощной нѣкогда, но теперь препенущей десницѣ. — Ахъ! конечно скорбныя думы превозапятъ его сердце! Крупныя слезы изрѣдка капаются по впавшимъ ланишамъ. Долго продолжалось его молчаніе; наконецъ онъ возспаль, ударилъ по струнамъ арфы и плачевные звуки ея повспорились на гладкомъ зеркалѣ водъ Днѣпровскихъ.

“Гдѣ ты моя младость? — пѣль онъ —

Куда сокрылась?,—Исчезла, какъ исчезаешь дымъ, клубящійся надъ хижинами; улешла, какъ улешаетъ вихрь, вырвавшійся изъ ущелій горъ кремнистыхъ; безпредѣльная вѣчность поглотила дни моей молодости, какъ свои волны, о Днѣпръ знаменитый! поглощаешь море.—Бывало, облеченный въ оружіе ловца, отважно пускался я на ловишву: легкія лыжи быспро носили меня по безпредѣльнымъ снѣжнымъ равнинамъ; легконогіе елени шрепешали предъ моею спрѣлою; ни заяць, ни люпый волкъ, ни поднебесныя пщицы не избѣгали смерпоноснаго удара. Я боролся съ медвѣдями дубравъ Днѣпровскихъ, дерзаль на свирѣпыхъ кабановъ, и смершь вездѣ слѣдила широкій ножъ мой.—Быль ли я въ единоборствѣ съ юными друзьями моей опчизны—и шамъ имя Баяна, какъ нѣкая опрада, лепало изъ усь въ усь, изъ сердца въ сердце; машишые шарцы шоспаляли меня въ примѣрь сынамъ своимъ и внукамъ; юноши чпили меня, какъ брата, и прелешныя дѣвы пламенѣли любовью ко мнѣ. Когдажъ раздавался звукъ призывный къ бишвѣ, радосшно шрепешало во мнѣ ю-

ное сердце; я облакался въ dospѣхи опцевъ моихъ и вѣчался на зацщину любезной опчизны. Чшо милье шеба, драгое опечество? Чшо восхищительнѣе швоихъ волнующихся нивъ, зелѣнѣющихъ луговъ и холмовъ? Чшо величественнѣе дремучихъ, шаинспвенныхъ, вселяющихъ священнѣй ужась и благоговѣнне лѣсовъ швоихъ? Чшо усладительнѣе шума водъ швоихъ, любезный Днѣпръ? — Для васъ не успрашала меня смерть на полѣ рапномъ. Булапный мой мечъ пожиналъ головы Половецкiя, шяжелая палица повергала на землю могущихъ супоспановъ и меткая, пернашая спрѣла, какъ молнiя, разила свою жершву.—Грудь съ грудью, щипъ о щипъ, друзья! ударимъ; побѣдимъ и снова узримъ радоспный дымъ, восходящiй надъ хижинами, гдѣ мы оставили любезныхъ сердцу. И храбрые ринулись въ ряды супоспановъ, какъ разъяренные вепри, низпровергающiе все, дерзающее прошивуспашъ имъ. Казалось, самъ Перунъ, поборая Славянамъ, сыпалъ молнiеносные удары на враговъ нашихъ, и суровый Позвиздъ посылалъ на нихъ вьюги изъ мразныхъ успъ своихъ.—Враги разсы-

йались, мышцы ихъ изнемогали, луки сла-
 бѣли, мечи пригнулялись — и сами они
 отдавались въ рабство Славянамъ. Тогда
 сажались за пиршество побѣдители; пѣ-
 нящаяся чаша переходила изъ рукъ въ ру-
 ки; упоенный возшоргомъ, я бралъ арфу,
 ударялъ по волшебнымъ струнамъ, и всѣ
 въ изумленіи, всѣ склонили ко мнѣ вни-
 машельный слухъ.—“Сниди, о Свѣтовидъ
 прелестный! сниди оны горняго жилища
 швоего, коснись струнамъ моей арфы,
 да воспую подвиги храбрыхъ сыновъ Сла-
 вянскихъ, да воспую достойно павшихъ
 на полѣ бранномъ. Ихъ нѣтъ уже съ на-
 ми — тяжелый холмъ покрываеиъ шѣла
 ихъ и шолько при дуба осѣняюиъ его.
 Но вамъ назначено безсмертіе въ вѣкахъ
 грядущихъ; никогда не исчезнете вы изъ
 памяти Славянъ громоносныхъ. Самая
 вѣчность благословитъ сіе мирное ваше
 жилище; развѣсистыя древа нѣкогда у-
 кроюиъ оиъ непогоды заблуждшаго спран-
 ника, или запоздалаго звѣроловца. Здѣсь,
 скажуиъ они, покояиъся храбрые защит-
 ники отечества, и благословяиъ памяиъ
 вашу.”—Арфа моя умолкала, и веселіе о-
 паяиъ наполняло души пируюиъихъ випя-

зей. О боги! какъ восхитительно было тогда мое существованіе! Дни летѣли непримѣтно, годъ увлекался за годомъ, и сползъ, какъ нѣкій призракъ, улетѣли въ ужасную вѣчность!... А шеперь мечь мой, палица моя давно лежали въ праздности, и ржа покрываетъ грозный, окрыленный шлемъ, мѣдяный щитъ, вороненныя лапы и тяжелую кольчугу ошца моего! Рамена мои уже не въ силахъ носить тяжелыхъ доспѣховъ, десница ослабѣла и персты не такъ уже быстро летаютъ по вѣщимъ струнамъ моей арфы. — Цвѣщите, цвѣщите, милыя нивы любезной опчизны! щеки, неизсякай, величественный Днѣпръ! летѣй на волнахъ своихъ гордыхъ лебедей—быстрыя ладіи Славянъ!,,

Блѣдная луна уже упопала въ волнахъ запада, длинныя тѣни сплались въ пространство, мраки низпускались на землю и черная мгла подернула непроницаемой завѣсой пускневшее небо. Все сокрылось ошъ взора; только легкій вѣшерокъ проносилъ еще тѣніе спарца.

“Проспите—вѣщаль ошъ—проспите, родимые берега! Можешь быть въ послѣдній разъ видишь васъ попухающій взоръ

мой; можешъ бытъ, вѣчный мракъ скоро
покроешь меня. ,,

Простите! было послѣднее его сло-
во. Томные звуки медленно пропянулись
по берегу, и ближніе холмы, сокрытые
во мракѣ, повнорили: *прости...*

С. Куторга.

~~~~~

О ЭПИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЦАХЪ.

Вопь нѣсколько моихъ и чужихъ мы-
слей о Эпическихъ Стихотворцахъ. Я
собралъ нѣкошорыя чершы, соснавялю-
щія опличительный харакшеръ ихъ шво-
реній, руководствуясь Сисмонди. Блеромъ,
Лагарпомъ и другими знаменишыми кри-
шиками время новѣйшихъ. Не почель
за нужное каждую мысль, каждое сужде-
нїе, почерпнутое изъ ихъ сочиненій, оп-
дѣляшь опъ нѣкошорыхъ своихъ замѣча-
нїй: ибо сіи безпрестанныя ципашы и
комменшарїи составили бы неприяшную
пешпрошу и ушомили бы чипашеля. Я
ничего не могъ сказать новаго: шворенія
великихъ геніевъ, какъ явленія рѣдкія въ
природѣ, всегда болѣе подвергались кри-
шикѣ и наблюденіямъ, и мнѣнїя объ нихъ бы-

вали весьма различны. Слѣдуя общему сужденію, не хотѣлъ я писать и защищать парадоксовъ; не хотѣлъ съ Испаліянцами Тасса, съ Англичанами Мильтона, съ Нѣмцами Клопштока, съ Португальцами Камоенса, спавить превыше всѣхъ поэзовъ древнихъ и новыхъ: ибо кто изъ нихъ не гордился, что имѣеть у себя Эпическую Поэму? Сколько писано было pro et contra, когда во Франціи появилась Генріада; сколько труда стоило Французамъ внести ее въ небольшой кругъ Поэмъ Эпическихъ! И въ самомъ дѣлѣ какихъ претребуется усилій разума, съ какимъ пылкимъ и изобрѣпашельнымъ воображеніемъ надобно родиться, что бы воздвигнуть такое огромное и вмѣстѣ гармоническое зданіе, какъ Эпопея!

Хотя мы Русскіе не можемъ еще во всѣхъ частяхъ Литтературы сравняться съ другими просвѣщенными націями Европы; но чего не должны мы надѣяться въ счастливый вѣкъ АЛЕКСАНДРА?

Съ величьемъ народа рождается Поэтъ.

Гомеръ.

Оставимъ ученія изысканія о мѣсто-рожденіи Гомера, о его происхожденіи и жизни: оставимъ сіи баснословныя преданія, болѣе, или менѣе убѣждающія насъ въ превосходствѣ таланта сего великаго мужа; но будемъ довольствоваться тѣмъ, что слава, спаянная его бессмертными твореніями, сдѣлалась общою славою всего человѣчества.

Прежде, нежели чтонибудь скажемъ объ *Иліадѣ* и *Одиссеи* Гомера, должно, кажется, замѣтить, что творенія сего отца Поэзіи суть наидревнѣйшія, какія только дошли до насъ отъ Грековъ. И потому мы не будемъ искать въ нихъ той разборчивости, той утонченности вкуса, того совершенства въ нравственныхъ понятіяхъ временъ новѣйшихъ; но мы найдемъ въ нихъ вѣрную картину древняго міра съ его нравами, пороками и заблужденіями. Крепость мышцъ дѣлаетъ у Гомера герои; они сами выхваляютъ свои подвиги мужества и неуспрашиваемы, осыпаютъ другъ друга ругательствами, копорыя для насъ всег-

да покажутся грубыми и низкими. Здѣсь говорю, природа является во всей нагопѣ своей — спрасити во всей силѣ. еще неукрощенные благодѣтельными узами, копорыя налагаюпѣ на нихъ успѣхи образованности и гражданскаго общежитія.

Гомеръ выбрать для содержанія Поэмы своей Иліады эпоху наиблизпательнѣйшую въ древней Испоріи: войну Троянскую, въ коей цѣлая Греція принимаетъ столь живое участіе, и соединивъ всѣ силы свои подъ предводительствомъ одного вождя, десяпѣ лѣтѣ уже осаждаешъ одинъ городъ. Такое происшествіе не представляло ли множество дѣйствій занимательныхъ, не открывало ли обширнаго поприща для подвиговъ рашныхъ, въ коихъ сполько прославились Ахиллы, Діомиды, Гекторы и Аяксы; на сихъ-шо подвигахъ славы Гомеръ основаль Поэму свою. Онъ писалъ ее два, или при вѣка спуспя послѣ разоренія Трои, и пользуясь народными преданіями, ушрапившими всю вѣрность событій, смѣло могъ слѣдовать влеченію своего генія и смѣшивать баснь съ истиной.

Если бы Гомеръ взялъ для содержанія

Иліады цѣлую войну Троянскую, въ такомъ случаѣ Поэма его много потеряла бы въ разсужденіи привлекательности сосшава, не сохранила бы единства въ расположеніи и планѣ, заключаая въ себѣ однѣ только безпреспанная бипвы, ничего нерѣшающія. И поэтому Гомеръ взялъ для содержанія Поэмы своей послѣдній годъ войны Троянской, начиная именно враждою Ахилла съ Агамемнономъ, обстоятельствомъ, такъ сказать, крипическимъ, пригошовившимъ и ускорившимъ паденіе Иліона.

Какое множество героевъ въ Иліадѣ! Какое удивительное разнообразіе въ ихъ характерахъ, въ образѣ дѣйствій! Оружіе, раны, смершь и кажется самый вздохъ при послѣдней минутѣ опличають каждого воина. Вопшь почему бипвы у Виргилія не имѣють такого движенія и огня какъ у Гомера. Мы невольню беремъ участие въ судьбѣ каждого его героя: ибо одинъ знаменитъ своимъ происхожденіемъ ошь какого либо бога, или богини; другой прославился необычайною своею силою, или подвигами мужества и благородства; но сіи драбаншы Энеевы,

кой-гдѣ появляющіеся и неимѣющіе никакой значительной физиогноміи, могутъ ли занимать насъ? Притомъ Эней, прибывъ къ берегамъ Тибра, прибылъ въ совершенно новый міръ, какъ для него, такъ и для чашашеля. У Гомера взоры наши обращены на Европу и Азію, и герои его какъ будто сороднились съ нами. Съ какимъ искусствомъ Гомеръ соединяетъ всѣ обстоятельство Поэмы, что бы поспешенно показатъ блистательныя доблести Ахилла, героя Поэмы своей! Ахиллъ, жестокой въ бояхъ, оскорбленный Агамемнономъ, удаляется; но своимъ опшешествіемъ, не помрачая ни своей славы, ни величія, еще болѣе кажется грознымъ и укоряющимъ. Будучи гордъ, спремиселень, вѣренъ въ дружбѣ, любя подданныхъ и почитая боговъ, Ахиллъ герой достойный удивленія, но не любви нашей. Самъ Гекторъ, при всей неуспрашимости своей, съ какимъ-то ужасомъ произноситъ имя Ахилла. Гектора всѣ любятъ, уважаютъ; онъ подпора опечеспва; но удивляются его побѣдицелю. Съ какимъ искусствомъ Гомеръ изображаетъ сію Елену со всѣми ея слабостями, что бы не сдѣлать ее для

насъ ненавистною! Посмотрите на нее: когда она является къ Пріаму, въспревожденная, съ покровенною главою, проливая слезы—когда чувствуешь угрызеніе совѣсти и непритворную горестъ при видѣ Менелая — когда осыпаетъ упреками Париса за его малолушіе и робостъ— и потомъ снова, будучи не въ состояніи побѣдиль чувствъ своихъ, обращается къ нему съ нѣжнѣйшими ласками. Мы обвиняемъ Елену; но не можемъ не жалѣть объ ней. Какая же опять противоположность въ характерѣ ея и Андромахи — Андромахи, споль непорочной и добродѣтельной! Париса, виновника бѣдъ свѣй сираны своей, изображаетъ онъ какъ человека съ шонкимъ вкусомъ *), среди пышной жизни, упоающаго въ удовольствіяхъ—Воспламененный Гекторомъ подвигается онъ на брань и шествуетъ — займемъ здѣсь выраженіе Гомера—*какъ молодой и бодрый конь, высоко воздымающій главу, китасъ гривую, стелящуюся по*

*) Онъ самъ былъ Архипекшоромъ дворца своего — *Прилѣт. Сот.*

раменамъ, бѣжитъ по полю къ свѣтлой рѣкѣ, то бы омыться въ прохладной влагѣ ея.

Не будемъ болѣе распространяться о характерахъ драматическихъ лицъ Гомера: они такъ разительны и живо изображены имъ, что имя нѣкопрыхъ изъ его героевъ, сдѣлалось, такъ сказать, синонимомъ ихъ качествъ, которыми онъ умѣлъ украсить каждого: произнесише имена Ахилла, Улисса, Нестора - и вы означише вспыльчивость, хитрость и мудрость.

Въ изображеніи боговъ, Гомеръ сохраняетъ поже различіе въ характерахъ. Слѣдую понятіямъ своего вѣка, онъ представилъ намъ подробную и точную систему религіи древнихъ Грековъ со всѣми ея несообразностями. Боги Гомера были вѣрнымъ зеркаломъ характера самихъ Грековъ, рождались съ теми же спрашьями, были, такъ сказать, отголоскомъ ихъ же чувствованій, пороковъ и заблужденій. Были существа плѣснныя; но принимали на себя различныя виды—вели между собою войны, и могли бытъ побѣдителями, иногда побѣжден-

ными, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ только известную степень власти, которая могла быть оспариваема другимъ. Жители Олимпа, посредствомъ воздушныхъ колесницъ, слезали на землю и сообщались такимъ образомъ со смертными, вступали въ ихъ распри и войны. Каждый герой имѣлъ покровителя какое либо божество, которое на Олимпѣ за него дѣйствовало, просило и употребляло хитрости, свойственные человеку.

Вообще религія Грековъ, основываясь на олицетвореніи силъ природы, оживляла вещественный міръ и благопріятствовала Поэзіи. Сколько въ ней находится вымысловъ, поражающихъ воображеніе! И Гомеръ, воспользуясь народнымъ богопочитаніемъ, соспавилъ для насъ сей идеаль Поэмы—идеаль, которому въ послѣдствіи старались подражать всѣ эпические стихотворцы.

Хотите ли видѣть изображеніе великаго Юпитера? Одною чертою Гомеръ показываетъ намъ все величіе его и могущество. Сынъ Кроновъ помаваетъ черными бровями; на безсмертной главѣ

Царя боговъ, сопрясаются власы, дышущіе амброзією, и проспранный Олимпъ всколебался. Появленіе Непшуна, Минервы, Аполлона, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо ихъ присушествіе для большаго возвышенія подвиговъ героевъ, суть лучшія мѣста Иліады и образцы высокой Поэзіи.—Говоришь ли намъ о Венериномъ поясѣ, посредствомъ котораго Юнона хочешь возвратишь прежнюю любовь и нѣжность супруга?—Таковой вымыселъ будешь всегда равняться людямъ совкусомъ, вопреки Ламосу и другимъ крипикамъ.

Упрекають Гомера за то, что онъ слишкомъ часто заставляеть говорить героевъ своихъ. Замѣчаніе справедливое; но и шутъ нельзя не удивляться его искусству: каждый герой изъясняется — сообразно своему характеру, сообразно своему положенію.

— “Да исчезнешь пагубный раздоръ, говоришь Ахилль, шерзаемый раскаяніемъ, узнавъ о смерти друга своего Патрокла — да испребисся онъ изъ жилища боговъ и челоуѣковъ, вмѣспѣ съ гнѣвомъ, заставляющимъ выходить изъ круга обязанности своихъ мужа крошкаго и сниз-

сходительнаго; сей гнѣвъ оправа, услаждающая какъ медь—подобно дыму густѣе ея и очерняетъ наше сердце. Такъ я испыталъ сіе! Неправедный Апридъ! ты заславилъ меня предаться порыву злобы и гордости—и я шеерь довольно наказанъ!,—Кшо можешь, говоришь Лагарпъ, вразумишь насъ лучше о гибельныхъ дѣйствіяхъ слѣпыхъ спрасней, какъ не ты самъ, копорый попустилъ себя имъ предаться? Вошь какимъ образомъ Гомеръ преподавалъ намъ правила морали!

Что касается до Одиссеи Гомера; по уже признано всеми кришиками, что она не показываешь намъ того піищического огня, копорый въ Иліадѣ придавалъ всему жизнь и душу — не показываешь намъ того искусства въ расположеніи. Въ Одиссеи Гомеръ собралъ весь запасъ своихъ географическихъ свѣденій, приобрьшенныхъ имъ во время частыхъ путешествій, будучи всегда тонкимъ наблюдателемъ нравовъ, обычаевъ и положеній шѣхъ странъ, которыя посѣщаль онъ. Иліаду можно сравнить съ величественнымъ водопадомъ: рѣка, падая съ утеса,

силою быспрошы своей увлекаеть за собой все вспрѣчающеея ей на пупи, и потомъ разбиваясь о камни, по мѣрѣ уменьшенія спремипельности своей, печеть пихо и плавно между мѣспами живописными, напоая живипельной влагой пучные берега свои. Пушкикъ, пораженный величіемъ сего зрѣлища, удаляеться съ благоговѣйнымъ шрепешомъ и идеть покоишься чувствами шуда, гдѣ рѣка, будпо упомяенная, ушихаеть, и мирно печеть въ берегахъ своихъ — вошь Одиссея! Иліада поражаеть насъ, приводишь въ движеніе спраспи наши; Одиссея научаеть. Ахилль былъ шолько храбрый воинъ, доспойный удивленія; Улиссъ былъ мудръ и боролся со злополучіемъ.

А. Н.

Книжная Извѣстія.

І.

О продолженіи теловѣтеской жизни, или домашній лѣтебникъ, заключающій въ себѣ: средства, какъ достигать здоровой веселой и глубокой старости, предохранять здравіе надежнѣйшими средствами и пользоваться болѣзни всякаго рода, съ показаніемъ притинъ и лѣкарствъ, почти повсюду предъ глазами нашими находящихя, составленный изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей Княземъ Парвоніемъ Енгальтевымъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Часть I. С. п. б. 1825, въ шип. А. Смирдина, въ большую 8ку, 306 стран.

Рекомендуемъ сію полезную книгу, напечатанную съ одобренія ИМПЕРАТОРСКОЙ Медикохирургической Академіи, жителямъ опшдаленныхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ опытныхъ и искусныхъ врачей, особенно добрымъ и небогатымъ помѣщикамъ, которые не скупаютъ жмѣнь въ своихъ владѣніяхъ и имѣютъ опеческое попеченіе о своихъ крестьянахъ. Почтенный и благонамѣренный сошавишель сей книги, при нынѣшнемъ чеш-

вершомъ изданіи, расположилъ ее по алфавиту и весьма прилично назвалъ: *Словарь болѣзней и лѣкарственныхъ пособій*. Жаль, что сіе скромное названіе поставлено только на первой страницѣ, а не на заглавномъ листѣ, въ которомъ находить сполько *замысловатости* неизвѣстный кришикъ, утверждающій, что въ сочиненіи Князя Енгальчева встрѣчается много *промаховъ* и общающій вскорѣ представитъ публикѣ разборъ этой книги, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. (Смотри *Сѣверную Пчелу* № 68) “Замысловашое заглавіе — говоришь онъ — припоровленное къ общей слабости, есть лучшая порука въ успѣхъ сочиненія.” — Сомнѣваемся: давно уже прошло то время, когда раскупали книги по *замысловатымъ*, или лучше сказать, *хвастливымъ* заглавіямъ; а нынѣ, при покупкѣ книгъ, смотрятъ болѣе на внутреннее ихъ достоинство, или на имена сочинителей, и немногіе, весьма немногіе вѣрятъ слѣпо пышнымъ газетнымъ объявленіямъ книгопродавцовъ, или оспроумнымъ, но нерѣдко приспраспнымъ кришикамъ Журналистовъ. Пусть извѣстный съ худой стороны публикѣ сочинитель расхвастается сколько ему угодно въ заглавіи своей книги; пусть приишель-журналистъ покривитъ душою и расхвалитъ дурную книгу — никакъ, кромѣ сочинителя, не возьмешь за деньги

ни одного экземпляра. Хваспливыя заглавія и объявленія не дадутъ большаго хода дурной книгѣ, такъ какъ несправедливыя журнальныя кришки не повредятъ хорошей.

Г. Н. Н. касательно *лѣтенія всякаго рода болѣзней* совѣщуетъ чинашелямъ Сѣверной Пчелы *быть осторожнѣе и не предпринимать нитого безъ совѣта Вратей; въ случаѣхъ же миловажныхъ, руководствоваться книгами, кои изданы искусными Вратами и приоровлены къ общему употребленію.* — Но одно названіе: *Домашній Лѣтебникъ*, уже показываетъ, что сія книга писана для тѣхъ, которые не могутъ пользоваться пособіемъ врачей, и эшотъ *Лѣтебникъ* составленъ изъ книгъ, кои изданы искусными Вратами и приаровлены къ общему употребленію. — Не только по мнѣнію нашему, но и по мнѣнію многихъ почтенныхъ Врачей, въ *Лѣтебникъ* Князя Енгалычева особенно важны два предмета: 1) какъ предохранять себя отъ болѣзней и 2) какія домашнія и, такъ сказать, ничего несшоющія лѣкарства можно употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ съ вѣрною пользою вмѣсто дорогихъ иноспранныхъ медикаментовъ, которыхъ иногда въ глуши и найпи не возможно. Это не бездѣлица!

Всего спранныѣ обращеніе Г. Н. Н. къ книгопродавцамъ: “Почтенные господа кни-

гопродавцы! обращаемся къ вамъ: на полезныя и классическія изданія вы расчешливы, а заманчивый *Лѣчебникъ съ вѣрными* средствомъ жить долго и весело, уже переходить для изданія въ прѣшны (если не ошибаемся) руки. И. В. Сленинъ, И. И. Заикинъ издавали его прежде; теперь предпринимаетъ четвертое изданіе А. Ф. Смидинъ.—Что вы имѣете въ виду, милосшивые государи, не знаю — дай Богъ, чтобы это была польза челоуѣчества!.,

Одни ли только книгопродавцы расчешливы? Всякой, кто предпринимаетъ какую нибудь спекуляцію, долженъ быть расчешливъ. Презрительны тѣ только шоргаши, копорые не имѣютъ души, и что бы получили большіе барыши, употребляютъ непозволительныя и низкія средства. Книгопродавецъ же есть купецъ, копорый торгуетъ не запрещеннымъ, но дозволеннымъ шоваромъ; какой лучше сходишь у него съ рукъ, такой онъ покупаетъ и продаетъ. Это самая позволительная расчешливость. Впрочемъ нельзя сказать о нашихъ книгопродавцахъ, что бы они не дѣлали полезныхъ и классическихъ изданій. Не говоря уже о *полезныхъ* книгахъ, въ числѣ копорыхъ по совѣсти полагаемъ и *Лѣчебникъ* Князя Енгальчева, упомянемъ о классическихъ. И. В. Сленинъ издалъ 9 шомовъ *Исторіи Рос-*

сїйскаго Государства и издаешъ шеперь *Басни* И. А. Крылова. И. П. Глазуновъ и И. И. Заикинъ издали *Сотиненія В. А. Озерова*; Л. Л. Свѣчниковъ—*Стихотворенія В. А. Жуковскаго*. Прелестныя *Поэмы А. С. Пушкина: Бахтисарайскій фонтанъ и Евгенийъ Онѣгинъ* изданы также книгопродавцами. Но всего вдругъ не вспомнишь; а если пойдешь дѣло на споръ, то можно поспоришь и оспоришь.

Заключу же и я спашью свою обращеніемъ къ грознымъ нашимъ кришикамъ: *что вы имѣете въ виду, милостивые государи, не знаю—дай Богъ, чтобъ это была польза Словесности!*

Справедливость шребуешъ сказать, что книга: *о продолженіи теловѣтеской жизни, или домашній лѣтебникъ* Князя Енгальчева напечатана очень хорошо и продаешся *очень дешево*. Цѣна за всѣ пять часшей, въ коихъ будешъ болѣе ста печашныхъ листовъ, здѣсь въ С. п. бургъ 20 руб., а съ пересылкою въ другіе города 25 р. При подпискѣ первая часшь выдаешся, а на слѣдующіа билешъ, изъ кошорыхъ вшорая часшь будешъ выдавашся въ Іюль мѣсяцъ; остальныя же при, каждая чрезъ два мѣсяца. Книгу сію получашъ можно здѣсь въ С. п. бургъ, въ библиошекѣ для чшенія А. Ф. Смирдина, а въ Москвѣ у А. С. Ширлева.

2.

Съ удовольствіемъ объявляемъ, что все издание *Телеграфа*, одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, уже раскуплено. Теперь принимается подписка на *Телеграфъ* съ 8й книжки. Цѣна за оспальные 17 номеровъ, въ Москвѣ 25 р. съ пересылкою же въ другіе города 30 р. асс.—Если окажешся довольное число пренумераншовъ, то Издашель присупишь къ новому изданію первыхъ семи книжекъ, за копорыя назначена будетъ цѣна 10 р. Иногородные, выписывающіе послѣднія 17 книжекъ, получаютъ первые семь номеровъ уже безъ плашы за за пересылку.

И.

Отъ Издателя.

Особы, желающія получать Журналь: *Благоналюбреннѣйшій*, и на послѣднюю половину нынѣшняго года, благоволящъ подписываться сколь можно благовременнѣе, ибо Издатель станеть печатать только по количеству экземпляровъ, которое соразмѣрно будетъ числу подписчиковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXIII.

СОВѢТЪ АМЕРИКАНЦЕВЪ *).

Семдесять восемь человекъ отличныхъ воиновъ, спарцевъ и начальниковъ сидѣли, по обычаю своему, вокругъ разложеннаго огня, посреди обширной хоромины, копорой брусчатые стѣны, чисто вышесанныя, сплочены были по угламъ, въ сроспѣ бревна съ бревномъ, на подобіе хвоста ласповицы. Всѣ присуществовавшіе шупъ имѣли головы наклоненныя впередъ, глаза пошупленные въ землю и курили свои опшуньяны **),

*) Изъ Voyage dans la Haute Pensylvanie et dans l'état de New York.

*) Такъ называются у дикихъ Американцевъ куришельныя, весьма искусно сдѣланныя шрубки, копорыхъ головки, выработаны изъ краснаго, или чернаго мрамора, а чубуки, длиною въ 3 и 4 фуша, украшены песшрыми змѣиными кожами и перьями рѣдкихъ пшиць. Трубки сіи употребляютъ они шолько въ самыхъ важныхъ случаяхъ

вбирая въ себя дымъ, которъй, по прѣшесствіи довольно примѣшнаго времени, выпускали они медленно и непрерывно изъ обѣихъ ноздрей, что означало глубокое ихъ размышленіе о самыхъ важныхъ предметахъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ расписанъ красками; ни у котораго не было никакого убранства изъ перьевъ ни на головѣ, ни въ ушахъ; брововыя эпанчи ихъ были закинутаы назадъ и открывали на широкой ихъ груди и на жилистыхъ рукахъ изображенія различныхъ звѣрей, рыбъ и насѣкомыхъ, выспроченныхъ еще во время ихъ младенчества. Искусный живописецъ снялъ бы здѣсь превосходныя рисунки съ необыкновенныхъ шѣлъ, поражающихъ зрителя удивительною соразмѣрностью членовъ, койхъ мышцы, приводимыя по временамъ въ движеніе опъ разговоровъ *покрыты слегка нѣкіими дородствами* *), какого у бѣлыхъ

и каждая изъ нихъ имѣеть свое особенное знаменованіе. Онѣ служатъ имъ и символомъ мира, и символомъ войны, и символомъ дружбы, и символомъ брачнаго союза, или преимства въ родствѣ.

*) Темно! — а чего не поймешь, того нельзя и поправить. *Изд.*

Европейцевъ вовсе не видашь, но копное у шемносмуглыхъ Американцевъ обнаруживаешь мужество, силу и здоровье; головы ихъ и лица ошпечатка совсемъ особеннаго, свойственнаго однимъ только жителямъ лѣсовъ новаго міра. Сіе собраніе людей, почти нагихъ, безмѣрно люпыхъ на войнѣ и свирѣпыхъ въ мщеніи, но весьма крошкихъ и добрыхъ въ своихъ жилищахъ, представляло величественное зрѣлище и давало какое-то новое понятіе о человѣческомъ родѣ.

Разговоры и рѣчи въ семь первомъ засѣданіи касались вообще до разграниченія земель ихъ, до намѣренія *Кайвазовѣ* *), какъ располагаешь шѣми землями, кои принадлежатъ имъ, и о насильственномъ завладѣніи оныхъ бѣлыми поселенцами. Все это могло занимать только того, кто имѣлъ дѣла порубежныя съ сими народами; но меня занимало несрав-

*) *Кайвазали*, *Сеннеказали*, *Тускарорали* назывались древнія поколѣнія, составлявшія многочисленный народъ, отъ котораго едва осталось нынѣ 200 семействъ — и шѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ.

ненно болѣе засѣданіе слѣдующаго дня, въ копорое назначено было разсуждать о примствѣ въ родство иноплеменныхъ *) и о земледѣліи. О семъ надлежало говорить всенародно и первый еще разъ, надлежало доказывать необходимую въ помѣ надобность и преклонять молодыхъ воиновъ къ земледѣлію—крайнѣ пропивному всѣмъ Американцамъ. Почтеннѣйшій мужъ *Кескетомагъ* избранъ былъ въ Вишіи.

На другой день собраніе было гораздо многочисленнѣе и великолѣпнѣе: воины и начальники расписаны были разноцвѣтными красками; на рукахъ у нихъ блистали серебряныя запястья; головы и уши убраны были военными перьями; на

*) Примствво въ домъ, или въ родство (adoption). Жены дикихъ хопя ошягчены суровыми работами и живутъ у мужей въ порабощеніи, но имѣють вліяніе въ дѣла народныя — имѣють право принимашъ къ себѣ въ домъ плѣнниковъ, взятыхъ на сраженіи у непріятели и замѣняшъ ими потерю умершихъ, или убитыхъ во брани мужей своихъ. И сіе-то называется у нихъ родстввопримстввомъ.

носу висѣло по жемчужинѣ. Послѣ продолжительнаго молчанія, или лучше скажешь, послѣ крѣпкой думы и медленнаго куренія оппуаньяновъ, возспалъ жишель селенія *Оссевинга*, по имени *Хедабооккттоо* изъ поколѣнія Маскилѳнга (ш. е. осетра *) и началъ говорить:

“На сихъ дняхъ, сидя передъ луннымъ свѣтомъ, курилъ я въ размышленіи оппуаньянъ, какъ вдругъ пораженъ былъ слухъ мой жалобнымъ голосомъ. Вспаю, прислушиваюсь: то былъ голосъ *Векцазга*, конкорый одного со мною поколѣнія. — “Возможно ли эшо, что бы ты, мужчина, могъ такъ крушиться и сѣновать? сказала я ему. Видалъ я, какъ перпѣливо переносилъ ты прежде голодь, жажду и самыя раны; но никогда еще не слыхалъ твоихъ споновъ!,,

*) Прозванія по именамъ живошныхъ въ общемъ употребленіи у дикихъ. Каждое поколѣніе имѣеть свое прозваніе, на примѣръ: поколѣніе Орла, или Осетра, или Медвѣдя, и ш. д. Во всякомъ поколѣніи начальникомъ шарець, прадѣдъ, пращуръ надъ именемъ *Сахела*, ш. е. *Патріарха*.

— *Хедабоокктоо!* отвѣчалъ онъ мнѣ, случилось ли тебѣ примѣшивъ, когда бросалъ ты сырое дерево въ огонь, что сокъ выходитъ изъ него съ шрескомъ? Случалось ли тебѣ примѣшивъ, какъ вытекаешь сокъ изъ дерева, котораго кору просѣкалъ ты весной — какъ испочки и рѣки выискупающъ изъ береговъ ошъ проливныхъ дождей? Таково теперъ и мое сердце, пораженное несчастіемъ: одно только оно сионепъ и крушится, а умъ нисколько; умъ мой шакже неколебимъ, какъ и у тебѣя. *Телискаминга* распалась со мною! Теперъ я одинъ одиноконекъ! Моя медвѣжья кожа холодна, огонь у меня въ жильѣ погасъ, пепелъ на очагѣ моемъ развѣянъ... и кощель мой... недосшаешь силъ нацолнитъ его! Ахъ! нельзя бытъ веселу, проворну и шершѣливу когда ловишь зѣбра, или закидываешь поню для себя только одного, а не для милой жены! Да и что бы я ни изловиль, кто порадуешься моей удачной добычѣ? кто поздравитъ меня съ нею и пожмешъ ласково мою руку? *Хедабоокктоо!* зло льещя на насъ крупнымъ, осеннимъ дождемъ, широкою рѣкою; а добро спускаешя по кашелькѣ, какъ весенняя роса. —

На это возразилъ я ему: *“Векъузэб!* все, что пришло, должно пройди; и мы сами пройдемъ, ибо и мы пришли. Мы несемъ подобно челну, увлекаемому быспрошною спруи — мѣлькаемъ подобно волнамъ рѣчнымъ, исчезающимъ въ большемъ водопадѣ. Я слыхалъ оиѣ бѣлыхъ краснобаевъ, что когда у нихъ родился младенецъ, то о немъ говорятъ, что онъ пришелъ на свѣтъ; а когда человекъ умираетъ, что онъ *отбиде*. Но откуда приходитъ младенецъ и куда уходитъ человекъ? спросилъ я у нихъ. — Въ оиѣвѣиѣно это наговорили они мнѣ много чудснаго; но я сказалъ имъ: *все, что ни есть на земли — все приходитъ, и все, что пришло — пройдетъ*. Они засмѣялись, а я отвернулся оиѣ нихъ и ушелъ.,,

“Не въ радости и я соспарѣлся, *Векъузэб!* И я часно былъ пронзаемъ великою спрѣлою *Аганъ-Матхей-Манитоо* *);

*) *Аганъ-Матхей - Манитоо* самый злый духъ у дикихъ Американцевъ. Онъ поужишоже у нихъ, что у Персовъ былъ Ариманъ. Ему приписываютъ они всѣ бѣдствія и зоключенія. Дикіе вѣряшъ существова-

всякой разъ изпоргалъ я ее изъ сердца и припалъ въ землю. Но во всю жизнь мою пролилъ я гораздо болѣе крови, нежели слезъ; слезы могутъ проливать однѣ только женщины: но твои глаза, выдавшіе столько разъ злосчастіе и смерть, твои глаза должны быть сухи. Живи, если ты мужчина. Посмотри: завтра же будешь посковать менѣе, послѣ завтра еще менѣе, и шакъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все менѣе, пока забвеніе, чадо древняго времени, совсемъ залѣчишь язвы сердца твоего. Поспуни шакъ, какъ послушилъ предокъ твой *Кезкименетасъ*, котораго запомню еще съ первыхъ моихъ лунъ; отпмши злему духу: сыщи другую *Телискалингу*. Цѣленіе, подаваемое родспвоприимствомъ (*remède de l'adoption*), тебѣ извѣстно. Почему знать: можетъ быть вшорая швоя

нію въ мірѣ двухъ духовъ, или геніевъ: одного добраго, по имени *Аганъ-Китхей-Оккелавъ*, отъ котораго получаютъ они красные дни, здравіе, удачу и счастіе; а другаго—злаго, который производитъ бури и всѣ непогоды, болѣзни, смерть, войну и напасши.

жена еще лучше будешь водиться съ своимъ маисомъ *) и лучше кипящипь кошю пивой, нежели ша, кошюрая прошла уже невозвратно.,,

— Ты говоришь, *Хедабоокктоо!* какъ спарець (опвѣчалъ онъ мнѣ) и какъ слѣдуешь говоришь въ пивой лѣша; ты забыль уже давнопрошекшее время твоей молодости, когда у тебя сердце было полно и дыханіе пламенно. Ты увѣряешь, что все приходишь и все проходишь; но я недавно еще пришелъ и неизвѣстно, скоро ли пройду: ибо не слышенъ еще шумъ водопада моего ... Предлагаешь ты мнѣ взять другую *Темискалингу!* Да какъ забышь шу, кошюрую мы любили и кошюрая насъ любила? Этого не сдѣлаешь однимъ днемъ!... Если ледъ раздавишь мою лодку, или огонь пожретъ мой *виггалъ **)*, то скоро сдѣлаю я то и другое,

*) Индѣйская пшеница. Умѣшь водиться съ нею составляетъ главный предметъ хозяйства дикихъ и эшимъ занимающихся у нихъ однѣ женщины.

***) *Виггалъ* (Wigwam)—такъ называется домъ, или жилище дикихъ, искусно и

а когда лишишься милой подруги, съ которою прожилъ вмѣстѣ много лунь... Припомъ же развѣ не знаешь ты, чпо, спсоль же прудно найпи хорошую женщину, какъ и хорошаго соболя... А если не сыщу я между дѣвами нашего поколѣнія такой, копорая бы согласилась дунушь на мою головню *), выслушаешь мою военную пѣсню—тогда придется мнѣ, какъ спарику

прочно срубленное изъ хорошаго спроеваго лѣса. Внутренность такой дома обыкновенно убрана волосами съ кожею, снятыми съ головъ неприятелей, пораженныхъ на брани хозяиномъ — кожами звѣрей и самую скудную упварью.

*) Когда молодой воинъ вздумаетъ жениться, то подноситъ своей избранной зажженную головню. Если дѣвушка дунетъ на нее, это значитъ, что она согласна за него выдти. Тогда женихъ возглашаетъ свою побѣдную пѣснь, въ копорой исчисляетъ военные свои подвиги. Дѣвица, восхищенная ими, увѣряетъ его въ своей любви. Юноши дикаго народа всемирно спараются сперва опличиться подвигами въ звѣроловствѣ и на войнѣ и потомъ уже рѣшаются поднести своей милой зажженную головню.

лежашь одному на медвѣжьей моей кожѣ. Чшо мнѣ будешь погда дѣлать? Куда идиши?

“Въ такомъ случаѣ спупай къ другимъ племенамъ и посреди ихъ ищи своей суженой. Сдѣлай шакъ, какъ сдѣлали *Скквакокѣ* и *Маталускѣ*. — Посмотри, какъ хорошо живупь они со своими женами и какъ размножаешся кровь ихъ. Подруги ихъ шакъ прилѣплены къ нимъ, какъ лиспъ къ дереву, или какъ усперса къ раковинѣ. Пуспъ ли кошель ихъ?—Въ мгновеніе ока жена наполняешь его...Начинаешь ли огонь очага ихъ гаснупь подь непломъ?—Топчасъ подкладываешь она сухія дрова. Словомъ: они живупь подь яснымъ небомъ. Будь же ты на другой день полной луны у огня *Онондагова* *): шамъ услышишь мудрыя слова опцевъ сѣмейшвъ.—Вопъ, чшо я предложилъ емуЯ все сказаль.,,

(Окончаніе въ слѣд. N^о.)

~~~~~

---

*) *Онодаго*—древній старшина, или патриархъ поколѣнія сего же имени и селенія, кошорое доселѣ было знаменишо у дикихъ; но въ продолженіе времени спало весьма малолюдно и вскорѣ, можешь бышь, вовсе испребится.

ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ ЛОРДА БЕЙРОНА.

I.

Еще минуша — и я свободень опъ
 всѣхъ спраданій, раздирающихъ мое сердце.
 Послѣдній вздохъ любви и Тирзѣ — и
 я возвращаюсь къ разсѣянной, свѣтской
 жизни. Могу шеперь быть въ обществѣ
 людей, копорыхъ никогда не любилъ. Ес-
 ли всякое удовольствіе исчезло для меня
 на землѣ, то и никакая горестъ не мо-
 жеть уже здѣсь меня поспигнуть.

II.

Принесите же мнѣ чашу радости,
 приготовьте пиръ. Человѣкъ рожденъ не
 для того, что бы вести жизнь въ одино-
 чествѣ. Сдѣлаюсь созданиемъ легкомыслен-
 нымъ, копорое со всѣми смѣшся и ни
 съ кемъ не плачетъ. Въ счастливейшіе
 дни моей жизни кто бы могъ подумашъ
 это обо мнѣ? Но ты исчезла и оставила
 меня одного въ семь мірѣ! Ты переспала
 существовашъ и всѣ смерщные ничто
 для меня.

III.

Тщешно лира моя хопѣла бы повшорить прияшныя звуки. Улыбка, едва не исчезающая опъ гореспи, еспъ не чпо иное, какъ иронія для сердца, раздираемаго въ шайнѣ. Она походитъ на вѣнокъ, сплешенный изъ розъ и оспавленный на могилѣ.

IV.

Напрасно веселые шоварищи спаряются разсѣяшь наши скорби. Всѣ увеселенія приводяшь душу шолько въ какое-то изспупленіе; но сердце... сердце оспаеша пущо!

V.

Любилъ я въ прекрасныя noci шопрѣшь безмолвно на голубое небо. Мнѣ казалось, чпо шакой же небесный свѣшь шихо блисшаешъ въ меланхолическихъ швоихъ взорахъ. Чашно посреди волнь моря Егейскаго любяшь блескомъ луны, я говориль самъ себѣ: "Тирза шакже шопрѣшь на нее!,, ... Но увы! блѣдныя лучи ея освѣщаюшь шеперь швою могилу.

VI.

Проспершій на болѣзненномъ одрѣ, лишенный сна и чувствуя, что палящій огонь разливается въ моихъ жилахъ, говорю слабымъ голосомъ: “Тирза не знаетъ о моихъ сираданіяхъ и — я спокоенъ!,, — Подобно невольнику, которому даровали свободу при концѣ его жизни, природа возвращаетъ мнѣ ее, когда Тирза уже болѣе не существуетъ.

VII.

Залогъ вѣрности, полученный мною отъ Тирзы въ счастливѣйшіе дни, когда начиналъ я познавать жизнь и любовь! Какъ перемѣнился ты въ глазахъ моихъ! Въ какія мрачныя краски облекла тебя горестъ! Сердце, которое подарено мнѣ вмѣстѣ съ тобою, перестало уже биться. Ахъ! для чего же бьется еще мое? Хладный, какъ жишель гроба, зачемъ чувствую всю силу ударовъ рока?

VIII.

Залогъ, исполненный прискорбныхъ воспоминаній! Люблю еще носишь тебя

на груди моей! Сохрани же навсегда любовь ея, или разперзай сердце, къ которому шебя прижимаю. Время успокоиваетъ воспорги любви, но не разрушаетъ ее. Любовь тогда священнѣе, когда потеряешь надежду. Что это за любовь, которую внушаютъ тысяча красавиць, въ сравненіи съ тою, которая не можетъ забыть друга, оставившаго сей міръ!

H.

НОВОБРАЧНАЯ.

Какую прелестную картину представляють молодые супруги въ первые дни послѣ брака! Все вокругъ нихъ дышетъ счастьемъ и веселіемъ: родспвенники и друзья принимаютъ съ особливою ласкою, купцы получаютъ наличныя деньги, а слуги, не опасаясь наказанія, позволяютъ себѣ небольшія шалости. Счастливая чета ничемъ другимъ не занимается, кромѣ самой себя и своей нѣжности; она бредитъ благополучіемъ совершеннымъ, неизмѣняемымъ, и не рѣдко бываетъ, что наслаждается имъ при и

даже чептыре мѣсяца съ ряду. Двоюродный братъ мой Вальвиль, женатый около двухъ мѣсяцевъ, подтверждаетъ справедливость сихъ замѣчаній, исключая только продолжительности времени, назначеннаго мною для благополучія молодыхъ супруговъ.—“Ты еще не знаешь жены моей, сказалъ онъ мнѣ: пожалуйста познакомься съ нею, разсмотри ея характеръ, крошечность нрава, умъ и попомъ утверждай, если только осмѣлишься, что союзъ нашъ не долженъ бытъ вѣчно счастливымъ. Прощай; завтра ожидаю тебя. „

Я зналъ, что кухня моя вышла за мужъ въ провинціи; предполагая, что она имѣетъ и привычки провинціальныя, оправился я къ ней довольно рано. Но она еще покоилась въ объятіяхъ сладкаго сна. Въ ожиданіи ея пробужденія Вальвиль показывалъ мнѣ ея приданое и множесиво домашнихъ уборовъ и бездѣлокъ, копорые почисалъ онъ необходимыми для молодой жены, но копорыхъ бѣльшею частію ни употребленія, ни даже самаго названія не знаетъ. По принятому мною обыкновенію, за копорое многія дамы

благодарили меня, я запасся прекраснымъ букетомъ цвѣтовъ, что бы поднести его Гжѣ Вальвиль. “Ты вѣрно шутишь, брашець, сказала мнѣ мужъ: безъ сомнѣнія ты не знаешь, что у насъ самихъ есть превосходный цвѣтникъ; а что бы удостоверить тебя въ этомъ, пойдёмъ туда— только сдѣлай одолженіе пихонько, на цыпочкахъ. „Вальвиль отворилъ дверь въ одну, довольно обширную комнату, въ которой дѣйствительно нашелъ я прекраснѣйшія и рѣдкія растенія. Эта комната опредѣлялась отъ алькова жены его такъ, что Гжа Вальвиль, со своей кровати, могла любоваться прелестными цвѣтами, не чувствуя запаха отъ нихъ. Другаго рода вниманіе его къ ней состояло въ томъ, что онъ, помѣстивъ въ сосѣднемъ кабинетѣ гармонику, всякое утро и вечеръ игралъ на ней, для пробужденія и усыпленія нѣжной супруги. Звукъ инструмента далъ намъ знаць, что мы можемъ войти. Съ восхищеніемъ лечу обнявъ любезную мою кузину; но предсавъше мое положеніе! Съ сердцемъ опшолкнула она меня отъ себя и сурово спросила: “кто вамъ, сударь, позволилъ

войти ко мнѣ?»,—Супругъ вашъ, двоюродный братъ мой. — «Вѣрно сошелъ онъ съ ума! Развѣ онъ не знаешь, что я еще не одѣта, не причесана!»,—Извините, сударыня. — «Не извиняю, сударь!.. Заспашъ меня въ папильѣпахъ, безъ румянъ!»,—Но вы не менѣ прелесны. — «Бышь можешъ!»,—Не менѣ любезны. — «Охотно вѣрю, но прошу не докучашъ мнѣ.»,—Сказавъ это, она хлопнула дверью и исчезла. Такая кротость нрава и такая милая привѣшливость новобрачной совершенно изумили меня.

Съ Франц. Х.

УЖИНЪ ЧЕРТЕЙ И КОЛДУНОВЪ.

Карль II, Герцогъ Лотарингскій, путешествуя инкогнито по своему Государству, приѣхалъ вечеромъ въ одну деревню и расположился въ ней переночевать. Хозяинъ дома, гдѣ Герцогъ назначилъ себѣ ночлегъ, приготоовилъ для него ужинъ, послѣ котораго спалъ спряпашъ другой, гораздо лучше перваго, и потомъ накрылъ столъ, соблюдая на сей разъ несравненно болѣе чистоты и опрятности. Это удивило Карла. Онъ спросилъ хозяина, не

ожидаетъ ли онъ гостей?—“Нѣтъ, сударь, опвѣчалъ крестьянинъ, но сегодня чешвертъ, а у насъ всякую недѣлю въ эпошь день, въ ближней роцѣ, собираюпся черпши съ колдунами, для поклоненія діаволу. По окончаніи пляски въ чешпъ его, раздѣляюпся они на челшыре паршіи: первая отпрапляется ужинашь ко мнѣ, а прочія въ другія деревни, недалеко опсюда., — Но плапьяшь ли они вамъ за шо, чшо берушь у васъ? спросиль Герцогъ. — “Тошо и нѣтъ; они уносяшь еще съ собою все шо, чшо имъ понравилпся, и если мы не такъ хорошо угостимъ ихъ, шо намъ же опъ нихъ доспается. Но чшо прикажеше дѣлашь съ черпшиями и колдунами?,,

Изумленный Герцогъ захопѣлъ опкрышь эпшу шайну. Онъ подозвалъ къ себѣ одного изъ своихъ служилелей, шепнулъ ему чшо-шо на ухо—и шошь во всю прышь поскакалъ въ городъ Туль, копорый опспоялъ опъ деревни не далѣе шрехъ миль.

Около двухъ часовъ ушра крикъ и вопль въ лѣсу кончилпся и черпши съ колдунами, числомъ до шридцати, вошли въ домъ, занимаемый Герцогомъ. Одни изъ нихъ были черные и походили на медвѣ-

дей, другіе имѣли на себѣ рога и когти, колдуны же съ колдуньями одѣпы были очень спранно.

Лишь только сѣли они за споль, какъ посланный опъ Карла возврапился съ опрядомъ солдапъ. Герцогъ съ эпимъ конвоемъ вошелъ въ ту комнапу, гдѣ незваные гости расположились хорошенъко поужинапъ. — “Черпи ничего не ѣдапъ, сказала онъ имъ, и пакъ не угодно ли вамъ уступипъ свои мѣспа моимъ солдапамъ?,,

Колдуны копѣли было опвѣчапъ; нечистые же дуки, будучи ихъ упрямѣ и дерзновеннѣ, начали произносипъ спрапныя угрозы. — “Вы не черпи! вскричала Карлъ. Тогда только повѣримъ вамъ, когда вы вдругъ исчезнете.,,

Но адская шолпа не двигалась съ мѣста — и Герцогъ приказалъ солдапамъ всѣхъ ихъ перевязапъ. Въ ту же ночь захватили и прочихъ членовъ этого сословія, ужинавшихъ пососѣдству. Упромъ представили Карлу болѣе по чершей и колдуновъ. Съ нихъ сняли спранныя ихъ одѣянія, кошорыя дѣлали ихъ споль страшными опкрылось, что это были креспъ-

яне и крестьянки изъ окреспныхъ деревень, копорые собирались по ночамъ въ лѣсъ для того, что бы отпралять шамъ гнусныя торжесшва въ честь Вахусу и потомъ объѣдашь и обирашь богашыхъ поселянь.

Герцогъ Лопарингскій, щедро заплашивъ за свой ужинъ, велѣлъ наказашь мнимыхъ чершей и колдуновъ; какъ они того заслуживали. Спрахъ жишелей всего околоска исчезъ; но вѣра въ колдуновъ не ослабѣла въ Лопаринги: сполько справедливо шо, что пока не разсѣпся мракъ невѣжесшва, до шѣхъ поръ люди все будушь суевѣрны.

Съ Франц. X.

~~~~~

Романсвь.

I.

Друзья! смягчите вашъ укоръ!
Я поневолъ васъ дичуся,
Мой поневолъ груспенъ взоръ;
Друзья! во всемъ вамъ признаюся!

*

Снѣдаетъ грудь мою шоска;
И безъ нее—мой мученья
Меня убилибъ—безъ терпѣнья.
На мнѣ лежишь судьбы рука!

•

Гдѣ ясныхъ дней моихъ свѣшило?
 Гдѣ сердца радость—шишина?
 Меня однажды призракъ сна,
 Однажды счастье посѣшило!..

*

Оно умчалось—и съ душой,
 Лишенной вовсе упованья,
 Иду я жизненной спезей;
 На ней лишь перны и спраданья!

*

Друзья! смягчи пѣжь вашу укорь!
 Я поневолю васъ дичуся,
 Мой поневолю грушенъ взоръ;
 Но съ вами я тоской дѣлюся.

Н. Бушмакинъ.

2.

Любовь, владычица вселенной,
 Ты научаешь насъ къ сей жизни привыкать!
 Небесный даръ, неоцѣненной,
 Кипо не знавалъ тебя, кипо могъ не обо-
 жать?

*

Тобой, всесильная, счастливы,
 Владыки мощные и слабые рабы,
 Приносятъ жертвы молчаливы
 На жертвенникъ любви, надежды и судьбы!

*

Два сердца нѣжныя пылають —
 Кто можетъ пылкую любовь ихъ наградишь?
 Они во храмъ любви вступаютъ —
 И научаются для вѣчности любить!

*

Однажды милымъ называютъ;
 Но *это милое!* ничемъ не замѣнишь!
 Однажды спраспно обожаютъ,
 Однажды чувствуютъ всю цѣну слова: *жить!*

Н. Скородумовъ.

3.

Гдѣ копья и мечи сверкали,
 Гдѣ кровь струилася рѣкой,
 Гдѣ мы невѣрныхъ поражали —
 Тамъ занимался я побой.

*

Твой незабвенный образъ, милой
 Повсюду представлялся мнѣ;
 Не вѣдалъ горести унылой,
 Когда мечпалъ я о тебѣ.

*

Но если былъ во власти скуки,
 Тогда смошрѣлъ на шарфъ златой,
 Который въ часъ моей разлуки
 Твоею вышишь былъ рукой.

*

Какъ сердце радостно забилося,
 Когда увидѣлъ я тебя
 Мое желанье совершилось —
 Довольно счастья для меня!

Ардалионъ Ивановъ.

А р і я .

Изъ новаго Водевиля: *Рекрутъ Астрономъ*,
 соч. А. В. Иванова.

Лишь полько звучною трубой
 Намъ подадутъ сигналъ къ сраженью,
 То спавъ въ порядокъ боевой,
 Мы ждемъ враговъ для пораженья.
 И близко вражій станъ узря,
 Сердца забьются подъ мундиромъ;
 За вѣру, родину, Царя
 Готовы всѣ проститься съ міромъ.
 Вошь бишва люшая кипитъ,
 Смерть каждый видитъ предъ очами:
 Она героевъ не спрашитъ —
 И славно пасть въ бою съ врагами.
 Война пошушитъ въ насъ любовь —
 Въ сердцахъ лишь храбрость запыхаетъ,
 Окончилась брань — и вновь
 Спроситъ нѣжна къ милой оживаетъ.

Пѣсня.

Другъ любезный, ненаглядной,
 Радость сердца, свѣтъ очей!
 Къ бѣдной Дунѣ безоправдной
 Возвращися поскорѣй.

*

Безъ тебя она вздыхаетъ:
 Нѣтъ покоя на часокъ!
 Какъ цвѣточикъ увядаетъ
 И желтѣетъ какъ листокъ.

*

Возвращися, дружекъ прекрасный!
 Безъ тебя мнѣ жизнь горька!
 Очи дѣвушки несчастной
 Опуманила шоска!

*

Безъ себя я сна не знаю:
 Лишь засну—и вмигъ проснусь!
 Въ самомъ снѣ одно мечтаю:
 Скоро ль милаго дождусь?

*

Обливаюсь слезами!..
 Безъ дружка души моей;
 Дни мнѣ кажутся годами
 И зима—весны скучнѣй!

*

Мѣсяць, мнишся мнѣ, безъ свѣта,
 Солнце будто безъ лучей,

Роща въ зелень не одѣша
И безъ пѣсень соловей!

*

Въ люшой горести всечасной —
Друга жду, его зову:
Возвратися, мой прекрасный!
Возвращись—я оживу!

*

И лице мое, другъ милой!
Прежней краской расцвѣтешь,
И слеза любви счастливой
На твою грудь упадешь!

Оренбургъ.

П. Кудряшевъ.

~~~~~

Отвѣтъ на вопросъ П. А. П—вой.

Одушевивъ игру въ вопросы и отвѣты,
Вы знаете хощете: всѣмъ отличные Поэмы
Вѣнецъ безсмертія достойны получитьъ
И всѣмъ они въ вѣкахъ позднѣйшихъ будутъ
жизнь?—
Не радость ли сердець—счастливыхъ душъ
удѣль—
Прелестная любовь есть поэтъ прелестный
геній,
Который съ горнихъ мѣстъ на землю низ-
лещь,

Что бы, любимцамъ Музъ, для нѣжныхъ
 упоеній,
 Всю пайну сладостной гармоніи открыть?
 Возможноль и въ спѣхахъ любви не полю-
 бить?
 Такъ, ежели любовь перомъ поэта водить,
 Тогда чашапель въ немъ шу роскошь
 чувствъ находишь,
 Которая безъ ней такъ холодна въ другихъ;
 Безъ ней въ другихъ гремишь, но не ча-
 руешь спѣхъ;
 Безъ ней зримъ блескъ ума и хитраго ис-
 кусства:
 Съ ней чувства говорятъ и восхищающъ
 чувства.
 Счастливъ, кто вдохновенъ священнымъ
 чувствомъ симъ!
 Спо краше счастливѣе кто любить и лю-
 бимъ.
 Поешь ли онъ?—и всѣхъ сердца обворожа-
 ешь.
 Молчишь?—въ самомъ себѣ живой восторгъ
 вмѣщаешь.
 Прочтемъ Жуковского, прочтемъ Карамзи-
 на —
 Прочтемъ стихи другихъ, гдѣ спросишь
 любви видна:
 Въ нихъ всѣ плѣнительно, языкъ ихъ слад-
 козвученъ;
 Чувствительный Поэтъ съ любовью нераз-
 лученъ,

Любезень въ обществѣ и милъ въ своихъ
 спихахъ,
 Анакреонъ и жилъ и будешь жить въ серд-
 цахъ.
 Гомеръ, пѣвецъ вождей, парилъ подь обла-
 ками:
 Они къ бессмертью шли различными пу-
 шями
 И оба ошъ него приобрѣли вѣнецъ —
 Лишь тошъ, кшо пѣлъ любовь, милѣе для
 сердцець.
 Языкъ измѣнишя; но духъ безъ измѣненій
 И геній истинный для всѣхъ вѣковъ есть
 геній.

Казань.

Рындовскій.

~~~~~

Пловецъ,

I.

Блѣднѣя день въ горахъ исчезъ,
 Въ долину сумракъ опустился,
 Багровый мѣсяцъ покашится
 Среди безоблачныхъ небесъ;
 И зыбкое Днѣпра стекло
 Сравнялось въ берегахъ кремнистыхъ,
 И на утесахъ дикихъ, мшистыхъ
 Молчанье мертвое легло ...
 Все спишь—пловецъ молодой къ рѣкѣ,

Какъ изъ лука стрѣла пустился,
 Челнь сдвинуль скрышый въ проросникѣ,
 Взмахнулъ весломъ—челнь покашился;
 Спруя злая за кормой
 Помчалась свѣшлой полосою:
 Такъ молнія, блеснувъ порою,
 Слѣдъ оставляешь за собой.

2.

Но началъ пмишся неба сводъ,
 По зыбкой влагѣ вѣпръ промчался;
 Проснулъ Днѣпръ, заколыхался...
 Но челнь лешипъ стрѣлой впередъ
 Уже пловець сквозь мракъ ночной,
 Зришь на поверхности неровной:
 И знакъ на берегу условной,
 И образъ дѣвы молодой;
 Духъ сладкаго шомленья полнь:
 Коснулся слуху голосъ милый,
 Лешипъ ... но буря вновь завыла
 И сильно закачался челнь;
 И вдругъ зажглись небесъ края
 Вихрь заревѣль, валы сѣдые
 Какъ горы вспали вѣковыя;
 Громъ грянулъ—скрылася ладья.

3.

Раздался дикій вопль межъ скаль

И слился съ бурей разъяренной :
 Души внезапно пораженной
 Онъ вздохъ послѣдній выражалъ.
 Вспѣ грозный валъ бѣжишь къ брегамъ —
 Плеснулъ, отхлынулъ, раздробился,
 И дѣвы гасвущей къ ногамъ
 Пловца шрупъ хладный покашлся.

Козельскѣ.

А. Б. стр. лѣ.

Сравненіе.

Осенній, хладный вѣспрь промчипсяль межъ
 древами —
 Желшѣешъ, вянешъ лисшъ, засохнешъ, опа-
 дешъ;
 Весналь дохнешъ на нихъ прелесшными у-
 спаами —
 На той же вѣпочкѣ ужъ лисшъ другой ра-
 сшешъ.
 Такъ почно смершными Рокъ шяжкій у-
 правляешъ:
 Родишся гдѣ одинъ—другой шамъ умираешъ.

Козельскѣ.

А. Б. . . р. лѣ.

Въ альбомъ себѣ.

О ты, кошорая хранила
 Земнаго спранника ошь бѣдъ!
 Съ нимъ радость, горести дѣлила,
 Собою украшая свѣшь —
 О Дружба, неба даръ безцѣнный!
 И ты, благая изъ спрасшей,
 Сокровище и жизнь вселенной —
 Любовь, душа души моей!
 Въ моемъ альбомѣ ваши чувства,
 Безъ лести, хипраго искусства,
 Вѣрнѣй изобразишь прошу —
 И я ихъ въ сердце запишу!

*Оренбурѣб.**П—рѣ К—**Надеробіе С. П. Ч.*

Томясь въ молчаньи ошь недуга,
 Увяла, какъ весенній цвѣшь!
 Увы! и дочери и друга
 Не спало въ осень нашихъ лѣшь!

Отъ Издателя.

Особы желающія получать Журналь: *Благонамѣренный* и на послѣднюю половину нынѣшняго года, ш. е. съ Юля по Генварь 1826, благоволяшъ подписывашся сколь можно благовремяннѣе, ибо Издашель спашешъ печашать шолько по количесшю, которое соразмѣрно будешъ числу подпищиковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXIV.

СОВѢТЪ АМЕРИКАНЦЕВЪ.

(Окончаніе.)

Послѣ долговременнаго молчанія, возспаль *Войогени*, жительство селенія *Лаквакка*, изъ поколѣнія *Магеесова* (ш. е. орла) и говорилъ: “возвращаясь съ рыбной ловли, увидѣлъ я *Мусканегонгу* у дверей ея дома; она вопила, рыдала и разила себя въ грудь. — Кто такъ огорчилъ тебя? спросилъ я ее. Или злый духъ исщепаль ночью порогъ дверей твоихъ *)? Или дурной сонъ привидѣлся тебѣ? Или замѣши-

*) *Разрушить*, или *разрубить порогъ дверей* у дикихъ, предзнаменуетъ величайшее бѣдствіе: они почитаютъ цѣлость порога знакомъ благосостоянія домашняго и безопасности. Если случится, что порогъ самъ собою выпадетъ изъ своего мѣста, то хозяева построитъ себѣ непременно новое жилище.

ла, что низпадали звѣзды, когда молилась ты полной луны? Ты ничего не отвѣчаешь на мои слова! Для чего же нарушаешь во племъ своимъ пишину ночи, время покоя? Уже ли мало тебѣ крушишься во весь свѣшлый день? —

“Ты говоришь о покоѣ! — отвѣчала она мнѣ. Нѣтъ его для меня на земли! Умъ мой погрузился во глубину мрака; густые облака зашмили солнце дней моихъ; ночные, буйные вѣтры угнали отъ меня сонъ. Я лишилась *Мондаявота*, любезнаго спутника моей жизни, милаго друга моей юности. Когда ходила я съ нимъ по лѣсамъ, то не боялась ни хищныхъ волковъ, ни эхидной рыси, ни лютаго барса; когда онъ сидѣлъ въ лодкѣ, а я правила на кормѣ поперегъ пѣнныхъ вадовъ озера, тогда не боялась ничего и смаралась нравиться ему моею неуспрашимостію. Не морщась нимало, также какъ и онъ, обращала мое лице прошивъ вѣпра; лишь только скажешь онъ мнѣ: *приди* — я прибѣгу; а скажешь: *ступай*, пойду куда велишь. Воля его была волею моею; а моя воля, если только могла она бытъ у меня—была его волею. Онъ умѣлъ

плавашь какъ осепрь, и возможно ли? — прощаль подь водою, переплывая бысприну спремипельнаго *Непинага*! Тѣло его доспалось въ снѣдь рыбаць. Кпо шеперь упѣшишь меня? Кпо поведешь за руку, когда буду я спара и дряхла?—Никпо! Одна я оспалась на всей землѣ! Ахъ! дячего не положила я въ дарь злomu духу сверпка шабаку на кровлю моего дома *)? Можешь бышь, не попустишь бы онь, чшо бы мой *Мондаявотъ* упонулъ; я не шревожила бы нынѣ воплями моими покоя noci и не навлекла бы на себя твоего гнѣва.,,

— Вѣрю, чшо и весь шабакъ съ поля пивоего охошно опдала бы шы *Матхею Манитоо* (сказаль я ей), если бы онь сохранилъ твоего *Мондаявота*. Но развѣ не знаешь, чшо злый духъ неумолимъ, чшо онь не внемлеть мольбамъ нашимъ? Опъ него-шо и происходяшь всѣ наши напаси. Онь посылаетъ къ намъ бурные вихри (ураганы) градъ, снѣгъ и

*) Симъ приношеніемъ, какъ самою припнѣйшею для злаго духа жершвою, уполяется, по мнѣнію дикихъ, его яросшь.

спужу; онъ проливаетъ безмѣрные дожди и выпѣсня изъ береговъ рѣки, затопляетъ наши луга; звукъ его голоса — ужасный громъ, а сверканіе очей — молнія; столько же занимается онъ успѣхами нашими въ ловипвѣ звѣрей, на войнѣ и вообще нами, какъ перелешными пщцами, или неоспорожно плавающими рыбами, копорыхъ уноситъ спремленіе воды съ высокаго паденія въ кипящія между скалами пропащи. Пошера швоя велика! Плачь, *Мусканегонга*, плачь: пы женщина. Слезы обмоютъ, а время излѣчитъ глубокія раны сердца швоего. Время или изцѣляетъ насъ, или вовсе убиваетъ: оно изсушаетъ великія рѣки, и распаливаетъ холодные снѣги и льды; оно же прогоняетъ шуманные дни и приводитъ припную весну. Время подобно длинной спезѣ, по копорой кшо ни идешъ, достигнешъ Забвенія, лежащаго, скорчасъ на земли, или сидящаго, прижавшись къ корню дерева *). *Мусканегонга!* развѣ

*) Подъ *Забвеніемъ* дикіе разумѣютъ спарость, изнеможеніе силъ и самую смѣршь.

нѣшь у насъ въ селеніи, или въ другомъ мѣстѣ по близости, какого юноши изъ бѣлыхъ, котораго могла бы шы приняшь себѣ въ супруги? —

“Хорошо! — возразила она мнѣ — но волки съ лисицами могутъ ли ужиться вмѣстѣ? Къ чему годны бѣлые у насъ въ лѣсахъ? Заслонитъ ли облакомъ солнце — мгновенно они заблудятся, не знаютъ куда идти и откуда шли; выпадетъ ли снѣгъ — они уже и окоспенѣли; повснрѣчають ли рѣку — безъ лодки, или безъ плота, не смѣють переплыть ее; а когда придется перпѣть голодь, или жажду, то не въ силахъ, какъ мы, переноситъ ихъ.

— *Мусканегонга!* — продолжалъ я — какъ между нами, такъ и между ими, есть люди хорошіе и дурные. Посмотри на деревья въ лѣсахъ: всѣ ли они одинакой высоты? Стебли пшена всѣ ли сочны? — Нѣтъ: такая же точно разность и между людьми. Я знаю многихъ бѣлыхъ, которые

*) Женщины дикихъ въ послѣдствіи времени имѣли уже право принимашъ къ себѣ въ домъ бѣлаго, п. е. Европейца, на мѣсто умершаго мужа темносмуглаго Американца.

такіе же храбрыя воины и искусныя звѣроловцы, какъ и мы — кошорые почпи выросли въ лѣсахъ и ни въ чемъ намъ не усшупяшъ. А сколько еспъ между нами такихъ, кошорые продаюшъ все, что ни имѣюшъ, за нѣсколько грошковъ огненнаго пишыя *)? Скорѣе согласишься ты разводитъ у себя огонь сама, нежели бытъ замужемъ за такимъ безумцемъ, кошорый не будешъ умѣшъ правитъ не только домомъ, но даже и челномъ пвоимъ. Что мы не предпринимаемъ, *Мусканегонга*, вездѣ встрѣчаемъ больше зла, нежели добра, вездѣ находимъ больше колодь и шернія, нежели цвѣписныхъ кусповъ. —

“Ошъ чего же это такъ? спросила она, и къ шому вошъ еще что примолвила: во время шемной ночи, если выспавишъ голову за дверь и захочешъ пошмошрѣшъ что происходишъ въ дали, то видишъ ли шогда что нибудь?,”

—Тогда ничего нельзя видѣшъ, опвѣчалъ я ей. Такъ равно и на вопросъ швой,

*) Подъ огненнымъ питьемъ дикіе разумѣюшъ водку.

какъ бы ясно ни спарался я отвѣчать, по для тебя сполько же темно будешь, какъ и ночь, какъ для меня вопросъ швой. Кто знаетъ: если бы люди были менѣе злополучны, по какъ бы размножились они на землѣ; не достало бы погда, можешь бышь, ни дичи, ни рыбы, для насыщенія ихъ; сильные спали бы пожирашь слабыхъ, какъ по нерѣдко и случается. Но всего лучше: приди ты къ *Онондагу* на другой день полной луны. Сердце швое и разумъ услышатъ мудрыя слова опцевъ сѣмейшвь. Вопъ что я присовѣщовалъ ей... Я все сказалъ.,,

Сіасконцетъ, жишель селенія *Пантаготы*, изъ поколѣнія *Утагалли* (лисицы) вспалъ и началъ говоритъ:

«Возвращаясь домой опъ *Напонзета* я повстрѣчался съ *Когавабасголдъ*, моимъ кровнымъ, хопя онъ родомъ изъ *Утавы*. вмѣсто того, что бы, по обычаю воиновъ, идѣши смѣло и держашь голову прямо, онъ шель шихо съ поникшею головою, кошорую прикрылъ эпанчею. — Что ты дѣлаешь здѣсь въ деревнѣ? спросилъ я его. Ты ходишь на дряхлаго спарика, или на больного. Уже ли успѣлъ ты возвратишься съ дальней швоей охоты?»,

—Я не хожу болѣе на охоту, опвѣчалъ онъ мнѣ, а ловлю только рыбу и то, когда голодь принудить. Я опвориль дѣри дома моего ночнымъ ппицамъ и вышель совсемъ изъ деревни Упавы. —

“Что тому за причина?,, воскликнуль я опъ удивленія?,,

—Сердце мое обливаецся кровью, подобно лани, пронзенной стрѣлою звѣрловца, продолжалъ *Кодгавабасеѣ*. Глаза мои горящъ: сонъ не смыкаецъ ихъ; печаль горькая свила себѣ гнѣздо у меня подъ кровлею, я изнемогъ опъ успалоспи, а ничего не дѣлаю: мнѣ ни жарко, ни холодно. *Матхей Манитоо* послалъ къ намъ въ деревню своего большого черного змя. Онъ ужалилъ жену мою *Нецаланец* и почпи всѣхъ моихъ кровныхъ пережалилъ, пакже и многихъ сосѣдей нашихъ. Я пришель сюда согрѣшься у огня швоего и посовѣшовашься съ швоею мудроспью. —

“Мудроспъ молчишь, когда воиешъ несчастіе, опвѣчалъ я ему. Я зналъ швою супругу; вѣдь она была изъ сѣмейсшва *Цакатаканова?*,,

—Да.—подшвердиль онъ.

“Для чего же не пошель шы грѣшь-

ся къ ихъ огню? Отецъ, мать, братья и сеспры твоей *Нацаланги* приняли бы тебя за руку. Рука кровныхъ теплѣе руки поспороняго челоуѣка, мягче руки самаго друга.,,

—Опъ рода *Патаканова* не оспалось ни одной капли крови на землѣ. Пагубная зараза, занесенная къ намъ бѣлыми *), подобно лепящему изъ шучь огню, испребила почти все наше селеніе, пока ходилъ я на ловлю бобровъ въ дальнюю сторону. Возвращаясь, нашель я однѣ только коспи моихъ кровныхъ и ближнихъ, а шѣла ихъ были съѣдены волгами и насѣкомыми. Нигдѣ уже не шились огня; не было ни одной затворенной двери; никто не оспался живъ, кромѣ псовъ охотничьихъ **).—

*) *Mergum-Megat*. Подъ симъ словомъ дикіе разумѣють все, что шолько ни принесли къ нимъ злаго и пагубнаго Европейцы.

**) Нѣсколько челоуѣкъ изъ поколѣнія *Утавы*, производившихъ шоргъ звѣриными кожами, возвращаясь въ свое селеніе, занесли шуда оспу, кошорою заразились на берегу озера *Эри*. Все поколѣніе погибло. Трупы

“Ты приводишь меня въ препещь, сказала я ему. Жена швоя, сродники, ближніе, друзья и все почти селеніе погибли опть лютой заразы! *Когавабазгъ!* когда поражаетъ насъ печальная вѣсть, или когда случается съ нами какая напасть: въ то время душа наша повергается въ уныніе; сердце стѣсняется подобно челну, сдавленному полстыми льдинами—подобно корню кедра, сжатому въ ущелинѣ скалы кремнистой. Но сегодня ни о чемъ болѣе не говоримъ, какъ только объ этомъ; ни чемъ болѣе не занимаемся какъ поскою и сожалѣніемъ — а завтра на охотѣ, или на рыбной ловлѣ менѣе о томъ будущъ думаемъ; послѣ завтра и того еще менѣе: первыя впечатлѣнія нечувствительно уменьшаются и изглаждаются, точно шакъ, какъ смывающіяся рѣчными волнами, по мѣрѣ ихъ разлива, шѣ уродливыя изображенія, что несмысленныя дѣти наши пишутъ на пескѣ. То же самое будетъ и съ швоею

людей были снѣдію собакъ и волковъ. Приспавшіе шуть черезъ нѣсколько лѣтъ Европейцы нашли только однѣ кости.

прапою, *Когавабазъ*! Конечно она велика и не легко забыть ее. И я, и я, къ кошорому пришелъ ты за усладительнымъ совѣшомъ, пошому чшо полагаль меня не шолько несчастнымъ, сколько ты самъ, и я не менѣ шебя злополучень! Развѣ не знаешь ты, чшо у меня было шри сына, опмѣнные молодцы: *Тіеназъ*, *Тіого* и *Новскуссетъ*. Всѣхъ ихъ сразиль злый духъ! Ихъ нѣшь уже здѣсь; некому неспи на брань сѣкиру *Сіасконсетову* *)! Ты еще молодъ, ты еще оживешь въ дѣшяхъ швоихъ; а я много, много уже перечель лунь, и уже приближаюсь къ моему водопаду. Останься у меня подъ кровлею до шѣхъ поръ, какъ зажженъ будешъ великій огонь совѣша; ты увидишь спарцевъ и опцевъ сѣмействъ, которые шакже, какъ и ты, испили чашу горести, но вознаградили прапы свои примсшвомъ къ себѣ въ родсшво иноплеменныхъ. Только будь ошороженъ, берегись

*) Томегавка (Tomehawk) сѣкира, или шпоръ дикихъ, на рукояши кошораго означено зарубками число непрятелей, пораженныхъ симъ оружіемъ.

при нихъ плакашь; а не то они презряшь себя и не удоспояшь ни однимъ словомъ.,,

“Но вошь что сказала онъ мнѣ на это: *Сіасконсетъ*! Не уже ли не привелось когда либо тебѣ слышать, какъ жалобно воешь медвѣдь, если звѣроловець убьетъ его подругу? Не уже ли не видалъ ни разу, какъ обильно текутъ слезы изъ очей бобра, когда лишился онъ самки своей, или дѣпищъ? А мнѣ развѣ должно быть менѣ ихъ чувствительну? Нѣтъ, я человекъ—паккой же добрый охотникъ и храбрый воинъ, какъ и свои опцы семействъ. Можно ли насягать лукъ, когда лопнула шепива? Когда свирѣпствуетъ гроза, въ то время гнущся равно какъ вершина твердаго кедра, такъ и гибкая шпросъ. *Сіасконсетъ*! когда уязвляется шѣло, тогда течетъ кровь; а когда печаль грызетъ сердце, тогда текутъ слезы. — Вошь что скажу я своимъ спарикамъ. Послушаемъ, что-то скажутъ они мнѣ на это въ отвѣтъ. —

“Когда такъ, примолвилъ я, то плачь же *Когавабазгъ* у меня подъ кровлей; плачь, когда хочешь шого добрый духъ: но что

бы не прогнѣвшишь и злаго духа, што смо-
шри, чинобъ рѣсницы швои были сухи,
когда придетшь ты къ огню *Онондага*.,

— Какъ же должно поступашь, жи-
вучи на земли, когда одинъ хочешь шого,
чего другой не хочешь? — спросилъ онъ.

“Какъ поступашь? возразилъ я. Долж-
но почишашь жизнь шупемъ, лежащимъ
ошъ Торонша до *Ниагары* *). Какого шру-
да споишъ намъ обойши мысль, чшо бы
выбратъся изъ залива, куда часшо заго-
няють насъ вѣшры? Сколько предспоишъ
шущъ опасносшей брешному нашему чел-
ну! Какъ бы шо ни было, а надобно поль-
зоватъся временемъ и способами, какіе
случашся, ибо они зависяшъ не ошъ на-
шей воли — должно любишъ и пишашъ
свою жену и дѣшей; почишашъ свое по-
колѣніе и свой народъ; довольсшвованъся
шемъ благомъ, какое даешь намъ жребій
нашъ; мужеспвенно и шерпѣливо пере-

*) *Торонто* и *Ниагара* двѣ знаменитыя
приспани на озерѣ *Оншаріо*: одна на восто-
къ, а другая на юго-западъ, при устьѣ рѣ-
ки *Ниагары*, славной своимъ ужаснымъ во-
допадомъ и проспранспвомъ своего шеченія.

носишь зло; ловишь звѣрей и рыбу, когда голодь того пребуешь; опдыхашь и куришь оппуаньянъ, когда успанешь; ожидашь безъ спраха и хладнокровно встрѣчашь несчастіе; радовашься, когда оно не приходишь, или проходишь — надобно думашь о себѣ такъ, что ты подобень шицѣ, копорая ищетъ приюша на вѣшви дерева, что бы спокойно провести ночь, а съ упреннею зарею вспархиваетъ и улешаетъ невѣдомо куда — навсегда улешаетъ. Вошь, что говорилъ я ему! — Я все сказалъ.

Перев. Павелъ Львовъ.

Басни.

1. Мартышка и Волъ.

Мартышка корчилась, кривлялась,
Кувыркалась, ломалась

И въ милость шемъ понала у господъ.

Чеспиль ее и весь народъ.

То видя Волъ прудолюбивой,

Взываетъ шакъ къ опцу боговъ:

“Ну яль щажу своихъ прудовъ?”

Не яль помлюсь надъ нивой?”

Тащу тяжелу кладь порой?

О Боже мой!

Меня вездѣ встрѣчаютъ

Съ Атоникшею главой:

И чтожь? меня же на убой

И въ жертву обрекаютъ.,,

Напрасно Волъ пѣняль и Зевсу и богамъ:

Все подь ярмомъ онъ шель, куда мясни-
камъ

Достался;

А міръ—Маршышкѣ удивлялся!

2. Соколъ и Черепаха.

Сошлись Соколъ и Черепаха.

Кто ждалъ такого брака?

А чтобъ дружнѣе жить,

Другъ къ другу ближе бытъ,

Другъ съ другомъ все дѣлать,

Они себя другъ къ другу привязали

Но что же вышло шуть?

Товарищи всю жизнь проклинали.

Соколій прудъ

Не въ мочь увѣсиспой подругъ:

Онъ къ небу на досугъ;

Онажь щацитъ въ рѣку, иль въ прудъ.

Пошло все вкось

И криво все и врозь,

И сполько мучились союзники и рвались,

Что наконецъ разсхались.

3. Орелъ безъ крыльевъ.

Орелъ молодой,
 Гонимый злой судьбой;
 Въ добычу пасухамъ достался.
 А въ лапы кто людскія разъ попался,
 Тому съ Форшуною ужь врядь ли пировать:

И длиннопола рать
 Орлу всѣ крылья ощипала;
 Помомъ
 Орла ползкомъ
 Тащиться вынуждала.
 Безъ крыльевъ живишь, какая жизнь Орлу!
 Не въ мочь ему
 Столь тяжкая опала:
 Съ шоски Орелъ издохъ,
 А ползашь онъ не могъ!

Н. Д.

ВИРГИЛІЙ.

(Изъ Опыта о Эпитетскихъ Поэтахъ.)

Между спикопворцами, ознаменовавшими въкъ Августа, Виргилій, кажешся, долженъ занимать первое мѣсто. Ни одинъ изъ великихъ писателей при жизни своей не былъ осыпаемъ подобными почестями,

не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ пѣвецъ Енея: однажды, когда онъ былъ въ театръ и начали читать стихи изъ бессмертной его Поэмы—все вспали, изъявляя ему свое удивленіе громкими рукоплесканіями. Таковая почестъ воздаваема была тогда только однимъ Императорамъ. Да и кто умѣлъ бы такъ искусно польстить самолюбію Римлянъ? *Виргилій* родился въ 684 году отъ построения Рима, въ одномъ мѣстечкѣ близъ Маншуи, во время Консульства Помпея и Красса.

Если Гомеръ превосходитъ *Виргилія* въ изобрѣженіи, въ творческой силѣ: то по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ видно болѣе вкуса *Августова* вѣка, совершенства въ подробностяхъ; видно болѣе искусства въ описаніи. Гомеръ сильно дѣйствуетъ на воображеніе; *Виргилій* болѣе трогаетъ сердце. Какое неизчерпаемое богатство въ одномъ! Съ какою роскошью раскиданы у другаго яркіе цвѣты и какъ искусно расположены они!

Скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ *Енеиды*.

Здѣсь для полноты приведемъ еще

рачь мнѣніе Аристотеля, Философа про-
 свѣщеннаго, копорый разсуждая о произ-
 веденіяхъ вкуса и генія, предписалъ зако-
 ны Драмѣ. “Герои оной, говоришь онъ,
 должны бытъ велики и славны: но долж-
 ны имѣть и свои недоспашки: ибо хотя
 дѣбродѣтель высокая поражаетъ насъ,
 хотя мы удивляемся ей; но любимъ болѣе
 пакихъ людей, которые, подобно намъ,
 имѣють свои недоспашки.” Чшо же мы
 видимъ въ Енеѣ? Онъ всегда являешся намъ
 крошкимъ, послушнымъ велѣніямъ боговъ
 своихъ, всегда набожнымъ и мудрымъ;
 нѣтъ ни одного поступка, копорый бы-
 ло бы можно опорочить, копорый былъ
 бы прошивенъ спрогимъ предписаніямъ
 морали. Онъ всегда являешся въ слезахъ
 и въ молитвахъ. Равнодушно взираетъ на
 возраспающую къ нему любовь Дидоны—
 беззаботно предаетъ своей спраспи,
 и оставляетъ также спокойно пред-
 метъ любви своей, даже съ оскорби-
 тельною холодностію, коль скоро по-
 велѣвають ему сіе боги. И паковый
 герой могъ бы скорѣе сдѣлаться осно-
 вателемъ какого либо монашескаго орде-
 на, какъ замѣчаетъ справедливо Сень-

Евремонтъ, нежели бышь зиждителемъ Рима, въ послѣдствіи обладашеля вселенной. По долгомъ плаваніи, наконецъ Еней приходись съ кораблями своими въ землю Лапиновъ. Лапинскій Царь, принявъ дружелюбно Троянцевъ, предлагаешъ самъ неизвѣстному ему совсемъ чужестранцу—Енею руку своей дочери Лавиніи, уже нарѣченной невѣсты Турна. Турнь вспунаешъ за себя; возгораетъ война, и малодушный Царь Лапиновъ, не зная что дѣлать и на что рѣшишь, запираешъ въ своемъ дворцѣ и спокойно смотрить на кровавыя битвы. Лавинія также совершенно безъ всякаго дѣйствія лице, за которое, надобно припомнишь, война сія съ такою жестокою возгорѣлась; сія Амапа, супруга Царя Лапиновъ *), лишив-

*) Но при всемъ томъ надобно признашь, что машеринская любовь въ Амапѣ выражена прекрасно; это львица, у которой отняли дѣтей ея; это Клитемнестра, у которой уведяшь дочь для принесенія въ жертву. Амапа, почитая себя оскорбленною, гласомъ опчаянія, раздирающимъ душу, взываетъ ко всемъ машерямъ Италіи,

шая себя жизни, при видѣ бѣгства своего ополченія, и наконецъ поединокъ Енея съ Турномъ, на копоромъ послѣдній лишается жизни *) — все это показываетъ, что въ разсужденіи характеровъ, плана и изобрѣшательности, Виргилій не сравнился ни съ Гомеромъ, ни съ Тассомъ.

что бы онѣ присоединились къ ней для защищенія правъ своихъ; и ея воззваніе естъ образецъ самага высокаго краснорѣчія.

*) Мы невольно беремъ спорону Турна, героя младаго, пылкаго, спремешельнаго, какъ справедливо замѣчаетъ Вольшеръ, ибо какое право, развѣ шолько основанное на сказаніи Оракула, имѣлъ Еней получить руку Лавиніи? Но здѣсь Оракуль согласуется съ нуждою Поэпа: приходишь какой-шо чужеспранецъ; приносишь огонь и мечъ въ землю Лапиновъ; убиваетъ возлюбленнаго Лавиніи и дѣлаешь причиною смерти ея матери. Что бы сдѣлашь Енея любезнымъ въ глазахъ чинашеля, продолжаешь сей оспроумный писатель, надлежало бы его предшавить не въ видѣ похишителя Лавиніи; но въ видѣ великодушнаго ея защитника и избавителя отъ соперника и врага ей ненависшнаго.

Что же касается до другихъ дѣйствующихъ лицъ Енеиды; то они суть только слабыя и ничтожныя орудія Енея, суть только его прислужники, какъ по: Клеанѣ, Гіасъ и Ахавъ. Можеть бытъ въ оправданіе Virgilія иныя скажутъ, что онъ, желая занятъ чипашеля однимъ только своимъ Енеемъ, одними его подвигами, пошому и не представилъ шакого множества героевъ, какое мы видимъ въ Гомерѣ, въ Тассѣ: но шамъ каждому герою предназначень свой кругъ дѣйствія; каждый великъ, каждый занимашелень для чипашеля, когда являешся на сцену; но между ними, на примѣръ въ Гомерѣ, Ахиллъ имѣеть всегда преимущество.

Теперь скажемъ о красотахъ Енеиды. Впрочемъ, четвертая и шестая книги оной справедливо заслужили всеобщее одобреніе. Картина разоренія Трои живо представляеть всѣ ужасы въ градѣ, преданномъ посреди мрака ночи огню и неисповсхвамъ неприяшеля. Но сколько въ одно и тоже время прогашельныхъ сценъ, на примѣръ: смерть злосчастнаго Пріама! Сколько подвиговъ великодушія и состраданія: Еней на раменахъ своихъ выноситъ

престарѣлаго отца и спасаетъ сына *). О четвертой книгѣ Енеиды, кажется, давно уже все сказано: она утвердила славу Virgilia; она послужила камнемъ преткновенія для стихотворцевъ, которые, подобно Virgilio, хотѣли бы заставить говорить любовь истиннымъ языкомъ ея и изобразить ее со всеми возможными опшѣнками **). Какая уди-

*) Послупокъ достойный уваженія; но опъ чего такое равнодушіе къ своей супругѣ? Опъ велитъ ей слѣдовать за собою издалика (*longe vestigia servet*). Креуза одна ночью пробирается по городу, посреди буйной толпы непріятелей—Еней не могъ ручаться за жизнь ея. Но Поэтъ предвидѣлъ, что освободясь опъ Креузы, Еней могъ вступить въ новый бракъ въ Италіи. Такъ многіе кришики гремятъ противъ сего спранныго благочестія Енеева.— Почему не предсшавить Креузу погибшею другимъ какимъ либо образомъ, болѣе извинительнымъ для Енея?

***) Тассъ, изображая отчаяніе Армиды, при видѣ оставляющаго ее Ринальда, Расинъ изображая Фредру, пожирасую преступною спрасшію, заимсшвовали всѣ сильныя мысли у Virgilia.

пельная поспешность въ возрастающей снраспи Дидоны! Искра любви заронилась въ ея душу; искра сія плѣшетъ и наконецъ вырывается ужаснымъ пламенемъ изъ груди ея. Последнее воззваніе Дидоны къ Енею исполнено укоризнь, совершеннаго отчаянія любви испугленной. Какъ искусно приготавливаетъ Поэтъ ея кончину! Дидона, на одрѣ смерти, завѣщаетъ своему потомству упицать непримиримую вражду и мщеніе (*rugnent ipsique nepotesque*), и сія наслѣдственная, такъ сказанъ, ненависть между Римлянами и Картегенянами содѣлалась причиною непрерывныхъ ихъ распрей между собою. Но шѣнь Дидоны должна упѣшишься: духъ месши ея въ послѣдствіи воскресаетъ въ Аннибалѣ.

Можетъ быть скажутъ, что сошествіе, которое по повелѣнію боговъ Анхизъ заставляеть предпринимать своего сына, есть только подражаніе Одиссей; но здѣсь Гомеръ должень уступитъ Римскому Поэту. Улиссъ, будучи въ адѣ, вызываетъ какую-то волшебною силою шѣни усопшихъ, которыя приходятъ и уходятъ безъ всякой побудительной при-

чины. — Припомъ Гомеръ имѣлъ однѣ только невѣрныя и сбивчивыя понятія объ участи, ожидающей добрыхъ и злыхъ на томъ свѣтѣ; Гомеръ не представлялъ ничего утѣшительнаго по ту сторону гроба. Такъ ли Virgilii представлялъ намъ будущую жизнь? Въ стихахъ его отражается великая душа Сократа и гений Платона. Цѣль сего чудеснаго путешествія весьма важна: здѣсь открывается Енею непроницаемая завѣса судебъ; открывается будущая слава сего новаго града, въ копоромъ поселились оспашки Троянцевъ.

Многіе ученые крипики изчисляють писателей Греческихъ и Латинскихъ, изъ сочиненій копорыхъ Virgilii много заимствовалъ и даже цѣлыми пирадами переводилъ изъ оныхъ. Но скажемъ вмѣстѣ съ Делилемъ: кто бы спалъ, прохаживаясь по берегамъ величественной рѣки, опыскиваешь выпадающіе въ нее испочники, копорые сами по себѣ столь ничтожны и слабы, что никогда не могли бы наполнишь ни всей глубины ея, ни придашь печенію ея быспрошны и величія.

Вѣкъ, въ которомъ жилъ Виргилій, не слишкомъ благопріиспѣвовалъ вымысламъ эническимъ. Тассъ, Мильтонъ жили во времена суевѣрія: тогда еще вѣрили колдунамъ и чародѣйству, и оно-то служило Тассу обильнымъ источникомъ для чудеснаго. Но во времена Виргилія вліяніе боговъ не дѣйствовало сильно на умы народа: уже появились при немъ многія философскія системы и Поэма Лукреція; и потому система чудеснаго, которая движетъ всѣ пружины Эпопеи, не слишкомъ удачно составлена Виргиліемъ. Юпитерь у Гомера дѣйствуетъ; онъ награждаетъ, но умѣетъ и наказывать. Онъ хочетъ, что бы погибла Троя, ибо видитъ въ Лаомедонѣ клятвопреступника, въ Парисѣ гнуснаго похитителя; хочетъ, что бы Ахиллъ былъ опмщенъ за нанесенную ему Агамемнономъ обиду. У Виргилія же Юпитерь, какъ говоритъ Баштѣ, безъ всякой силы и дѣйствія, родъ нѣкой машины, неимѣющей разсудка и съ прудомъ движущейся. Какое слабое участіе принимаетъ онъ въ судьбѣ Енея! Онъ оставляетъ его почти на произволь слѣзгаго случая. Вене-

ра, продолжаетъ Баштё, умѣешь лишь плакать предъ Юпитеромъ; приносишь Енею божественные доспѣхи; но не уже ли не имѣль онъ до сихъ поръ никакого оружія, находясь на столькихъ битвахъ? Тезида приносишь Ахиллу воинскіе доспѣхи; но Ахиллъ въ то время не имѣль своихъ, онъ опдалъ ихъ Пашроклу. Но если и здѣсь Баштё видишь одну только нужду Поэта польспить самолюбію Августа; то нельзя не извинить Virgilia за сей прекрасный и столь ксшати приведенный вымысль, которому всѣ эническіе стихотворцы спарались въ послѣдствіи подражать *): Венера показываетъ на щипѣ своему сыну блистательные подвиги Августа, показываетъ рѣшившую

*) Такъ старецъ Вассіанъ въ *Россіадѣ* показываетъ Іоанну его знаменитыхъ приемниковъ и доходитъ до блистательнаго вѣка *Екатерины*; но Херасковъ не сохранилъ въ семъ случаѣ ни достоинства, ни важности Эпопеи. Кто такой Вассіанъ? Чисташель едва его знаетъ. Подражаніе неудачное Virgilію, который соблюдаетъ болѣе приличія.

судьбу Римлянъ, бипву Акціумскую, въ которой Непсунъ, Минерва сражающъ чудовищныхъ боговъ Нила, и самъ Аполлонъ однимъ взглядомъ разсѣваешъ шолпы Египтянъ, Индѣйцевъ, Египлянъ. Наконецъ Ниль, гордясь семью своими испоками раскрываешъ широкіе сборы лазуревой своей одежды, созываетъ слабые ошашки побѣжденныхъ и скрываетъ стыдъ убѣгающей Клеопашры въ нѣдрѣ водъ своихъ. Кто не будетъ восхищаться съ Аддиссономъ симъ прекраснымъ сшихомъ, копорымъ Виргилій оканчиваетъ оный вымысль: Еней несетъ на раменахъ своихъ славу и судьбу своего попомсшва!

Attolens humero famamque et fata nepotum.

Заключимъ словами Лагарпа: “не спанемъ жаловаться на шо, что природа не надѣляетъ всемъ одного; но подивимся лучше богатству разнообразія даровъ ея, сему неизчерпаемому изобилію, копоре возвышенной душѣ общаетъ всегда новую пищу, славѣ новыя шипла — людямъ новыя наслажденія!,,

А. Н—нб.

МАРІИ *).

Изъ соч. Лорда Бейрона.

I.

Ты счастлива, Марія! Чувствую, что и я былъ бы также счастливъ, потому что сердце мое занято любовью, какъ и прежде.

II.

Ничто не равняется съ благополучіемъ супруга своего... но оно сполнитъ мнѣ многихъ прискорбій. Однако же забудемъ ихъ... Ахъ! какъ бы возненавидѣлъ я его, если бы онъ не любилъ тебя!

III.

Когда я вижу прелестное дитя твое, то думаю, что сердце мое разрывается отъ ревности; но когда оно смотритъ на меня съ невинною улыбкою, то цѣлую его... изъ любви къ его манерамъ.

*) Въ молодости своей Лордъ Бейронъ многіе стихи посвящалъ Маріи.

IV.

Цѣлую милаго младенца и поглощаю вздохи свои, замѣчая въ немъ сходство съ опцемъ его; но глаза, глаза у него швыи, Марія! и этого довольно для любви и для меня.

V.

Прости, Марія! Надобно оставилъ шебя. Пока будешь шы счастлива, я не стану ропшашъ. Но не могу далѣе оставашься близъ шебя: сердце мое вскорѣ наложило бы на себя прежнія оковы.

VI.

Я думаль, что время и гордость погасяшъ наконецъ огонь моей юности; до шого самаго дня, какъ сидѣль рядомъ съ шобою, не зналь я что въ сердцѣ моемъ не перемѣнилось ничего....ничего, кромѣ надежды.

VII.

Теперь я спокоень...однако же воспоминаю шо время, когда сердце мое перзалось опть швоихъ взоровъ; шеперь это было бы прешупленіе. Смѣпрю на шебя и не чувствую никакого смущенія.

VIII.

Я видѣлъ, какъ взоры швои успремились на меня; но ты не могла чипать на лицѣ моемъ никакого замѣшательства... Одно только чувствованіе могла бы открыть въ немъ: спокойствіе мрачнаго опчаянія.

IX.

Проспи, проспи! Мечта юности моей должна навсегда изгладиться изъ моей памяти. Увы! гдѣ воды баснословной Леты? Сердце безразсудное! будь спокойно, или расшоргнись.

H.

~~~~~

ЗАГОВОРЪ, ПАРТІЯ (САВАЛЕ).

(Изъ Энциклопедій.)

Такъ называется иногда родъ ополченія, которое составляется изъ друзей, или враговъ писателя, чтобы на перекресткахъ, въ кофейныхъ домахъ и даже въ хорошихъ обществахъ бранишь, или хвалишь новое произведеніе по желанію главнаго предводителя. Можно судить о

просвѣщеніи вѣка по большому, или меньшему дѣйствию заговора друзей, или враговъ на мнѣніе публики, и по мѣрѣ того, какъ долго поддерживалъ снѣ дурныя сочиненія, или унижалъ хорошія.

Глава *заговорщиковъ—друзей* *) обыкновенно бываетъ *знатокъ, любитель* **), который старается *важничать* и невольно смѣшаетъ своею важностію и невѣжествомъ. Глава *заговорщиковъ-враговъ* по большей части *зависимникъ, низокъ и прусь*, но *горячъ и дерзокъ*; говоритъ легко, судитъ рѣшительно, лжетъ и клеветаетъ безъ стыда и безъ совѣсти. Если не можешь сказать ничего дурнаго о сочиненіи: то вооружается противъ сочинителя; обвиняетъ его въ гордости, дерзости и изображаетъ самыми черными красками, что бы возбудить къ нему отвращеніе. Въ извѣстномъ кофейномъ домѣ, куда собирались *лишшерапоры*, о-

---

*) У насъ весьма удачно прозвали *пакыхъ заговорщиковъ—друзей—подзеніями разсылщиками и трубаками. Изд.*

*) А иногда и *покровитель, Меценатъ*, или по крайней мѣрѣ *Меценатикъ. Изд.*

динъ изъ начальниковъ партій ужасно бранилъ молодаго поэта, котораго піэсу первый еще разъ хотѣли играть въ шопъ день на театръ. Одинъ изъ слушателей спросилъ порецаателя, знаешь ли онъ сочинителя? — Какъ не знаешь мнѣ его! ошвѣчалъ шопъ съ увѣришельнымъ видомъ. Я принималъ въ немъ большое участіе, хотя онъ и не сносилъ шого. Онъ читалъ мнѣ эту піэсу, которую даюшь сегодня на театръ; я замѣтилъ ему многіе недостатки: но онъ такъ много о себѣ думасъ, такъ самолюбивъ, такъ упрямъ, что ничего не хотѣлъ поправити. О! я очень хорошо его знаю!», — По крайней мѣрѣ не узнали — сказалъ молодой человекъ и объявилъ, что онъ былъ авторъ той піэсы, на которую такъ безстыдно наадалъ вовсе незнакомый ему клеветникъ.

Впрочемъ въ такомъ вѣкѣ, когда вкусъ уже образовался, эши заговоры, столь страшные для молодыхъ писателей, не сдѣлаюшь имъ большаго вреда. Никогда истинно хорошее произведеніе не падало, и эпо долженъ помнити всякой, кто вслушивается на литературное по-

примѣ. Заговоръ въ пользу посредственныхъ дарованій не много сдѣлаешь имъ добра: онъ поддерживаешь ихъ нѣсколько времени; но они падаютъ съ его разрушеніемъ и тогда ничто уже не помѣшаетъ публикѣ быть справедливою и опредѣлить всякой вещи мѣру уваженія, или презрѣнія, ею заслуживаемую.

Г. Б.

~~~~~

Анекдоты о крестьянахъ.

Филиппъ II, во время своего путешествія, принужденъ былъ провести ночь въ деревнѣ у одного крестьянина, которому свиха Короля надѣлала много убытка. Бѣдный мужикъ пришелъ опъ того почти въ разореніе. На другой день упрямъ Король, передъ опъѣздомъ своимъ, сказалъ ему, что если онъ имѣетъ нужду о чемъ либо просить его, то объявилъ бы свою просьбу.— «Ваше Величество! опъвѣчалъ крестьянинъ, сдѣлайте милость, не оспанавливайтесь у меня, пока я буду живъ.— Такое простодушіе понравилось Королю, и онъ щедро вознаградилъ просителя.

Вдова одного поселянина, проигравъ справедливую шажбу сперва въ нижней, а потомъ въ высшей инстанціи, вскричала съ досады: “о, еслибъ теперь укусила меня бѣшенная собака, съ какою бы радостію перекусила я всѣхъ судей!,,

Крестьянинъ, убившій рогатиною собаку своего сосѣда, которая хотѣла его укусить, позванъ былъ къ Судьѣ. Блюститель правосудія спросилъ его, для чего убилъ онъ собаку?—Крестьянинъ отвѣчалъ, что защищая отъ нее себя.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ Судья, могъ бы ты оборониться рогатину шупымъ концемъ.—“Я бы и сдѣлалъ такъ, возразилъ подсудимый, еслибъ собака хотѣла укусить меня не зубами, а хвостомъ.

У одного крестьянина убилъ корову быкъ, принадлежавшій помѣщику той же деревни. Крестьянинъ предполагая, что ему не легко будетъ получить удовлетвореніе, пошелъ въ домъ къ помѣщику въ то время, когда у него было множество гостей и сказалъ ему съ печальнымъ видомъ: случился грѣхъ, сударь; корова моя убила вашего быка.,,—По закону, отвѣчалъ помѣщикъ, корова должна принадлежать хозяину уби-

шаго быка.—Крестьянинъ спалъ было нарочно спорить прошивъ этого; но помещикъ упорно стоялъ въ своемъ мнѣнii и говорилъ, что ни для чего не опшупитъ осьъ закона. Тогда крестьянинъ сказалъ ему: “послушайте, сударь, вы сами сдѣлали приговоръ при этихъ честныхъ господахъ и вѣрно не опопрешесь осьъ него. Такъ знаете же, что не моя корова убила вашего быка, а вашъ быкъ убилъ мою корову., — Помѣщикъ принужденъ былъ исполнить собственннй свой приговоръ.

Рота солдатъ проходила черезъ деревню. Одинъ гренадерь, увидя спаруху, кошорая высунула голову въ окно, спросилъ ее: слушай, спарая вѣдьма! скажи, что дѣлаешь шеперь дьяволь? — “Пригошовляешь подводы, на кошорыхъ повезешь васъ всѣхъ въ адъ,—опшвѣчала спаруха.

Какой-то дворянчикъ хваспался передъ крестьяниномъ древностію своей фамиліи. —“Темъ хуже, сударь, примолвилъ попъ: когда зерно устарѣешь, шогда оно никуда не годишся.

Бывшій правитель одного изъ Департаментовъ Франціи, разспрашивая приѣхавшаго отсюда въ Парижъ крестьянина о новосяхъ его родины, между прочимъ сказалъ: “а что, у васъ, чаю, попрежнему много дураковъ?,”—Много, сударь, отвѣчалъ крестьянинъ; но все таки менѣе, чѣмъ было при васъ.

(Изъ Almanach des paysans.)

Отъ Издателя.

Особы, желающія получать Журналъ: *Благонамѣренный*, и на послѣднюю половину нынѣшняго года, ш. е. съ Іюля по Генварь 1826, благоволящъ подписываться сколько можно благовремяннѣе, ибо Издатель спешитъ печатать только по количеству, которое соразмѣрно будетъ числу подписчиковъ.

XXV и XXVI N° *Благонамѣреннаго* выдуть въ одной книжкѣ къ 15 ч. Іюля.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXV и XXVI.

ЛУКАНЪ.

(Изъ Опыта о Эпитетскихъ Поэтахъ.)

Поэма его: *Фарсалия*, заключаетъ въ себѣ исторію знаменитой войны, бывшей за 40 лѣтъ до Р. Х. между Помпеемъ и Цесаремъ - героями своего вѣка. Опытъ ихъ судьбы зависѣла участь вселенной, ибо всѣ почти тогдашніе народы, подвластные и враждебные Риму, увлечены были одни подъ знамена Цесаря, другіе подъ знамена Помпея. Инакъ содержаніе Поэмы Лукана есть истинно геройское: но воспѣвая происшествіе, слишкомъ близкое къ своему времени, не могъ онъ по сей самой причинѣ украсить его вымыслами, споль необходимыми въ Эпопее. Впрочемъ кому не понравится сей лучезарный призракъ, сей образъ опечесива Цесаря являющійся ему шрепещущимъ во время ночи, когда онъ прибылъ къ берегамъ Рубикона, сей олицетворенный Римъ,

съ чела кошораго оспапки убѣленныхъ власовъ падали въ безпорядкѣ на обнаженную грудь—кошорый, стоя неподвижно предъ Цесаремъ, произносилъ сіи слова, прерываемыя стenanіемъ: “Куда идете, Римляне? Куда несете знамена мои? Когда вы граждане вѣрные, оспановишесь: еще шагъ далѣе, и вы содѣлаетесь пресупниками!”, — Жаль, что подобныхъ сему вымысловъ не находимъ болѣе во всей Поэмѣ! Луканъ, рожденный Римляниномъ, могъ живѣе чувствовашь всѣ ужасы междуусобной войны, и пошому во всѣхъ стихахъ его отражается какой-то жаръ папріюшизма; во всѣхъ стихахъ его видна благородная душа Римлянина, любящая славу и благоденствіе опечесства.

Говоря о характерахъ дѣйствующихъ лицъ въ *Фарсалии*, должно признашья въ несправедливости Лукана прошивъ Помпея; онъ не даетъ ему ни одного шакого качества, кошорое могло бы его возвысиль на степенъ великаго человека. Правда, что Луканъ въ началѣ Поэмы сравниваетъ Помпея съ вѣшкимъ дубомъ, обремененнымъ корыстями народовъ, ко-

порый едва держишься въ землѣ слабыми корнями, проспирая вокругъ себя голыя вѣтви, и хопя уже близокъ къ паденію, но почишаешься священнымъ. Сравненіе прекрасное! Почему же бы не прошиву-поспавишь Цесарю героя, хопя сшарца, но сохранившаго всю швердосшь духа, всю непоколебимосшь въ неудачахъ и злополучіи, чшо еще болѣе послужило бы къ возвышенію доблесшей Цесаря, когда бы имѣлъ онъ прошивника доспойнаго соспязашься съ нимъ; а не врага робкаго и малодушнаго. Но и Цесарь, являющійся въ началѣ Поэмы испиннымъ героемъ ея, въ послѣдствіи дѣлаешся кровожаднымъ власпишелемъ, замѣчающимъ шѣхъ изъ своихъ воиновъ, коихъ мечи болѣе, или менѣе обагрились кровью непріяшеля. Эшо сущая ложь, ушверждаешъ Лагарпъ. Кашонъ, кажешся, былъ лкбимымъ дѣйствующимъ лицомъ Римскаго Спихотворца; ибо вездѣ, гдѣ шолько ни находишь случай говоришь объ немъ, говоришь всегда съ воспоргомъ — и лучшія мѣспа своей Поэмы посвящаешъ изображенію дѣяній сего мужа, споль прославившаго себя спрогосшію своихъ нравовъ и

любовью къ отечеству. Какая чистая и возвышенная нравственность дышетъ во всѣхъ рѣчахъ, имъ произносимыхъ! Надобно замѣтить, что вообще какой-то духъ стоицизма господствуетъ во всей Поэмѣ Лукана, и сіи рѣчи, коихъ мы такъ часто встречаемъ въ ней, исполнены огня и истинныхъ ораторскихъ движеній. Вошь, почему Квинтиліанъ спавилъ Лукана въ числѣ Ораторовъ, а не Поэтовъ. *Oratoribus magis quam poetis annumerandus.*

Не имѣя разборчивости въ выборѣ предметовъ — всегда, во всемъ пресупная мѣру и темъ самымъ обезобразивая природу, столь предстную безъ всякаго убранства, Луканъ въ описаніяхъ своихъ является писателемъ совершенно безъ всякаго вкуса. — Что составляетъ достоинство описаній? — Вѣрность кисти въ описываніи красоты природы. — Прочтите же у Лукана изображеніе бури, коихъ приносишь Цесаря къ берегамъ Египта; у него не только блуждающія звѣзды тощовы опираются съ равнинъ небесныхъ, но и неподвижныя свѣтила кажушся колеблющимися; уже вѣтры гора-

ми воздымають море, и Стихопворецъ выводитъ ихъ поодиначкѣ изъ царства Эола, исчисляя подобно нѣкому грозному ополченію героевъ. “Это ты, говоришь онъ. Коръ, первый поднявшійся на Океанъ Атлантическій — и вдругъ прибавляешь: я думаю, что Нощъ и Зефиръ не осмались заключенными въ подводныхъ пропастяхъ Эола., Море Егейское смѣшивается у него съ Тосканскимъ, и Адриатическое шумитъ въ берегахъ Іонійскихъ. — Занявшись описаніемъ бури, Луканъ забываетъ о Цесарѣ, въ судьбѣ котораго читатель начинаетъ уже брать столь живое участіе.

Произнесемъ общее сужденіе о Луканѣ: Поэма его не имѣетъ привлекательности въ дѣломъ и гармоніи въ частяхъ, ибо слишкомъ придерживаясь исторической точности, Луканъ часто долженъ былъ прерывать повѣствованіе и дѣлать неумѣстныя переходы отъ одного предмета къ другому. Обладая гениемъ пылкимъ, не имѣлъ онъ чувствительности Виргилія, не умѣлъ, какъ поэтъ, трогать сердце. Стараясь при всякомъ случаѣ блистать новизною и выисканностью

выраженій, нерѣдко зашмѣваль пемь рѣчь,
и хопя есть въ *Фарсалии* мѣспа силь-
ныя; но вообще слогъ ея грубъ и не имѣешь
шой чистоты и живописи, копорыми
шакъ плѣняемся мы въ *Енеидѣ*.

А. Н.

СТАНСЫ.

Изъ сот. Лорда Бейрона.

I.

Нѣтъ болѣе тебя, прекраснѣйшая изъ
смертныхъ! Въ такихъ юныхъ лѣтахъ,
съ такими нѣжными чувствованіями, съ
такими совершенствами — ты уже со-
шла во гробъ! Хопя земля приняла тебя
въ нѣдра свои, хопя люди могутъ теперь
попирать ногами камень, покрывающій
тебя; но есть еще человекъ, копорого
взгляды не оспановятся ни на минушу
на мѣспѣ, гдѣ положень прахъ твой.

II.

Не спрошу, гдѣ ты покоишься; не бу-
ду искаць твоей могилы: цвѣшы ли рас-

путь на ней, или перніе; нѣтъ мнѣ до
того нужды, лишь бы я не видалъ ихъ.
Довольно для меня знашь, что та, кошо-
рую любилъ я и кошорую долго еще буду
любишь, сдѣлалась ничтожнымъ прахомъ.
Не имѣю нужды въ надгробномъ камнѣ,
кошорый напоминаль бы мнѣ, что пред-
мешъ любви моей уже не сущестъвуетъ.

III.

Я любилъ тебя до конца швоей жиз-
ни споль же нѣжно, какъ и былъ любимъ
тобою: ты не могла перемѣниться въ
минувшемъ; не можешъ перемѣниться и
теперь. Любовь, на кошорую смерть на-
ложила печашъ свою, не можешъ охла-
диться лѣшами, или нарушишься измѣ-
ною. Нѣтъ, нѣтъ! никто и никогда не
обвинишь меня предъ тобою въ непосло-
янствѣ.

IV.

Имѣли мы съ тобою счастливейшіе
дни въ нашей жизни; самые несчастные
предоставлены одному шолько мнѣ. Блескъ
солнца, ярость бури ничто для шой, ко-
шорой нѣтъ уже болѣе. Завидую спокой-

ствію безпробуднаго сна твоего! Сожалѣнь ли мнѣ, что прелести твои исчезли все вдругъ и что не видѣлъ я, какъ мало помалу онѣ исчезали.

V.

Распуспившійся совершенно цвѣтокъ мгновенно увядаешь, хотя ничья рука не прикоснулась до него прежде времени. Не горесниѣ ли было бы видѣшь его увядающимъ поспешенно, листокъ за листкомъ, нежели вдругъ похипишь со стебля? Чьи глаза могутъ равнодушно смонрѣшь на переходъ отъ красоты къ безобразію?

VI.

Не знаю, могъ ли бы я видѣшь прелести твои поблекшими! Еслибъ за прекраснымъ упроемъ вдругъ послѣдовала ночь, то показалась бы еще мрачнѣе. Жизнь твоя пропекла спокойно; до самаго конца оспалась ты прекрасною; ты угасла, но не лишилась прелестей. Такъ небесныя свѣтила обтекають горизонтъ: чемъ далѣе они, темъ блисшательнѣе.

VII.

Если бы могъ я плакатьъ , какъ пла-
калъ нѣкогда, по имѣлъ бы причину про-
ливатьъ слезы при воспоминаніи, что ли-
шень былъ возможности бодрствовать у
болѣзненнаго одра своего, съ нѣжною
заботливостію смотрѣть на тебя, тихо
пожимаешь ослабѣвшую твою руку, поддер-
живаешь клонящуюся твою голову и ока-
зыватьъ тебѣ послѣдніе знаки любви и
дружбы, которыхъ ни ты, ни я не бу-
демъ болѣе чувствовать.

VIII.

Ты оставила меня свободнымъ; но
памятникъ твой, сохраняемый мною,
предпочитаю я всѣмъ прелестнымъ су-
ществамъ, которыхъ могли бы плѣнить
меня. Все, что не погибло вмѣстѣ съ
тою, которую люблю я, достигаетъ до
меня сквозь туманныя и спрашныя об-
лаки вѣчности; только тѣ часы, ко-
торые провождаю я съ тобою, превос-
ходящъ въ приятности посвящаемыя
мною воспоминанію о незабвенной.

H.

ДВѢ МЕТОДЫ.

Повѣсть, соч. Г. Булки.

Каждый изъ насъ имѣешь свою систему и предназначаешь спезю, долженствующую вести его къ благополучію. Но сколько просвѣщенныхъ умовъ заблуждаешь! Сколько сердець благородныхъ и чувствительныхъ приходишь въ ослѣпленіе и совращаешь съ пути истиннаго! Самая любовь машеринская, чувствованіе столь чистое и нѣжное, не бываетъ въ безопасности отъ заблужденій души опкровенной и воображенія пылкаго. Мать, копорая благоразумною строгостію и обдуманними ограниченіями желаній заспавляетъ иногда сомнѣваясь въ ея нѣжности, несравненно болѣе способствуешь благополучію своихъ дѣшей, нежели та, копорая со всегдашнимъ снисхожденіемъ исполняетъ малѣйшія ихъ желанія и доставляетъ имъ многочисленныя наслажденія—наслажденія, кои пресыщаютъ, упомляютъ и разочаровываютъ ошашокъ ихъ жизни. Особенно воспішаніе дочерей пребуешь величайшей

бережливости въ наспоющемъ и всегдашней осмопришельности въ будущемъ. Это разсадникъ, образующій нѣжныя растѣнія, копорыя нѣкогда должны сославлять украшеніе и богатство нашихъ садовъ. Выставлять ихъ на солнце въ самомъ началѣ весны, значить ускорять ихъ развишіемъ и насильно выпягивать изъ нихъ сокъ. Правда, цвѣты ихъ имѣють много блеска, прелесны для глазъ; но прежде, нежели наступитъ лѣто, они увянутъ, преклонятся на своихъ стебеляхъ и несмотря на всѣ старанія, поблещавъ еще нѣсколько минутъ, сокроются между изсохшихъ вѣтвей, копорыя только что упоминають зрѣніе, раждають уныніе и ничего уже болѣе произвести не могутъ.

Гжа Данекуръ, вдова одного славнаго Адвокаша, съ самаго дѣтства была связана узами искренней дружбы съ Гжею Розанъ, также вдовою Секретаря посольства, сдѣлавшагося жертвою привязанности своей къ опечесству. Обѣ вдовы, будучи еще молоды и обладая всею шемъ, чемъ только можно блещать въ свѣтѣ, рѣшились ошказались ошъ новыхъ брач-

ныхъ союзовъ. Онѣ имѣли двухъ дочерей, сославлявшихъ всю надежду ихъ и упѣшеніе. Клера Данекуръ, которой правильныя черты лица, благородная осанка и наблюдательный взоръ представляли живой образъ покойнаго ея отца, была предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій матери скромной и благоразумной. Лаура Розанъ, имѣвшая въ очаровательныхъ своихъ чертахъ проницательную живость, а на устахъ насмѣшливую улыбку, была, какъ сказать, идоломъ матери щеславной и гонявшейся за удовольствіями. Молодыя подруги, родившіяся въ одно время и дочери опличныхъ женщинъ, которыхъ давнишняя дружба еще болѣе укрѣпилась опъ несчастія одинакаго рода, воспитывались вмѣстѣ. Во время дѣтства забавы ихъ и первыя склонности были одинаковы. Госпожи Данекуръ и Розанъ съ сердечнымъ умиленіемъ взирали на взаимную любовь своихъ дочерей и радовались, видя что онѣ, по примѣру матерей, полагаютъ основаніе истинной дружбѣ, которая упѣшаетъ въ скорбяхъ, предостерегаетъ опъ погрѣшностей и на всю жизнь имѣетъ непримѣнное почи, но спасительное вліяніе.

Совсемъ шемъ Клера и Лаура не были похожи другъ на друга ни лицомъ, ни характеромъ. Сколько одна была крошка, разсудительна и послушна, сполько другая високомѣрна, въпрена и своенравна. Разговоръ Лауры казался живѣе, мысли ея были быспрѣе, движенія привлекательнѣе, нежели у Клеры; но эша послѣдняя однимъ словомъ, однимъ взглядомъ прогала сердце и умѣла внушашь къ себѣ самое нѣжное учаспіе.

Разкрытію нравственнхъ качествъ Лауры наиболѣе способствовало сильное желаніе ея мапери, что бы дочь блистала въ свѣтѣ. Радость Гжи Розанъ была неизъяснима, когда она увидѣла, что юная Лаура занимала цѣлыя общества употребляемою ксташи памяшью, остроумію и колкостію своихъ опвѣшовъ, которыми въ дѣвкахъ всякой забавляешся, не предвидя, что эши небольшие успѣхи слишкомъ рано укореня несчастную привычку выказывашь себя и внушая нескромное желаніе прельщашь и нравишья, портяшъ сердце и приводяшъ въ заблужденіе разсудокъ, Гжа Розанъ, будучи сполько же самолюбива, сколько и ослѣц-

лена любовію къ своей дочери, заспавляла ее щеслависься дарами природы и восхищасься приобрѣпаемыми успѣхами. Вездѣ говорили объ одной шолько Лаурѣ, почитали ее за чудо, и говорили, что она будешъ славою и образцемъ своего пола,

Совсемъ не шо было съ Клерою Данекуръ. Ея машъ, предпочишая удовольствіямъ льспящей суепности испинное благополучіе своей дочери, не выводила ее въ свѣшъ; ѣздила съ нею въ однѣ дружескія небольшія общеспва, и шогда шолько позволяла ей вмѣшивашъся въ разговоры, когда родспвенники, или друзья сами шого хопѣли. Между шемъ, какъ Лаура обрашала на себя всеобщее вниманіе, возбуждала смѣхъ оспрыми словами и выказывала свои шаланшы и свѣденія, Клера скромно сидѣла въ углу, не будучи замѣчаема никемъ, кромѣ своей машери, и часто уѣзжала домой, не промолвивъ въ госпяхъ ни одного слова.

Но несходспво между юными подругатами все еще не шакъ было замѣшно въ первой ихъ молодоспи, или въ опроческихъ лѣшахъ. Молчаливоспъ Клеры приписывали ея заспѣнчивоспи. Коль же

скоро достигли онъ того блестящаго возраста, когда образуются черпы лица и развиваются прелести, тогда замѣтили между ими величайшую разность и удивлялись, что ихъ мапери, будучи искренними между собою приятельницами, избрали системы воспитанія для своихъ дочерей совершенно противныя.

Гжа Розанъ почла обязанностію предупредитъ Гжу Данекуръ, что она подала поводъ злословію. “Знаешь ли — сказала она ей однажды — что себя всѣ осуждаютъ и говорятъ, будто ты ревнуешь къ своей дочери.,—Важная улыбка Гжи Данекуръ была ей отвѣтомъ... “Замѣчаюшь, и весьма справедливо—присовокупила Гжа Розанъ — что чѣмъ болѣе дочь швоя приходитъ въ совершенство, шѣмъ болѣе стараешься ты скрывать ее отъ публики. Въ самомъ дѣлѣ, для чего помрачать зарю ея жизни? Бури спросей, обязанности супруги и мапери, всѣ заботы и печали, неразлучныя съ ними, наступаютъ очень скоро, и пошому - по я положила ни въ чѣмъ не отпаказывашъ любезной моей Лаурѣ. Я хочу, что бы она узнала свѣшь прежде, нежели въ не-

го вступитъ; что бы сама приготовила для себя цѣпь Гименея; желаю наконецъ, что бы она одолжена была мнѣ всѣми пѣми наслажденіями, какія только нѣжная мать можетъ доставить любимой своей дочери.,— Не думаешь ли ты, возразила Гжа Данекуръ, что я люблю мою Клеру менѣе, чемъ ты свою Лауру? Повѣрь, что ея благополучіе есть единственнѣй предметъ моихъ помышленій, единственнѣй цѣль, къ которой спремьясь всѣ мои желанія; но каждый имѣетъ свою методу. Я думаю, что молодая дѣвушка, которую слишкомъ рано спаряются показывать свѣту, не столько цѣнятся имъ, какъ та, которую видяшь изрѣдка. Одна, безпрестанно подвергаясь внимательнымъ взорамъ публики, завистливой и часто несправедливой, заставляетъ ее, такъ сказать, равнодушно смотрѣть на всѣ свои прелести и достоинства: кончишься наконецъ темъ, что ее не будешь болѣе замѣчать. Другая же, напрошивъ того, изрѣдка являясь на этой большой сценѣ, кажется, всегда вступаетъ на нее въ первый разъ. О ней судяшь снисходительнѣе, даже пре-

дупреждены бывають всегда въ ея пользу: недоспапокъ свѣтскаго обращенія замѣняешь она проспосердечіемъ, краткая бесѣда ея ознаменовывается благоразуміемъ и ея скромность дѣлается священнымъ достояніемъ, которое всякой обязанностію и удовольствіемъ почищаетъ для себя защищать. Употребляя всѣ способы къ воспитанію моей дочери, присокупила Гжа Данекуръ, и особенно къ обезпеченію ея благополучія, я никогда не подвергну ея молодость обольщеніямъ и опасностямъ большаго свѣта. Нѣтъ, проспой челнокъ, въ которомъ заключающся всѣ мои надежды, все мое богатство, не будетъ пущенъ мною на удачу въ это бурное море, гдѣ по непредусмотрительности нашей, погибло столько милыхъ для насъ существъ

Пусть, милый другъ, публика завидуетъ швоему сокровищу, которое съ такою гордостію выспавляешь ты предъ взоры услужливой толпы; что касается до меня, то я берегу свое, укрывая его отъ нескромныхъ взоровъ, и въ тайнѣ приготавливаю всѣ средства, что бы увеличилъ еще его цѣну . . . Я не оуждаю швоей си-

спемы, попому что она дѣлаешь себя счастливою; не порицай же и моей — и не заводя болѣе споровъ о разноспи нашихъ системъ и нашихъ поступковъ, согласимся въ томъ, что всякой имѣешь свою меподу.,,

Эпо различіе мнѣній между маперями приапельницами, было шакже предметомъ особеннаго разговора дочерей ихъ всякой разъ, когда онѣ бывали вмѣстѣ. Клера, невзирая на нѣжную любовь свою къ мапери и неограниченную къ ней довѣренность, начала чувспвовать, что многого она лишается. Правда, Гжа Данекуръ ѣздила съ нею иногда въ частные концерпы, для изощренія ея паланца къ музыкѣ; во Французскій театръ, когда давали на немъ лучшія, классическія піесы, для образованія ея вкуса, и знакомила ее со всемъ, что шолько имѣешь Парижъ доспойнаго примѣчанія въ искусстввахъ и наукахъ; но никогда не вывозила ее на многочисленные балы, на публичные праздники, и особенно на шѣ небольшія зрѣлища, копорыя заспавляютъ одну шолько чернь смѣяться и копорыя почитала она соблазномъ для нравовъ, порчею языка и оскорбленіемъ скромности.

Между шемъ Клеръ минуло пятнадцатъ лѣтъ: со здравымъ разсудкомъ, съ живымъ, но не мечтательнымъ воображеніемъ, очень желала она показаться въ свѣтѣ; но шамъ ожидала ее толпа незнакомыхъ людей, нескромные взоры и вольные разговоры. Главное же препятствіе соспавляла Гжа Данекуръ: она была неумолима.

Разсказъ Лауры, сколь много доспавляли ей удовольствія бывшій не давно балъ въ Оперѣ - буфѣ, большой праздникъ въ Тиволи, и особенно предспавленіе новаго опернаго балета, увеличилъ гореспь Клеры, гореспь, что она лишена возможности имѣть подобныя наслажденія. — “Ахъ, милая! сказала ей Лаура: искренно сожалѣю о тебѣ, что твоя маменька такъ скупа на удовольствія. Какъ прискорбно жить, подобно тебѣ, въ уединеніи, не знаешь обыкновеній большаго свѣта, и бышь неловкою и смѣшною, когда случайно въ немъ покажешься!...этого не избѣжишь ты, бѣдная Клера, повѣрь мнѣ, что не избѣжишь... О, какъ должна я бышь благодарна моей маминкѣ и любишь ее!,,

Клера отвѣчала однимъ мрачнымъ молчаніемъ. Поникшіе глаза и высунувшая на лицѣ краска доказывали, что невольно спрадала она опъ суровой материнской мелоды и опъ желанія пользоваться шѣми удовольствіями, копорыя лукавая Лаура описала ей столь блестящими красками. Подобные сему разговоры непримѣнно поселили шоску въ сердце Клеры; Гжа Данекуръ легко замѣшила это и почла обязанностію предупредить опасность. Зная изъ многихъ опышовъ, что для молодыхъ, неопытныхъ дѣвиць, болшакье вѣтренныхъ подругъ и особенно шайные съ ними разговоры нерѣдко бывающъ еще опаснѣе, чемъ ласкашельство и вихрь большаго свѣта, находила она всегда благовидные предлоги не ошавлять дочь свою одну съ Лаурою. Такой пошупокъ огорчилъ Клеру самымъ чувствительнымъ образомъ и уязвилъ самолюбіе Гжи Розанъ, копорая не могла скрыть своего неудовольствія опъ недовѣрчивой своей приятельницы. Лаура со своей стороны не перешавала разглашашъ въ публикѣ о излишней строгости Гжи Данекуръ и смѣялась надъ ея подо-

зрѣніями, разпространившимися даже до забвенія приличій. Но ни сѣпованія, ни упреки всѣхъ знакомыхъ, не могли ни на одну минуту поколебать ея рѣшимости и заставили ее перемѣнить принятый ею планъ... Случай, или лучше скажемъ, Провидѣніе, подкрѣпляющее твердыя души и добрыхъ маперей, не замедлили увѣнчать самымъ лучшимъ успѣхомъ мужество Гжи Данекуръ и ея пожертвованія. Лишь только минуло Клеръ семнадцати лѣтъ, какъ Гжа Нерись, женщина заслуживающая всеобщее почтеніе по личнымъ своимъ достоинствамъ, знатности рода и по нѣжнѣйшей любви къ единственному своему сыну, наслѣднику великаго богатства, уважаемому всѣми по занимаемой имъ съ отличною честью должности Совѣтника въ Надворномъ Королевскомъ Судѣ, спала просить для него ея руку. Нѣсколько разъ вспрѣчалась она съ Гжею Данекуръ и съ ея дочерью, во время ихъ прогулокъ, но чаще всего у обѣдни. Благородная осанка маперей и приглашительная скромность дочери, очаровали Гжу Нерись. Въ послѣдней нашла она тошъ прелестный идеаль, который дав-

но уже соспавила въ своемъ воображеніи для любезнаго своего Алфреда. И молодой человекъ, увидя дѣвицу Данекуръ, не могъ защитишь себя отъ нѣжнаго чувства и нѣкопорого благоговѣнія, внушенныхъ робкою ея красотою и скромною добродѣтелію. Удивленіе и радость Гжи Данекуръ были неизъяснимы, когда уважаемая всѣми Гжа Нерись приѣхала къ ней просишь руку Клеры, какъ шакой дѣвицы, которая одна только можетъ утвердишь собственное ея благополучіе и благополучіе ея сына. — “Но дочь моя шакъ мало еще извѣсна въ свѣтѣ; что же рѣшило васъ сдѣлать выборъ въ ея пользу?,, — Ея невинность. Наблюдая прилѣжно человеческое сердце, давно уже я замѣтила, что счастье въ супружествѣ тогда только бываетъ прочно и продолжительно, когда молодая супруга мало еще знаетъ свѣтъ и его удовольствія. Тогда и небольшое угожденіе со стороны мужа восхищаетъ ее: малѣйшее его вниманіе врѣзывается въ ея памяти; а вѣрность, утвержденная клятвою, остается навсегда ненарушимою. Чувствую, сколько труда и пожертвованій стоило вамъ об-

разованіе ума и сердца любезнѣйшей вашей дочери и осмѣливаюсь просить у васъ руки ея для моего сына, который, увѣрена я, будетъ съ нею совершенно счастливъ, и я также спокойно проведу остатокъ моей жизни. —

Положено было совершить эпошь бракъ. Гжа Данекуръ, несмотря на разспройство со старинною прятельницею, почла долгомъ увѣдомить ее прежде всѣхъ о счастіи своей дочери и поспѣшила къ ней съ визитомъ. Удивленіе Гжи Розанъ было чрезвычайно: она не могла понять, какимъ образомъ блестящій, молодой Нерисъ могъ предпочесть незнающую свѣтскихъ обыкновений Клеру, ловкой, прелестной Лауръ, которой палантамъ, прятному обхожденію и красотѣ всѣ удивлялись. — “Для чего же, подумала Гжа Розанъ жерпвовала я своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ и употребила такое иждивеніе на воспитаніе моей дочери, если она не можетъ соспавить для себя выгодной партіи? . . . Ей предпочитаютъ обыкновенную, простую дѣвушку, кошо-рой все достоинство соспавить въ мѣлочныхъ домашнихъ занятіяхъ, кошо-рой

склонности и привычки пятгоспны для образованнаго ума и сердца и копорой единообразная жизнь ничего не обѣщаетъ въ будущемъ для ея мужа, кромѣ скуки и опшвращенія? „

Однако же Гжа Розанъ, несмотря на свое негодование и машеринскую зависть, не могла опговоришься, что бы не бышь на свадьбѣ Клеры Давекуръ одно полько упѣшало ея: она думала, что новобрачная, при всей красотѣ своей, покажется столь неловкою и неискусною въ свѣпскомъ обращеніи, что сравненіе ея съ Лаурою заставитъ раскаяваться не полько родспвенниковъ Нериса, но и его самаго въ сдѣланномъ имъ выборѣ. Однако это ожиданіе, внушенное завистию, копорая очень нерѣдко заглушаетъ чувствованіе самой дружбы, не исполнилось. Клера въ день свадьбы была одѣша пышно и богато; къ ней очень пристали брилліанты, но она нисколько не занималась своимъ нарядомъ, и всѣ называли ея робкою Нимфою, похипившею поясъ Венеры. Каждый былъ въ восхищеніи, каждый опносился къ Гжѣ Нерисъ съ леспными обѣ ней похвалами и съ искреннѣйшими

поздравленіями. Сама Лаура съ маперью принуждены были признашья, что ни одна еще новобрачная не представлялась съ большимъ блескомъ и скромностію. Тупь-шо узнали онѣ, сколько благоразумная умѣренность имѣеть власпи надъ сердцами, какъ предпочпительна она предъ шемъ безразсуднымъ щегольствомъ и излишними преобаніями, копорья производяшъ или невѣрности, или совершенное несчастіе!

По дружбѣ къ Клерѣ, Лаура была у нее на свадьбѣ, была счастлива благополучіемъ своей подруги и сколько блистала прелестями и милою веселостью, что обратила на себя вниманіе одного Судьи, друга Алфреда Нериса. Эпошъ молодой человекъ, любезный, богатый, плѣнился ослѣпительною ея красопою и чрезъ нѣсколько дней сдѣлалъ предложеніе Гжѣ Розанъ, что бы она выдала за него свою дочь. Согласіе получено, и новый бракъ, выгодный во всѣхъ отношеніяхъ, празднованъ великолѣпно. Клера явилась на немъ еще привлекашельнѣе. Свѣтское обращеніе, къ копорому привыкала она каждый день, придавалъ ея разговорамъ и посшущ-

камъ необыкновенную прелесть. Судьба Лауры, казалось, совершенно сходствовала съ судьбою Клеры и заставляла думать, что оба брака будущъ столь же счастливы, сколь выгодны были повидимому для той и для другой паріи.

Клера въ самомъ дѣлѣ была совершенно счастлива: ничто и никогда не могло нарушить существовавшего во нравахъ молодыхъ супруговъ согласія. Совсемъ не такова была Лаура. Ея мужъ, несмотря на любовь свою къ ней и на всѣ старанія ей нравиться, скоро замѣтилъ, что уже ничто не можетъ доставить ей удовольствія. Спектакли, балы и концерты, великолѣпныя обѣды, блистательныя собранія, ученныя общества, не занимали болѣе ее, потому что уже были для нея новы. Что производило въ Клерѣ продолжительное и постоянное восхищеніе, къ тому Лаура сохраняла холодное равнодушіе, чувствовала даже отвращеніе. Несчастный супругъ часно жаловался на то молодому Нерасу, который, впрочемъ безъ намѣренія, увеличилъ его горесть, рассказавъ ему о сердечныхъ наслажденіяхъ и безчисленныхъ удовольствіяхъ

своего супружества. "Счастіе Клеры — говорилъ онъ ему — не стоить мнѣ ни малѣйшаго старанія, не пребуешь ни малѣйшей предусмотрительности. Такъ какъ все еще почти въ глазахъ ея ново, то все и занимаетъ ее, плѣняетъ, восхищаетъ. Она думаетъ, что одному мнѣ обязана всемъ, что только прельщаетъ ея глаза и трогаетъ сердце; думаетъ, что я ушлаю ея пухъ цвѣтами; словомъ: это молодая пчела, выпягивающая сокъ, для сосавленія меда, изъ простѣйшаго произрастѣнія, и всегда возвращающаяся въ улей съ новымъ удовольствіемъ, съ новымъ приобретѣніемъ.,,

Между темъ какъ супружеское благополучіе молодыхъ Нерисовъ безпрестанно возрастало, мужъ Лауры выходилъ поспешенно изъ очарованія; мѣсто онаго заступила наконецъ холодность, вѣспница равнодушія; а равнодушіе близко къ отвращенію. Любовь, на олшарѣ которой не курится болѣе виміамъ, навсегда скрывается и улетаетъ, разрывая цѣпи Гименея. Лаура думала, что она обманулась въ своемъ выборѣ, и ужасную пустошу своего сердца, гибельную безпечность

приписывала мужу; кончилось темъ, что она, съ содѣйствіемъ мащери, разорвала самый священный союзъ и получила формальную разводную.

Гжа Розаиъ узнала погда, но уже поздно, до какихъ гибельныхъ послѣдствій довела ея система воспитанія. Обманувшись въ своихъ планахъ и огорчена будучи до чрезвычайности, обратилась она къ старинной своей приятельницѣ и требовала у нее пособія и утѣшеній. Гжа Данекуръ оказала ей всѣ знаки истинной и посшоянной дружбы, но не могла утерпѣшь, что бы не сказать: “Не видишь ли ты теперь, ослѣпленная мащъ, что для совершеннаго благополучія въ супружесствѣ необходимо надобно двѣмъ омпказываться омп многихъ удовольствій.”—Теперь прошу сказать: которая метода воспитанія лучше?

Б. X.

П Р И Е М Ы Ш Ъ .

Историческій Анекдотъ.

Рѣдкое соединеніе мужества и добродушія, швердосши и милосердія, величія духа и любезной простоты составляло характеръ Генриха IV. Французы признають его лучшимъ изъ своихъ Королей. Упрекають его однако же въ нѣкошорыхъ слабоспяхъ; но эши маловажные недоспашки, каженся, еще болѣе возвыщаютъ цѣну прекрасныхъ дѣяній его и воспоминаніе о его добродѣтеляхъ дѣлають гораздо прогашельнѣе. Преодолѣніемъ склонноспей своихъ и пожертвованіями заслужилъ онъ любовь своего народа и передалъ потомству драгоценную о себѣ память.—Въ шо время, когда Французы оспавя пагубное свое заблужденіе, съ ужасомъ смошрѣли на жестокія язвы, кошорыхъ изцѣлить не были въ силахъ, Монархъ, чувспвуя оныя въ сердцѣ своемъ, первый излилъ ушѣшеніе на несчастныхъ, и милосердіе управляло гениемъ его въ выборѣ вспомогашельныхъ способовъ.

Во время осады Парижа, Герцогъ Пармскій напалъ нечаянно на маленькій городъ Ланьи на Марнѣ, ошстоящій ошъ сполицы шолько въ шести миляхъ. Жишели сего городка, искренно привязанные къ Государю своему, щещтно спарались защишишь крѣпость: она взяша была присупомъ. Мятежники и иностранцы ознаменовали побѣду свою величайшими жестокостями и безчеловѣчїемъ. Генрихъ вскорѣ пришелъ съ превосходными силами и принудилъ непрїятеля удалиться съ потерєю. Послѣ сего похода Королевская армія возвратилась въ лагерь свой около Парижа. Но Государь, шронущій преданностію подданныхъ своихъ, сдѣлавшихся жершвою оной, шайно ошправился въ Ланьи пѣшкомъ. Между несчастными жишелями эшаго города ошпыскиваль онъ злополучнѣйшихъ и облегчалъ ихъ нужды по возможности. Благошворительность никогда не обладаетъ великими сокровищами, а поштому кошелекъ добраго Короля скоро опусшѣлъ. Ошавляя Ланьи, сожалѣлъ онъ, что щедрость его не могла вполнѣ удовлетворить великодушному желанію его совершенно

облегчить бѣдствія несчастныхъ. Однако же благословлялъ онъ Провидѣніе и за то, что успѣлъ сдѣлать.

Вдругъ дитя прелестное, какъ ангель, невзирая на блѣдность лица его, останавливаетъ Генриха. Оно проспиритъ къ нему ручки свои и съ шогашельнымъ, умоляющимъ видомъ говоритъ: „папенька! дай хлѣба; я не ѣлъ еще сегодня.,, — Милый ребенокъ произнесъ слова сіи дрожащимъ голосомъ; но благосклонный взоръ Монарха ободрилъ его: радостная улыбка оживила черныя лица малютки, онъ отеръ глаза свои, омоченные слезами, и съ дѣтскою довѣренностію бросился въ объятія Короля. Монархъ беретъ на руки прелестнаго ребенка, осыпаетъ его поцѣлуями и соединяетъ слезы свои съ его слезами. Но онъ одинъ, лагерь далеко—и ничего не можетъ дать ему.

Жипели Ланьи, спрое наблюдатели старинныхъ обычаевъ, разошлись въ полдень по домамъ для отдохновенія послѣ обѣда. Король видѣлъ на улицѣ одного только спарика, сидящаго на каменной скамьѣ у воротъ прекраснаго дома, и пожилую женщину, кошорая, повиди-

мому, наблюдала за дѣйствіями Государя. Генрихъ подошелъ къ ней и не успѣлъ еще промолвить ни одного слова, какъ она уже сказала ему: “Милосливый Государь! какое счастье для эшаго прелестнаго дитяши, что онъ нашелъ споль добраго человѣка! Небо вознаградишь васъ за ваше объ немъ попеченіе, — и не дожидаясь отвѣща, объявила ему, что мальчикъ называется Адольфомъ, что онъ лишился мапери при самомъ своемъ рожденіи и что наконецъ, опецъ его, Балшазаръ де Жуанвиль, убишь на валу, защищая входъ неприятелю въ крѣпость. Тупъ она умолкла. Король воспользовался эпою минушою и спросилъ ее о спарикѣ, погруженномъ въ глубочайшее размышленіе, кошорое, казалось, дѣлало его нечувспвишельнымъ ко всему, что ни происходило вокругъ него. — “Эшо Баронъ де Мериньякъ, самый богатѣйшій человѣкъ въ провинціи — отвѣчала она. Онъ лишился единспвеннаго сына своего, послѣдней опрасли благородной фамиліи, кошорая испребилъсь вмѣспѣ съ нимъ. Ничшо не можешъ утѣшишь спарика. Чужіе люди раздѣляшь между собою имѣ-

ніе его и никто даже не прольешь слезинки на его гробъ. „

Генрихъ пронусть былъ ея рассказомъ. Онъ подошелъ къ Барону, который замѣпя, съ какою заботливостію незнакомецъ обходится съ мальчикомъ, вообразилъ, что видишь счастливаго отца — и эта мысль еще болѣе расширила его сердце. Король привѣстивуешь его съ такою вѣжливостію, на которую нельзя не отвѣчашъ благовоспитанному человѣку. Нериньяку не прудно было замѣшишь, что незнакомецъ хотѣлъ упѣшишь его. Но упѣшенія часно увеличивають только нашу печаль и открывають болѣзненные раны сердца.

“Благодарю васъ, великодушный иностранецъ — сказалъ спарикъ Монарху — но спараніе ваше бесполезно. Я былъ отцемъ и уже болѣе не отецъ! Смерть супруги предшесивовала смерти сына; родъ мой испребишъ вмѣспѣ со мною. И я скоро сойду въ могилу! Ничто не привязываетъ меня къ жизни; все конечно для меня; смерть уже въ моемъ сердцѣ. Никого не могу я шеперь любить и меня шакже никто не любитъ. — “Ба-

ронъ! возразиль Генрихъ, у васъ естѣ еще другъ: обнимите вашего Короля. Онъ не допуститъ, что бы столь благородная фамилія прекратилась. Видите ли вы эшаго малюшку? Это сынъ шакого же мужественнаго воина, какъ и вы: послѣдняя опрасль Жуанвилей. Примите его опъ меня; онъ будетъ носитьъ ваше имя; опынностьъ ваша научитъ его; благодарія ваши привяжутъ васъ къ нему; вмѣсто крови вашей будетъ онъ имѣть ваши добродѣтели. Увѣрю васъ, что онъ будетъ утѣшеніемъ вашей старости и прославитъ себя. Отвѣчаю вамъ за это, Баронъ, потому что предчувствіе никогда еще не обманывало меня. Не безъ сожалѣнія расстаюсь съ нимъ, и уснудая вамъ славу совершитъ прекрасное дѣло, прошу не сомнѣваться въ моей къ вамъ привязанности. —

Сладкія слезы облегчили спѣсенное сердце старика. Онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ Короля, но добрый Генрихъ принялъ его въ свои объятія и наконецъ сказалъ: “Баронъ! нашъ Адольфъ ничего не вѣль сегодня, да и я также. Мы оба раздѣлимъ первыя ваши благодарія: будемъ вѣспъ,

какъ голодные, и вамъ самимъ придадимъ аппетита. „

Худо, очень худо знаютъ Генриха шѣ, которые подумаютъ, что онъ въ состояніи былъ забыть бѣдную старушку. Несмотря на несносное ея болтанье, Король замѣшилъ въ ней доброе сердце. И въ самомъ дѣлѣ одна только нищета преняпспивовала ей помочь маленькому Адольфу; однако же она слѣдовала за нимъ и научила его подойти къ Королю, котораго замѣнила по шайной щедрости. Слѣственно все, что было только въ ея возможности сдѣлать для бѣднаго сироты, она сдѣлала. По рекомендаціи Короля Баронъ взялъ ее въ няньки къ своему приемышу.

Генрихъ обѣщалъ хорошо пообѣдать, и сдержалъ свое слово. Вечеромъ возвратился онъ въ лагерь вмѣстѣ съ Барономъ. Генрихъ совѣщовался съ нимъ о дѣлахъ важныхъ, какъ для того что бы разсѣять его горестъ, такъ и по той причинѣ, что сужденія старика дѣйствительно были умны и основательны.

По взятіи Парижа, Монархъ обратилъ благошворительность свою на городъ

Ланьи, и Мериньяку поручено было привезти сіе въ исполненіе. Маленькій Адольфъ оправдалъ участіе, принятое въ немъ двумя благодѣтелями: онъ сдѣлался отличнымъ воиномъ. Баронъ, любя своего приемыша и почтенный довѣренностію Государя, счастливо дожилъ до глубокой старости; доказательство, что союзъ двухъ несчастныхъ утверждаетъ благополучіе обоихъ.

Во время войны Савойской, при осадѣ Монпъ - Мелана, Адольфъ первый взощель на спѣху. По этому случаю Генрихъ писалъ къ преспарфлему Мериньяку, что привезетъ къ нему сына, увѣнчаннаго славою.

Въ назначенный день ожидали ихъ. Маленькій городъ Ланьи, предметъ благодѣяній Короля разсыпанныхъ вѣрною рукою, представлялъ прогашельное зрѣлище счастливыхъ гражданъ. Улицы были усыпаны цвѣтами. Баронъ, обремененный лѣпами, но еще здоровый и крѣпкій, вспрѣшилъ Государя у городскихъ вѣрошъ. Дряхлая нянька вмѣшалась въ толпу народа и прокричала, какъ могла громче: *виватъ!* Адольфъ, прекрасный

молодой человек и уже Капитанъ Арміи, въ богатомъ нарядѣ шелъ рядомъ со своимъ Государемъ. Великолѣпный обѣдъ приготовленъ былъ въ городской гостиницѣ: ужиналъ же Генрихъ у Мериньяка только съ нимъ и съ Адольфомъ. Старушка, которая едва могла передвигать ноги, стояла теперь за столомъ бодро и прямо. Всякое слово Короля, обращенное къ ней, дѣлало ее моложе десятью годами. На улицахъ слышны были шумныя восклицанія непритворнаго веселія. По окончаніи ужина, Генрихъ съ рюмкою въ рукѣ, сказалъ хозяину своему: “согласись, мой другъ, что не должно предаваться опчаянію. Когда лишился ты единственнаго сына своего, тогда, почти передъ моими глазами, погибло 2000 вѣрнѣйшихъ моихъ подданныхъ. Горесѣть есть дань, которую всякій смертный долженъ платить природѣ; но прискорбія друзей добродѣтели облегчаются благошворительностію, и само Провидѣніе, для утѣшенія ихъ, посылаетъ къ нимъ несчастныхъ.,,

Съ Франц. Х.

~~~~~

О КОНЦЕРТѢ ВЪ АСТРАХАНИ.

*Писѣмо къ Издателю Благона-
мѣреннаго.*

Позвольте сообщить вамъ описаніе одного пріятнаго явленія, встрѣпившагося со мною по приѣздѣ въ *изобильную* Астрахань.

Упоминившись ошъ скучной поѣздки по песчанымъ горамъ и обнаженной степи, кошорой печальное единообразіе имѣеть большое вліяніе на расположеніе человека, я не могу выразить того удовольствія, какое я чувствовалъ, достигнувъ наконецъ опрадной переправы чрезъ Волгу. Какая занимательная картина представилась моему взору на прошиволежащемъ берегу! Множество судовъ, зданій и движущагося Русскаго народа съ Азіатскимъ, одушевленнаго духомъ шорговли, соснавляло для меня зрѣлище, если не новое, шо по крайней мѣрѣ давно уже не виданное, и кошорое доспапочно вознаграждаетъ спранника за всѣ прешерпѣнныя имъ на пуши своемъ неприяшности. Кажется за 50 версий ошъ города поды-

маясь на песчаные бугры, привѣтспво-
 валь уже я выказывавшійся изъ опдале-
 нія иашитлавый каедральный соборъ,
 господспвующій гордо и величеспвенно,
 подобно исполнву, надъ окреспнностью,
 но который опять изчезаль опть жадныхъ,
 любопыныхъ моихъ взоровъ, по мѣрѣ шо-
 го, какъ я опускался на гладкую поверх-
 ность. Теперь же, когда плоскій досче-
 никъ быспро капился внизъ *по широко-*
му раздолью священнѣйшей рѣки въ мѣрѣ,
 когда спокойствіе души моей согласо-
 влось съ шишиною вечерѣющаго дня — я
 имѣль полную свободу: любовалсь симъ
 достопамяннымъ храмомъ; къ позлащен-
 нымъ вершинамъ коего прикасались по-
 слѣдніе румяные лучи солнца, и какъ бы
 съ благоговѣніемъ мгновенно скрывались
 за горизонтомъ. Словомъ: я былъ проник-
 нушь какимъ-то живошворнымъ чув-
 спвомъ веселія, приближаясь къ грозной
 Кремлевской стѣнѣ, которая проспиралась
 по окончатности Заячьаго Бугра, и сви-
 дѣтельспвуешь о пошкихъ событіяхъ,
 ознаменовавшихъ въ печеніи двухъ вѣковъ
 покоренную Аспрахань.

Вспуивъ на обѣшванную землю, по-

го города, куда давно уже спремилась душа моя, призываемая узами родства и дружбы, я приказалъ своему слугѣ, по полученіи имъ лошадей подъ экипажъ, слѣдовать въ назначенную квартиру; а самъ, старая опъ нешерпѣнія увидѣвшись и обнявъ добраго моего Р., съ копорымъ провель я свою молодость, наскоро переодѣлся, и степный, своенравный конь помчалъ меня на обычныхъ здѣсь съ двумя фыршукми дрожкахъ, по волю кучера Арменина.

Но представьте же себѣ, М. Г., что по счастливой судьбѣ моей, я еще на пуши встрѣтился съ моимъ другомъ. Умолчу о минувшъ свиданія. Вамъ, какъ Психологу, она особенно будетъ понятна. Не допустивъ его ворочаться для меня назадъ, мы опправились вмѣстѣ на концертъ, куда онъ поропился, и копорый давали того вечера всѣ здѣшніе артисты. И вопшь мы уже въ домъ Аспраханской Губернской Гимназіи.

Мы вошли въ яркосвѣщенную залу, весьма способную для концерта, въ концѣ коей успроено было возвышеніе для оркестра. Послѣ онаго начинался пер-

вый рядъ кресель, занятыхъ почешнѣйшими особами города; слѣдующія за ними помѣщали, въ числѣ прочихъ посѣщителей, и смуглыхъ, весьма важныхъ по наружности Персіянъ, благовидныхъ Арменъ, смиренныхъ, съ оливковыми лицами Индѣйцевъ и Татаръ, кошорыхъ прихотливый жребій раздѣлилъ между прекрасными Россіянками, изгнавъ изъ сосѣдства ихъ здѣшнихъ щеголей.

Вообще весьма занимательно видѣть собраніе нѣсколькихъ сотъ человекъ, совершенно различествующихъ между собою образомъ нарѣчія, соспояній, лицъ и одежды, но принимающихъ по своей образованности, или изъ угожденія господствующему вкусу, участіе въ общемъ удовольствіи.

Концертъ, на которомъ я очутился по нечаянному случаю, данъ былъ 10 ч. испекшаго Мая нѣкошорыми изъ чиновниковъ, кои помощію своего искусства желали участвовать въ благошвореніи разореннымъ въ С. Петербургѣ отъ наводненія.

Изъ піесъ, назначенныхъ для концерта, знапоки музыкальныхъ сочиненій у-

смотря въ все разнообразіе онаго, безъ сомнѣнія опдали бы справедливую похвалу *Д. А. В.* за его разборчивый вкусъ, и поощреніе молодыхъ артистовъ на поприщѣ изящнаго. Соединяя съ превосходствомъ игры на фортепьяно, истинную страсть къ своему искусству, онъ, какъ начальникъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ въ благородномъ предпріятіи своихъ подчиненныхъ, и собственною игрою поддержалъ все достоинство концерта.

Сколько ни чувствую себя слабымъ въ сужденіи о предметѣ, теорія коего мнѣ вовсе неизвѣстна; но при всемъ томъ позволяю себѣ опдать вамъ, *М. Г.*, хотя самый неудовлетворительный отчетъ въ произведенномъ симъ концертомъ впечатлѣніи на посѣпителей. Кажется, лучше сказать хоть что нибудь, нежели вовсе умалчивать о такомъ наслажденіи души, которое и не въ Астрахани принесло бы полную славу виновникамъ онаго.

Отъ меньшаго числа любителей музыки, здѣсь пребывающихъ и, кромѣ *Г. г. Добровольскихъ*, состоящихъ изъ чиновниковъ, которые только послѣ служ-

бы имѣють досугъ на сіе занятіе, конечно нельзя требовать блистательныхъ концертовъ, какіе даются въ обѣихъ нашихъ столицахъ; однако, при всей ограниченности въ средствахъ къ произведенію чего-либо отличнаго, концертъ, данный 10 ч. Мая, превзошелъ ожиданія всѣхъ знамоковъ, и прямо награжденная за свое вниманіе публика изъявила общее желаніе опять услышать нѣчто подобное сему.

Не упоминая уже объ извѣстныхъ увертюрахъ *Боальды*, *Штейбелта* и *Моцарта*, весьма удачно и съ соблюденіемъ согласія и выраженія разыгранныхъ полнымъ оркестромъ, коимъ управлялъ Г. Добровольскій старшій, сей превосходный игрокъ на скрипкѣ восхищающій своихъ слушателей, я коснусь игры однихъ только арпешювъ, обнаружившихъ при семъ случаѣ свои способности.

Г. Павловъ, который съ такимъ успѣхомъ преодолѣлъ всѣ трудности VII концерта, соч. *Роде*, явилъ въ сей вечеръ, какъ меня увѣряли, необыкновенную смѣлость и быспрошу смычка и, сколько я самъ судить могу, многіе пассажи выра-

жалъ съ особеннымъ чувствомъ. Должно замѣтить, что посѣпишели имѣли удовольствіе ознакомиться и съ другимъ талантомъ Г. Павлова, и его пѣніе Испальянской, а въ особенности Русской аріи, какъ казалось, болѣе одушевляло публику, чемъ игра на скрипкѣ, хотя сіе послѣднее искусство несравненно болѣе приноситъ чести артисту. Но — это дѣло вкуса, и не трудно сыскать причину сего одушевленія.

Пользуясь правомъ сказать нѣчто о квинтетѣ соч. Филльда (2 Divertissement Pastoral), разыграніе котораго на фортепьяно предоспавилъ себѣ Д. А. В., я ограничусь только тѣмъ, что прекрасное произведеніе сіе сохранило все свое достоинство. Спираспный любитель своего искусства, но скромный для того, что бы заспавилъ себѣ въ семь отношеніи удивляться, Г. В. явился въ семь концертѣ въ числѣ соучастниковъ онаго единственно для поощренія, какъ уже выше сказано, молодыхъ артистовъ, что бы ошъ недоспашка оныхъ не разспроилось похвальное ихъ предпріяпіе. И кто не уважитъ одинъ уже сей подѣ

вигъ, сей кропкій, снизходительный образъ мыслей, не справляясь впрочемъ объ успѣхѣхъ игры?—Но и на эпопѣ счетъ *А. Д. В.* оправдалъ пріяпную надежду поспѣшителей, въ коихъ замѣтно было необыкновенное вниманіе, когда онъ съ быспрошою, вѣрноснью и вкусомъ извлекалъ восхипительные аккорды, конечно съ чувствами своими согласные. Громкія рукоплесканія наградили просвѣщеннаго и опышнаго знапока музыки!

Напослѣдокъ упомяну о соперникѣ *Г. В.* въ игрѣ на фортопьяно, о семъ счастливомъ питомцѣ роскошнаго климапа *Аспрахани*, въ коего добрый геній его вдохнулъ нѣжныя чувства, напечашлѣлъ въ характерѣ задумчивость, увлекающую его часто въ міръ фантазіи, и воспламеніе въ немъ спрасъ къ музыкальному искусству, указалъ ему путь для снисканія одобренія свѣша.— Я говорю о *Г. Шельгорнѣ*, который оспался вѣренъ своему руководителю, и конечно никогда ему не измѣнишь. Будучи обязанъ своимъ усовершенствованіемъ славному въ наше время арипису, неподражаемому *Фильду*, на каковой предметъ нарочно ѣздиль

въ Москву—онъ съ опличнымъ успѣхомъ выполнилъ приняшую имъ на себя обязанность разыгравъ 4й концертъ своего наставника. Всѣ, слышавшіе игру Г. Шельгорна, могутъ удосповѣрить, что Фильдъ нашель бы въ оной себя вознагражденнымъ за свои труды и не имѣль бы причины краснѣть за своего ученика. Награда лесная для сего артиста!

Пѣніе Г. *Алберта* Испальянской аріи Чимарозы доставило слушателямъ крапкое, но весьма приятное удовольствіе. Голосъ его чистъ и выразителенъ; онъ управляетъ имъ съ большимъ искусствомъ.

Заключу шемъ, что возвращаясь изъ концерта, не скоро могъ я распашься со сладкимъ ощущеніемъ того, что слышалъ; къ чему присоединялась еще мысль, что я получилъ оное въ Астрахани, гдѣ не общалъ себѣ подобнаго наслажденія, будучи уже предварень о существующемъ здѣсь недоспашкѣ публичныхъ увеселеній. И дѣйствительно, здѣсь рѣдко бывающъ собранія, маскарады, а еще рѣже концерты, и весьма мало посѣщаемый храмъ Талии доспоинъ своихъ жрецовъ, въ ономъ служащихъ; въ замѣну

Смиряешь громъ, смиряешь волны;
 Но рабспвуешь въ цѣляхъ спраспей.
 Съ улыбкой свѣшлой упованья
 Лешишь къ изящному душой —
 Иль, жертва грознаго спраданья
 Мигъ ускоряешь роковой.

*

Умомъ возвышеннымъ ширяясь,
 Ты мудръ, недоспижимъ, великъ;
 Но въ прахъ челомъ своимъ склопясь
 Сколь низокъ, раболѣпень, дикъ!
 Лучемъ небеснымъ озаренный,
 Ты мужесшвенъ въ борьбѣ съ судьбой;
 Но облакаясь суешой
 Низходишь шварей въ рядъ презрѣнный.

*

Невинность, добродѣшель, умъ,
 Дарами неба называешь —
 И посреди высокихъ думъ
 Рабомъ порока засыпаешь.
 Въ страны фантазіи лешишь
 На пламенныхъ крылахъ мечшанья.
 “Я въ мірѣ первое созданье!”,
 Сказаль—и въ прахѣ ужъ лежишь!

*

Непоспижимое шворенье,
 Ужель шебѣ данъ сей удѣлъ? ...
 Но гдѣжь надеждъ швоихъ свершенье?
 Гдѣ испытанію предѣлъ? ..

Неизъяснимой силы полный,
Стремлюсь къ минутѣ роковой,
И зрю міры лешащъ какъ волны
Въ хаосъ, несстройною шолдой.

*

Изчезло все! Эфиръ алѣешъ,
Трубы раздался грозный гласъ,
Заря безсмертъя занялась,
Туманъ упалъ — мой взоръ свѣшлѣешъ,
Я зрю, что непоспижнымъ мнилъ;
Законъ Предвѣчнаго открылся:
“Блаженъ кто Вѣрой осѣнилъ
И совѣспи не помрачилъ.”

Козельскѣ.

А. Би-ромб.

~~~~~

Усладѣ.

Баллада.

Изъ за понкихъ облаковъ,
Въ дымѣ облачныхъ паровъ,
То луна сілешъ,
То въ нихъ лучъ скрываетъ.

*

Въ хижинѣ одинъ пуспой
Унывалъ Усладѣ душой,
На луну взирая,
Слезы оширал.

*

“Было время—я любилъ!...
 Въ эпоть часъ я подарилъ
 Все своею любезной—
 Огнь любви сердечной!,,

*

“Было время—и ушло!
 Было счастье—ушело!
 И мнѣ измѣнило
 Все, что въ свѣтѣ мило!,,

*

“Ты, луна, свидѣтель мой!
 Какъ она передъ шобой,
 Жизнью и душою
 Бышь клялась моею!,,

*

“А теперь я ей забышь!...
 Скоро прахъ мой будешь скрышь
 Подъ сырой землѣю
 Гробовой доскою!,,

*

“Пусть, луна, швой свѣшлый лучъ,
 Просіявъ изъ дымныхъ шучъ,
 Тѣнь мою покажешь
 И невѣрной скажешь:,,

*

“Твой Усладъ въ землѣ лежишь!
 Онъ шобою былъ убишь,
 Чрезъ швою измѣну:
 Зналъ любви онъ цѣну!...,,

*

Между шемъ, какъ онъ груспиль—
 Огнь раскаянья помиль
 Душу все забывшей,
 Другу измѣнившей.

*

Ею избранный супругъ,
 Не былъ добръ, какъ прежній другъ;
 Нравомъ дикъ, упоренъ,
 Дружбѣ непокоренъ.

*

Спаль ей мраченъ Божій свѣсъ!
 Скоро ль смертный часъ придетъ,
 Только ожидаешь:
 Вживѣ умираешь!

*

Разъ — луна изъ пучь блестятъ —
 На луну она глядишь,
 Тяжко воздыхаешь:
 Чшо - шо шамъ мелькаешь! ...

*

Смогришь робко: прямо къ ней
 Въ блескъ радужныхъ лучей
 Чья - шо шѣнь слетѣла ...
 Чшо же? — Обомлѣла! ...

*

То ея другъ прежній былъ!
 Томень, блѣденъ, шихъ, уныль,
 Какъ жилецъ могилы! —
 Спрашенъ ликъ постылый!

*

На пропинку указаль,
 Тихимъ голосомъ сказалъ:
 “Эпою пропою
 Слѣдуй пы за мною!,, —

*

Вотъ за нимъ идешь она,
 Ожиданіемъ полна;
 Скоро путь свершаешь,
 Въ хижину вступаешь.

*

Чтожь? — Предъ нею черный гробъ ...
 И гласишь печально поць:
Будь надб нилб — прощенье!
И не будь отмищенье!

*

Подняла она покровъ —
 Жишь еще мершвецъ гошовъ—
 Но смертельна рана! ...
 “Вьявѣ нѣшь обмана!,,

*

И съ шѣхъ поръ и ночь и день
 Окровенная шѣнь
 Ей повсюду зрится,
 На нее грозится!

*

А измѣнница, блѣдна!
 Какъ бы радостнаго дня,
 Иль конца кручины,
 Ждешь своей кончины! —

*

Ужь съ попоковъ шаешъ ледь!
 Вошь ужь холмъ и лугъ цвѣшешъ,
 Роци зеленѣюшъ
 И зефиры вѣюшъ!

*

Но не въ радость ей весна!
 Жизнь ушрашила она
 И блаженство рая,
 Радости не зная.

Красноярскѣ на Енисеѣ. Ис. Петровѣ.

~~~~~

Къ Молодости.

(посв. П. А. Сатиру.)

Зачемъ такъ быстро пролетаете,
 Дни бурные весны моей!
 И все съ собою увлекаете,
 Чшо льстившъ такъ сердцу въ жизни сей?

*

Я мало былъ знакомъ со счастиемъ;
 Вполнѣ лишъ горе испыталъ —
 И милой искреннимъ участіемъ
 Еще утѣшенъ не бывалъ.

*

Игрушкой рока своенравнаго
 Влачилъся въ міръ до сихъ поръ;

И призракъ счастья коварнаго
Лишь обольщаль мой грустный взоръ.

*

Я зналъ и дружбы услаждение;
Любовью пламенѣла кровь :
Но другъ исчезъ какъ сновидѣніе —
Была обманчива любовь.

*

Но все полна душа желаньями
И пылкихъ, свѣраспныхъ чувствъ полна,
И увлекаема мечтаньями,
Еще чего - то ждетъ она.

*

Мнѣ мнишся, кто - то *неизвѣстная*
Въ семь міръ для меня живешь,
Какъ ангелъ милая, прелестная,
Съ кошорой жизнь вновь зацвѣшешь.

*

И шакъ помедлише, дни младости,
Дни бурные весны моей!
Не уносише моей радости;
Познашь блаженство дайше съ *ней*.

С. Ясенокъ.

В. Трубниковъ.

Рондо сложное.

(Въ альболиѣ В - рѣ Н - нѣ Ш - ой.)

Любимица любви и жрица Гименей,
 Цвѣшущая красой, любезная умомъ!
 Пусть дни твои хранишь безсмертная
 Игелъ
 И счастье себя покоишь подъ крыломъ.

*

Ты счастье обрѣла въ супружествѣ благомъ,
 Супруга нѣжнаго, любезнаго имѣя;
 Ему утѣхой будь, будь добрымъ божествомъ,
 Любимица любви и жрица Гименей!

*

Пусть твой супругъ, къ тебѣ любовью
 пламенѣя,
 Такъ счастливо живешь, какъ въ вѣкѣ зо-
 лошомъ:
 Въ семь мѣсяцъ для него ты новая Аспрей,
 Цвѣшущая красой, любезная умомъ!

*

Ты умножай его блаженство съ каждымъ
 днемъ;
 Живи, о времени пропекшемъ не жалѣя,
 Живи любовію, дыши святымъ добромъ...
 Пусть дни твои хранишь безсмертная Игелъ!

*

Твоими чувствами и мыслию владѣя,
 Пусть будешь, какъ пеперь, всегда, вездѣ,
 во всемъ,
 Твоей наставницей богиня Аѳиня *) —
 И счастье тебя покоишь подъ крыломъ.

*

Нельзя хвалишь себя — ты назовешь льсте-
 цомъ!
 Я только то скажу, льстецомъ быть не
 умѣя,
 Что зависти самая — съ нахмуреннымъ ли-
 цомъ —
 Узнавъ тебя, шепнешь: вошь юная Психея,
 Любимица любви!

Оренбуревъ.

И — рѣ К — вѣ.

~~~~~

КНИЖНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

І.

**О изданіи Журнала ИМПЕРАТОР-
 СКАГО Человѣколюбиваго Обще-
 ства.**

Журналъ ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколю-
 биваго Общества въ началѣ сего 1826 года,
 по особеннымъ воспрѣпившимся обстоятель-
 ствамъ, не былъ издаваемъ. Благожелательная

*) Минерва.

однако Публика не преставала присылать подписокъ на оный. Комитетъ по ученой части онаго Общества, желая удовлетворить ожиданію ГГ. Пренумераншовъ и продолжать трудъ свой въ распространеніи свѣденій о дѣлахъ и предметахъ челоуколюбія и благошворительности, предположилъ продолжать изданіе сего Журнала съ наступившаго Іюля мѣсяца.

Цѣль онаго состоить въ томъ, что бы сообщая, какъ опечественной, такъ и иностранной публикѣ извѣстія о существующихъ издавна и въ новѣйшее время открытыхъ разнаго рода благошворительныхъ заведеніяхъ и открытіяхъ, показавъ приемлемыя въ семъ отношеніи правительствами и частными людьми дѣятельныя мѣры и съ темъ вмѣстѣ, сохранить опъ забвенія подвиги прежнихъ и современныхъ благошворителей.

Журналъ сей будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

I. Литтература благошворительности и нравоученія.

II. Благошворительныя заведенія и открытія.

III. Общенародное врачеваніе.

IV. Оффиціальныя и другія извѣстія по части благошворительности.

Въ первомъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы:

Жизнеописанія благошворительныхъ чело-
вѣческихъ. — Нравоучительныя списки, по-
черпнушыя изъ разныхъ Христіанскихъ
Писателей. — Разсужденія, имѣющія благо-
шворную цѣль и клонящіяся къ искорене-
нію въ народѣ предразсудковъ, вредныхъ
для здоровья и нравственности. — Поучи-
тельные повѣсти. — Извѣстія о древнихъ и
новѣйшихъ сочиненіяхъ по части благошво-
ренія, извлеченія изъ оныхъ, разборъ и суж-
денія.

Во второмъ:

Теоретическія и практическія свѣдѣ-
нія объ устройствѣ благошворительныхъ
заведеній и учреждений. — Описанія шко-
льныхъ заведеній и учреждений въ Россіи и
въ другихъ Государствахъ существующихъ
и впредь открываемыхъ. — Объявленія о
новыхъ изобрѣшеніяхъ, клонящихся къ облег-
ченію страдающаго челоуѣчества. — Статьи
о нравственномъ образованіи юношества,
въ особенности бѣднаго сословія.

Въ третьемъ:

Мѣры къ сохраненію жизни челоуѣче-
ской и здоровья вообще, и въ особенности
въ благошворительныхъ заведеніяхъ. — Сред-
ства предупреждать болѣзни и врачевать
оняя простыми и для всѣхъ удобными
способами. — Діететическія наставленія

касательно воспитанія дѣтей. — Наспавленія возвращать жизнь мнимоумёршимъ, утончимъ, замерзшимъ, въ обморокъ находящимся и проч.—Описанія учрежденныхъ для сего заведеній и новоизобрѣшенныхъ снарядовъ.

Еб тетвертолиб:

Поспановленія Заведеній вѣдомства ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества и по благошворительной части вообще. — Отчеты помянутыхъ Заведеній о суммахъ и дѣйствіяхъ оныхъ. — Увѣдомленія о благошворительныхъ приношеніяхъ, поступающихъ въ сіе Общество. — Извѣщенія о сѣмействахъ и лицахъ, впадшихъ по разнымъ несчастнымъ приключеніямъ въ крайнее бѣдствіе и, кромѣ доставляемаго имъ опъ Общества самонужнѣйшаго вспоможенія, заслуживающихъ чрезвычайной помощи.

Доброхотныя пожертвованія въ подкрѣпленіе дѣйствій сего Общества, адресуются на имя Совѣта онаго. — Извѣщенія о сѣмействахъ и лицахъ, находящихся въ крайнемъ положеніи и пребующихъ особенной помощи опъ благошворителей Публики, могутъ быть присылаемы въ Комитетъ по ученой части ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, который, при соблюденіи поспановленныхъ правилъ, не преминетъ помѣспить оныя въ издаваемомъ

имъ Журналъ. Ему прилично быть, въ такомъ случаѣ, посредникомъ между несчастіемъ и благошворительностію — и какъ бывають случаи, въ которыхъ бѣдные не могутъ дѣлать гласнымъ своего имени, по и въ семъ отношеніи соблюдено будетъ надлежащее приличіе. Законная воля благошворителей всегда будетъ свято исполняема.

Комитетъ приглашаетъ Гг. Членовъ своихъ Корреспондентовъ, также врачей, начальствующихъ надъ благошворительными заведеніями и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, участвовать въ его трудахъ, доставленіемъ своихъ наблюдений, сочиненій и переводовъ. — Всѣ таковыя статьи Комитетъ приметъ съ признательностію, и при соотвѣстствіи ихъ предложенной цѣли, помѣститъ оныя въ своемъ изданіи. Комитетъ употребитъ все стараніе сдѣлать оное сколько можно занимательнымъ и полезнымъ для читателей.

Каждый мѣсяць, начиная съ наступившаго Іюля, будетъ выходить одна книжка, заключающая въ себѣ шесть и болѣе печатныхъ листовъ; при таковыя книжки составяють часть. Цѣна сему Журналу, за полугодное изданіе, здѣсь въ С. Петербургѣ и во всѣхъ городахъ Россіи, съ доставленіемъ, 15 р. Впрочемъ благошворительнымъ особамъ предсказывается вносить и болѣе

означенной суммы, для предметовъ челоѣколюбія. Особы, благоволившія внести уже въ семь году деньги на цѣлое годовое изданіе, если имъ угодно, могутъ бытъ удовлетворены Журналомъ въ слѣдующемъ 1826 году, по количеству присланной ими суммы, или остальная можетъ бытъ имъ возвращена, по ихъ воспреобанію.

Подписка здѣсь въ С. Пепербургѣ принимается въ Комитетѣ по ученой части ИМПЕРАТОРСКАГО Челоѣколюбиваго Общества, состоящемъ въ домѣ вѣдомства онаго Общества на Липейной ежедневно съ 8 до 10 часовъ по утру и съ 6 до 9 часовъ послѣ обѣда, также у книгопродавцевъ: Сень-Флорана, Сленина, Свѣшникова и Глазунова. Иногородныя особы благоволяшъ опноситься съ требованіями прямо въ упомянутый Комитетъ. Въ томъ же Комитетѣ можно получать Журналъ сей за прошлые годы съ 1818 по 1824 — цѣною по 25 р. за годовое изданіе.

2.

Четвертое изданіе *Басень и Сказокъ Александра Измайлова*, напечатанное предъ симъ за чепыре года (въ 1821) давно уже разкуплено. Между темъ Сочинитель, написавъ вновь болѣе двадцати Басень и Ска-

зокъ и исправивъ по возможности прежнія, намѣренъ приступить нынѣ къ пятому изданію, которое состоятъ будетъ изъ трехъ отдѣленій, или частей. Въ первой помѣщены будутъ собственно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* и *Притчи* (*fables morales, mixtes et raisonnables*); во второй *Сказки* (*contes*); въ третьей *Опытъ о разсказѣ Басни и разборѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ*. Изданіе сіе напечатается на хорошей бумагѣ чешкими и красивыми буквами и украсится сверхъ фронтисписа, или заглавнаго листка, искусно гравированными виньешами, а можетъ быть и порплетомъ Сочинителя. Всѣ три части, одобренныя уже къ напечатанію, выдутъ въ одно время, въ началѣ, или въ половинѣ будущаго мѣсяца Декабря.

Подписка на сіе *пятое* изданіе принимается только въ С. п. бургѣ у самаго Сочинителя *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ, прошивъ бассейновъ, или прудовъ въ каменномъ трехъ-этажномъ домѣ наследниковъ Моденовыхъ № 506. Подписная цѣна назначается самая умеренная, за всѣ три части 15 р. За пересылку иногороднымъ прилагающъ денегъ не нужно. Имена подписавшихся припечатываются при третьей части. Чемъ болѣе будетъ подписчиковъ, темъ болѣе будетъ и гравирован-

ныхъ изображеній при семъ новомъ изданіи. Сособы, подписавшіяся въ 1821 году на четвертое изданіе, получають безденежно шретью часть, и. е. *Опытъ о разсказѣ Басни и Разборѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ.*

3.

Принимается тамъ же подписка на *Сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Александра Измайлова, въ двухъ частяхъ.* Въ первой части помѣщены будутъ *разныя мѣлкія стихотворенія*, кромѣ Басень и Сказокъ, которыя, какъ выше значить, издаются особо — во второй проза, какъ то: Повѣсти, Разговоры, Письма, Разсужденія, и.ш. п. Если число подписавшихся будетъ достаточное, то и сіе изданіе украсится также виньешами и гравированными карпинками. Подписная цѣна за обѣ части, которыя выдутъ въ одно время съ *Баснями и Сказками*, какъ для здѣшнихъ, такъ и для иногородныхъ 10 р. Имена подписавшихся будутъ припечатаны при послѣдней части.

4.

Издатель *Благонамѣреннаго* просить у *инокшорыхъ Гг. иногородныхъ* литерашо-

ровъ извиненія въ помѣ, что онъ не помѣ-
 стилъ и не помѣспилъ въ своемъ Журналѣ
 присланныхъ опъ нихъ оригинальныхъ и
 весьма хорошихъ сочиненій какъ въ спи-
 хахъ, пакъ и въ прозѣ. Всѣ сіи сочиненія
 помѣщены будутъ въ *Парнасскомъ Цвѣтникѣ*,
Литтературномъ Алманахѣ, который намѣ-
 рень онъ издать на будущій 1826 годъ вмѣ-
 стѣ съ извѣстнымъ и оспроумнымъ писа-
 шелемъ *П. А. Яковлевымъ* *). О изданіи сего
 Алманаха объявлено будетъ въ свое время.
 Между шемъ Издатели покорнѣйше просятъ
 всѣхъ упражняющихся въ отечественной
 Словесности доставлять къ нимъ свои ори-
 гинальныя сочиненія: всякая хорошая про-
 заическая, или стихотворная піеса приня-
 та и помѣщена будетъ съ благодарностію
 въ *Парнасскомъ Цвѣтникѣ*. Печатаніе онаго
 начнешя въ будущемъ Сенябрѣ, или въ
 Оксябрѣ мѣсяцѣ.

XXVII и XXVIII N^o *Благонаимѣреннаго*
 выдутъ пакже въ одной книжкѣ, кошорой
 большая половина уже напечатана. Издашель
 шеперь очень, очень занятъ — но Богъ и
 добрые люди помогутъ ему въ шрудахъ —
благонаимѣренныхъ.

*) Сочанишелемъ Повѣспи: *Несгастія отъ слезъ и*
вздоховъ, *Чувствительнаго Путешествія по Невскому*
проспекту, и проч.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXX ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Оды и прог. лиригескія стихотворенія:

ешпан.

Возбужденіе къ радости	100.
Пѣснь Маю	229.
Воину Поэшу	230.
Человѣкъ	419.

Романсы и Пѣсни:

Измѣна	126.
Прекраснымъ	127.
Весна	169.
Во полѣ березамъка стояла	203.
Анетъ	260.
Друзья, смягчите вашъ укоръ	325.
Любовь, владычица вселенной	326.
Гдѣ копья и мечи скеркали	327.
Лишь полько звучною трубой	328.
Другъ любезный, ненаглядный	329.

Посланія:

Къ женщинамъ	37.
Вопросъ Лидѣ	118.
Къ прелестницѣ	276.
Отвѣтъ на вопросъ П. А. П-вой	330.

Васни :

Солнце и Луна	231.
Марпышка и Воль	350.
Соколь и Черепаха	351.
Орель безъ крыльевъ	352.

Повѣсти и Баллады:

Девкаліонъ и Пирра (<i>изъ Овидіевыхъ превращеній</i>)	41.
Оскаръ д' Альва (<i>Повѣсть Лорда Бейрона</i>)	137.
Пловець	332.
Усладь	421.

Слѣсь .

Сонъ	30.		
Прохожій и мальчикъ	31.		
Я. К. К—ву	32.		
На концерпъ Г. Ромберга	36.		
Сонепъ	120.		
Жизнь поселянина	121.		
Моя фіялка	228.		
Паденіе листьевъ. <i>Элегія</i>	258.		
Анешъ	260.		
Сравненіе	334.		
Въ альбомы	} М. В. В	102.	
		} Надеждъ	273.
			И. П. А—ву
		Кн. М. Ѳ. III	280.
	} Себѣ	335.	

Надгробіе С. П. Ч.	235.
Шарада	235.
Къ молодоспи	425.
Сложное Рондо	427.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты:

Вечеръ на берегу Ледовищаго моря	96.
Вечеръ на берегу Женевскаго озера	111.
Алина, или Сулшаша-Валида	153 и 188.
Три Багдашскихъ мошенника	232.
Бардъ Славянскій на берегу Днѣпра	281.
Совѣшь Американцевъ	305 и 337.
Новобрачная	319.
Ужинъ чершей и колдуновъ	322.
Двѣ меподы	382.
Приемышь	401.

Разныя сочиненія и отрывки:

О экзаменѣ въ Пенсіонѣ Г. Годеніуса. (Письмо въ Талбовѣ къ Кн. Н. А. Цертелеву)	21.
Жена	54.
Къ Тирзѣ. Первая Элегія Лорда Бейрона	164.
Букешъ цвѣшовъ. Идиллія	184.
Швеи (изъ l'Hermite de la Guiane)	205.
Къ Тирзѣ. Вторая Элегія Лорда Бейрона	261.

Просни. <i>Элегія Лорда Бейрона</i>	2-3.
Еще <i>Элегія Лорда Бейрона</i>	316.
Къ <i>Маріи</i>	364.
Стансы (<i>изъ сот. Л. Бейрона</i>)	378.
О концерсѣ въ <i>Аспрахани</i> въ пользу разоренныхъ опъ наводненія въ С. п. б. (<i>Письмо къ Изд.</i>)	410.

Маленькіе Разговоры:

Баринъ и слуга	28.
Дядя, Племянникъ и Каммердинеръ	—

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

<i>Виландъ. (оконтаніе)</i>	3.
Взглядъ на нынѣшнее состояніе наукъ въ <i>Испаніи</i>	12.
О <i>чесполобіи</i>	17.
О <i>склонности къ разговору</i>	73.
Новѣйшія извѣстія о <i>подвласпныхъ Тур-</i> <i>камъ Сербяхъ</i>	105.
Преимущество <i>человѣка предъ живош-</i> <i>ными</i>	166.
О <i>народныхъ Малороссійскихъ сшихо-</i> <i>швореніяхъ.</i>	216.
О <i>Сшихошворствѣ, или Поэзіи (Изъ</i> <i>Сулцера.)</i>	237.
О <i>Булгарахъ</i>	269.
О <i>Эпическихъ сшихошворцахъ</i> 286, 352 и 373.	

III. КРИТИКА.

Дѣло ошъ бездѣлья, или крашкія замѣ-
чанія на современные журналы . . . 171.

IV. СМѢСЬ.

Выгодное для капиталисповъ пригла- шеніе	51.
Прощаніе Графа Ангальша съ 45 каде- шами, отправляющимися на флотъ	103.
О прививаніи по деревнямъ оспы (<i>от- рывки изъ частныхъ писемъ</i>)	263.
Заговоръ, парсія, (cabale)	366.
Анекдоты	35, 70 и 369.
Благошворенія	33 и 235.
Книжныя извѣстія	128, 266, 298 и 428.

